Александр Н. Жизнь в волшебном мире

Jero3000

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер»

Рейтинг: R

Жанры: Джен, Фэнтези, Пародия, Эксперимент, Стёб, Учебные заведения

Предупреждения: Смерть основного персонажа, OOC, Нецензурная лексика

Размер: планируется Миди, написано 185 страниц

Кол-во частей: 27

Статус: в процессе

Описание:

Саша продолжает свой путь к исправлению ошибок. Волшебный мир ставит ему все новые и новые задачи, а сам он отчаянно желает оказаться дома. Но история не желает подстраиваться под него, убегая все дальше и дальше. Удастся ли ему спасти хоть кого-то, или придется совершить те же ошибки?

- Jero3000
  -
  - Часть III. Глава 1. Известия приятные и не очень
  - Часть III. Глава 2. Покупки и разговоры
  - Часть III. Глава 3. Худшее воспоминание Александра Н.
  - Часть III. Глава 4. Новые уроки и новые хлопоты
  - Часть III. Глава 5. Болячки и переговоры
  - Часть III. Глава 6. Заглянуть в глаза своему страху
  - Часть III. Глава 7. О благих намерениях
  - Часть III. Глава 8. Прогулка по Хогсмиду
  - Часть III. Глава 9. Слишком много новостей
  - Часть III. Глава 10. Маленькие хитрости и большие неприятности
  - Часть III. Глава 11. Вопросы без ответов
  - Часть III. Глава 12. Подозрения
  - Часть III. Глава 13. О догадках и воспоминаниях
  - Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.1
  - Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.2
  - Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.3
  - Часть III. Глава 15. Крыса или не крыса?
  - Часть III. Глава 16. Беседы приятные и не очень
  - Часть III. Глава 17. Чужие секреты

- Часть III. Глава 18. Встреча века
- Часть III. Глава 19. Тревожные звоночки
- Часть III. Глава 20. О квиддиче, весне и сливочном пиве
- Часть III. Глава 21. Приговор
- Часть III. Глава 22. Последний матч Оливера Вуда
- Часть III. Глава 23. От сессии до сессии…
- Часть III. Глава 24. Справедливость торжествует
- Часть III. Глава 25. Год окончен

Jero3000
Александр Н. Жизнь в волшебном мире

Посвящение:

Моим подписчикам, читателям и просто мимопробегающим. Максу, музу, Саше. И конечно же отряду сов, который подбадривает и подпинывает автора.

Публикация на других ресурсах:

Пожалуйста, не надо размещать этот рассказ на других ресурсах.

Часть III. Глава 1. Известия приятные и не очень

— Доброе утро, миссис и мистер Дурсль, — достаточно громко произнес Саша. От звука его голоса Петунью и Вернона синхронно подбросило, а Дадли тихо пискнул.

— Утро, — буркнул дядюшка, как будто признавая факт наступления утра как такового, но не желая никого убеждать в доброте этого утра. И все только лишь потому, что ненавистный племянник спустился на завтрак. — И почему ты не можешь провести и эти каникулы Там?

— Сам бы рад, — кивнул Саша, — но возможности нет.

Этим летом у Дамблдора нашлись какие–то невероятно важные дела, и Сашу просто поставили перед фактом: в этот раз ему придется пожить на Тисовой. Впрочем, что здесь, что в школе он был предоставлен сам себе, и если бы не желание хоть немного наполнить желудок, он бы вообще из комнаты не выходил. Конечно, можно было заказывать совиной почтой всяческие лакомства, но тогда он бы спустил все средства с Гринготтского счета. Так что приходилось изо дня в день спускаться на кухню и наблюдать кислые рожи Дурслей. Впрочем, в этом плане мир был справедлив: родственники от Сашиного вида тоже не получали удовольствия.

— Ты не мог бы, — осторожно начала Петунья, подвигая к нему тарелку, на которой лежал маленький кусок яичницы, из которого сиротливо поглядывал один кружочек колбаски, — ты мог бы не скрипеть своим пером хотя бы ночью?

— Тетушка, я же учусь, — убийственно ласково проговорил Саша.

— Мы приютили тебя, мы дали тебе возможность выжить, — завелся с пол–оборота Вернон. — Мы даже не сдали тебя в приют…

— За что я вам премного благодарен, — закончил Саша. — Хорошо, ночью буду писать карандашом.

— С сегодняшнего дня ты не будешь писать ничего! — рявкнул дядя, и кусочки яичницы на его усах опасно колыхнулись. Саша на всякий случай отодвинулся.

— Поймите, дядюшка, если я не выполню летнюю работу, — вкрадчиво проговорил он. — Меня отчислят, и я поселюсь у вас насовсем.

Такая перспектива, судя по исказившимся физиономиям Дурслей, не прельщала никого.

— И как мы объясним Мардж скрип перьев? — прокряхтел Вернон.

— Тетушка Мардж приезжает? — обрадовался Саша, отчего Дурсли еще сильнее расстроились.

— Да, сегодня, — буркнул мистер Дурсль. — Мы еще не придумали, что ей сказать про место твоей учебы.

— Не переживайте, я сам что–нибудь совру, — закивал Саша, запихивая в рот весь кусок яичницы. В этот самый миг в распахнутое окно влетела Совунья и уронила в тарелку Дадли кучу писем. Дадли пискнул и рухнул со стула.

— Прошу прощения, — пробормотал Саша, забирая конверты и просматривая адреса отправления. Рон, Гермиона, Невилл, Дин, Симус, Хогвартс. Саша решил начать с письма из школы. Оттуда выпало небольшое извещение о дате начала учебного года и еще один не виданный ранее листочек, который оказался разрешением на посещение волшебной деревни Хогсмид.

— Подпишете? — он протянул бумагу Вернону.

— Вот еще, — фыркнул дядя. — Ничего я подписывать не должен.

Саша нахмурился и убрал лист. В конце концов, он надеялся, что сегодня приедет тетушка Мардж и получится достать Вернона через нее.

С сестрой дяди Вернона у Саши сложились неожиданно хорошие отношения. Поначалу эта дама, конечно, была против того, чтобы в доме ее брата жил приемный ребенок. Саше (в теле Гарри) было тогда пять лет, и Мардж спустила на него своего бульдога. Однако у Саши был опыт общения с собаками, и он сладил с псом. Вместо того чтобы гонять ребенка по всему саду бульдог по кличке Злыдень неожиданно послушался команды «Сидеть» и даже позволил Саше с ним играть. В тот момент тетушка Мардж, для которой никого важнее собачек не существовало, оттаяла. Следующая их встреча состоялась через два года. Дадли получил игрушечного робота, а Саша — пакетик недорогих леденцов. По сравнению с собачьим печеньем — его тетушка привезла в самый первый раз — это определенно могло считаться проявлением благосклонности. Саша исправно гулял со Злыднем, тот, в свою очередь, послушно выполнял команды, и тетя Мардж добрела буквально на глазах. Она, конечно, не поменяла отношения к покойным Лили и Джеймсу, но к Саше была лояльна. «Я думала, будет хуже», — говаривала Мардж, и Саша понимал, что могло быть действительно намного хуже.

Остаток завтрака прошел в тишине, и Саша собирался было отправиться наверх, в свою комнату, чтобы в спокойной обстановке разобраться с письмами. Уже на лестнице он

услышал, как заговорил диктор во включившемся телевизоре.

— Напомним, Сириус Блэк был осужден за массовое убийство с использованием огнестрельного оружия. Вероятно, на данный момент Блэк вооружен. Убедительная просьба: всем, кто знает о местонахождении Блэка сообщить об этом по специальной горячей линии.

Дальше Саша ничего не слышал. Его как будто по голове ударили, и он пошел в комнату, не видя и не слыша ничего вокруг.

«Что ж ты, крестный, такого натворил?» — вопрошал сам себя Саша. Образ Сириуса, который еще был жив в памяти — веселого, жизнерадостного молодого мужчины, который заливисто хохотал в ответ на Сашины бесполезные попытки дотянуться к палочке — никак не вязался с информацией о жестоком преступнике, причастном к массовым убийствам. Саша раздраженно захлопнул учебник по зельеварению и свернул недописанное сочинение. Распечатывать все пришедшие письма желания не было. Даже посылка, обнаружившаяся на окне, не заинтересовала его ни на йоту. Саша улегся на кровать, заложил руки за голову и принялся смотреть в потолок. Он чувствовал, что его предали. «Если я еще что–то понимаю в этой жизни, — думал он, — то по идее Сириус должен был своего крестника хоть как–то оберегать. Наблюдать за ним, что ли. Присматривать. Но почему его на убийства–то понесло?» Саша решительно ничего не понимал.

— Дадли, не хочешь прокатиться со мной? — раздался с первого этажа бас дядюшки.

— Я поеду! — крикнул Саша, чувствуя в голосе какое–то отчаяние. Ему хотелось куда–то идти, ехать, лететь, лишь бы не думать о том, что — по сути — Сириус его предал. Вместо того чтобы взять на себя ответственность за крестника, Блэк натворил каких–то глупостей и сел за это в тюрьму — и Саша расценивал это как предательство.

— Тогда собирайся, да поживее! — Вернон возник в дверях и теперь буравил племянника ненавидящим взглядом.

— Уже, — буркнул Саша, ногой запихивая чемодан под кровать.

— И сделай что–то с птицей!

— Совунья, — он приоткрыл клетку и погладил своего питомца. — Пожалуй, эту неделю тебе придется пожить в парке. Прости. Если мне надо будет отправить письмо, я приду туда.

Сова понимающе ухнула, клюнула его за палец и вылетела в окно. Саша затолкал пустую клетку под кровать и вышел из комнаты.

Дорогу до вокзала провели в молчании. Саша смотрел в окно

и думал о чем–то своем. Получалось откровенно плохо. Причиной тому было радио, которое постоянно клацал дядюшка, стремясь найти хоть что–нибудь сносное. Но, как на зло, все станции вещали лишь о побеге Сириуса. Информации было очень много, но в потоке слов бесконечно сменяющих друг друга дикторов он так и не смог уловить, откуда же сбежал Блэк. Судя по всему, Вернона занимал тот же вопрос, потому что дядюшка принялся разглагольствовать на эту тему, от чего Саше стало только хуже.

Тетушка Мардж уже ждала их на парковке. Саша мигом подхватил ее чемодан и помог Вернону уложить его в багажник. Все это время Злыдень рвался с поводка. Когда наконец чемодан был уложен, Мардж ослабила поводок, и бульдог тут же подлетел к Саше, встал на задние лапы и принялся молотит передними по его ноге.

— Ну привет, привет, — Саша потрепал пса по шее. Тот немедленно облизал ему руки.

— Мой хороший мальчик так скучал по своему другу, — умилилась Мардж и потрепала Сашу по щеке. Александр почувствовал, что карман его немного потяжелел. Он опустил глаза и увидел уголок пакетика с леденцами, выглядывающий из кармана.

— У кого–то день рождения, — хитро шепнула тетушка, и Саша удивленно кивнул. Известия о Сириусе совершенно выбили его из колеи. А то, что кто–то с фамилией Дурсль помнил об этой дате, и вовсе было фантастикой.

Злыдень изъявил желание ехать домой на руках у Саши, отвлекая того от грустных мыслей по поводу Блэка.

— А где ты учишься? — спросила вдруг Мардж, и Саша уловил красноречивый взгляд Вернона. Мол, выкручивайся, племянничек, раз пообещал.

— В закрытой школе, — туманно ответил Саша. — С углубленным изучением естественных наук. Мне особенно нравится химия.

— Не рановато ли для химии? — удивилась Мардж.

— Ну, это же специальная школа, — пожал плечами Саша.

— Как ты туда вообще попал?

— Мои родители, — осторожно проговорил Саша, стараясь как можно нейтральнее пройти по теме, невероятно раздражающей Мардж, — внесли предоплату почти сразу после моего рождения. Так что мне еще повезло.

— Хоть что–то полезное сделали, — буркнула Мардж. Саша почуял, что разговор рискует уйти в совершенно ненужное русло и быстренько переключился на режим питания Злыдня, что невероятно польстило тетушке.

Так и обосновалась Марджори Дурсль на Тисовой. Дадли стоически сносил ее бесконечные объятия, за которые получал хрустящие купюры, Петунья и Вернон стелились перед гостьей и всячески старались ей угодить, а Саша…

А Саша просыпался рано утром, брал какую–нибудь книжку и уходил в парк. Правда, нужно было брать с собой Злыдня, но пес, давно воспылавший к Саше безграничной любовью, не мешал. Наоборот, Александр только наслаждался прогулкой с собакой, вспоминая о том, что где–то там, в другом времени и пространстве остался его собственный пес.

В день приезда тетушки Мардж Саша только ночью добрался до своих писем. В большинстве своем это были поздравления от ребят, но Рон похвастался выигранной поездкой в Египет — газетная вырезка прилагалась, а Гермиона рассказывала о том, как отдыхает во Франции. Остальные же проводили лето довольно прозаично. Последней Саша вскрыл странную посылку и тут же беззвучно охнул. В посылке оказалась книга, которая тут же решила укусить его за палец.

— Сидеть, — тихо, но четко, приказал он, и книга на удивление послушалась. «Чудовищная книга о чудовищах», — прочитал Саша на обложке и решил перевязать ее чем–то от греха подальше. Под рукой были те же бечевочки, которыми была упакована посылка, и Саша перехватил ими книгу. Бумагу, в которую была завернута книга, он приспособил под обложку для учебника по зельям. Книга, замотанная в желтоватую бумагу, ни у кого не могла вызвать вопросов. Саша наспех написал всем ответы, запечатал их, вложил в учебник и провалился в сон.

Семь дней были похожи один на другой. Ранним утром Саша завтракал, брал Злыдня и уходил в парк, где читал до тех пор, пока не стемнеет настолько, что невозможно будет различить буквы. В обед в парк приходила тетушка Мардж и приносила Злыдню еду, а Саше перепадала пара бутербродов. Впрочем, одно Сашу печалило: он так и не выкроил минутки, чтобы попросить тетушку Мардж уговорить Вернона подписать разрешение. В принципе, он планировал сделать это в последний вечер, когда старшие выпьют немного бренди и придут в благостное расположение духа.

В последний день тетушка Мардж пришла в парк в самом хорошем настроении.

— Петунья говорит, что в половине девятого тебе нужно быть дома. В девять будет ужин, и она хочет, чтобы все было идеально, — проговорила она, протягивая Саше бутерброд с сыром. — Жаль, Злыдень меньше побудет на свежем воздухе.

Саша рассеяно кивнул и уткнулся в книгу. Пока тетушка

Мардж обнималась со своей собакой, он мог внимательно перечитать особо сложный абзац и вникнуть в написанное. Вникал он так долго и так старательно, что даже не заметил, как тетушка ушла, оставив их одних.

Саша опомнился только когда свет начал становиться мягче. Это значило, что солнце начало клониться к закату, и что пора поторопиться домой. Саша захлопнул книгу и поднялся на ноги, как вдруг Злыдень зашелся неистовым лаем, чего раньше с ним не случалось. Пес брызгал слюной и рвался в сторону ближайшего куста. Саша потянул Злыдня за поводок, но тот словно намертво прирос к земле. Сквозь лай бульдога послышался новый звук: утробное, низкое рычание, доносившееся из–за куста. Саша попятился, глядя, как на поляну выходит огромный черный пес с горящими глазами.

Злыдень испуганно заскулил и попытался спрятаться за Сашиными ногами. Александр вовремя это понял и подхватил тетушкиного питомца на руки. Огромная черная псина продолжала наступать, и Саша пожалел, что нельзя было воспользоваться палочкой и хотя бы заморозить псину на время, достаточное для того, чтобы убраться на безопасное расстояние. Впрочем, палочка с прочими волшебными принадлежностями лежала в чемодане, а Саша стоял посреди парка со Злыднем на руках. Даже книга по зельеварению выпала у него из рук, да так и осталась лежать под деревом. Черный пес гавкнул и приготовился к прыжку. В этот самый момент над головой раздался шум крыльев, и Совунья спустилась псу на голову, отвлекая его. Саша прыжком достиг дерева, поднял с земли книгу и рванул что есть сил к дому.

Тетя Петунья смерила удивленным взглядом запыхавшегося племянника, но не проронила ни слова. Саша быстро поднялся наверх, швырнул книгу на диван и мельком взглянул на время. Так или иначе, он пришел на целых десять минут раньше условленного времени.

На следующий день тетушка Мардж уехала, и Саша искренне пожалел, что не уговорил ее помочь с разрешением. Причина была в том, что весь предыдущий вечер его мысли занимал огромный черный пес. Судя по всему, Дадли все–таки заметил, что родственник предается каким–то нелегким думам, и поэтому не преминул его поддеть.

— Что, Поттер, соскучился уже по собачке? — насмешливо проговорил Дадли, соизволивший даже зайти в Сашину комнату.

— Иди, куда шел, — буркнул Саша, но его вмиг осенила догадка. — Хотя нет, погоди–ка.

— Что? — Дадли тупо уставился на него.

— Милый братец, — Саша сделал самый доброжелательный тон, — а ты хотел бы попробовать сладости из моего мира?

— Вот еще, — фыркнул Дадли.

— Ты уверен, — Александр подошел чуть ближе, — ни лакричные палочки? Ни шоколадные лягушки? Неужели даже бесконечные конфеты тебя не прельщают?

— Бесконечные? — младший Дурсль тяжело сглотнул.

— Со временем они, конечно, заканчиваются, — пожал плечами Саша. — Но месяц–другой грызть можно.

— Хочу, — глаза Дадли маниакально заблестели.

— Я тоже, — признался Саша. — Но, к сожалению, я не смогу тебе их прислать, потому что дядюшка не подписывает разрешение на посещение волшебной деревни. А там как раз и продаются бесконечные конфеты. Я бы даже прислал тебе коробочку–другую, но, как понимаешь, не судьба.

Саша трагично вздохнул и принялся листать свою книгу.

— Дело только в этой бумажке? — Дадли, очевидно, пытался соображать.

— Да. Одна подпись — и ты счастливый обладатель коробки бесконечных конфет.

— Давай сюда свою бумажонку, — младший Дурсль выхватил у Саши разрешение и с громким топотом побежал вниз. — Папа! Папа, немедленно подпиши Поттеру его бумажку!

Саша ухмыльнулся, прислушиваясь к происходящему внизу: к недовольному сопению Вернона, к нытью Дадли, к его тяжелому пыхтению, с которым братец поднимался по лестнице.

— Только попробуй обмануть, — пригрозил ему Дадли, отдавая подписанное разрешение. — И мы тебя изобьем.

— Боже упаси, Дадли, — Саша хлопнул его по спине. — Помнишь мою сову? Советую относиться к ней поласковее, ведь именно она будет носить тебе посылки.

Дадли потопал в свою комнату, а Саша сложил вчетверо разрешение, упрятал его в книгу по Истории Магии и уложил ее на дно чемодана. Пора было паковать вещи, ведь с утра Рон прислал письмо с предложением встретиться в Косом Переулке, чтобы сделать покупки, переночевать в «Дырявом котле» и уже оттуда отправиться в школу. Несмотря на то, что до встречи оставалось полторы недели, Саша начал собираться уже сейчас, чтобы ничего не забыть.

Часть III. Глава 2. Покупки и разговоры

С горем пополам Саше удалось уговорить дядю Вернона отвезти его в Лондон. Дядюшка ворчал, метал в Сашу сердитые взгляды, хмурился и всем своим видом показывал, что его машина не предназначена для перевозки чемодана, доверху набитого вещами волшебника, совиной клетки и — о, ужас — метлы. Впрочем, Саша клятвенно пообещал, что увидятся они только следующим летом. Чтобы умаслить дядю, он решил, что последнюю ночь перед поездом можно провести и в съемной комнатке в «Дырявом котле». Это подействовало на Вернона самым благотворным образом: он даже сам загрузил в машину Сашины вещи. Дадли не остался в стороне от происходящего в доме. Героически оторвавшись от просмотра очередной телепередачи, младший Дурсль вышел в переднюю, чтобы проводить Сашу тычком под ребра — судя по угрожающему виду Дадли, это должно было стать напоминанием о заключённом между ними договоре. Саша и без напоминаний не собирался нарушать их соглашения: хорошо пораскинув мозгами, он пришел к выводу, что братца стоит прикормить на случай, если в школе еще когда–нибудь понадобится подпись дяди Вернона. Петунья прослезилась от восторга, углядев в манёврах Дадли проявление хороших манер. Впрочем, тётушка могла плакать и от радости по поводу отъезда племянника — уточнять Саша не стал.

Комнату в «Дырявом котле» Саша снял сразу — уж больно неприглядной показалась ему перспектива расхаживать по Косому Переулку со всеми своими пожитками. Вспомнив о полученном днем ранее письме от Уизли, Саша внимательно присмотрелся ко всем присутствующим в маленьком пыльном зале, но не увидел ни одной рыжей макушки. «Небось, спят еще», — подумал Саша и вышел на задний дворик. Письмо от Рона пришло предыдущим вечером: друг писал, что они с семейством вернулись из Египта и решили не заезжать домой, а остановиться в «Дырявом котле» на пару дней, что оставалась до поездки в школу. Саша ничего не имел против Рона и его семьи, но ему бы хотелось сохранить в тайне ото всех свои небольшие махинации с золотом. В конце концов, это было его личное дело. Именно поэтому он перво–наперво отправился в «Гринготтс», где ему предстояло более часа провести, общаясь с пожилым дотошным гоблином. Саша прошёл к банку по пустому Косому Переулку. Первые лучи утреннего солнца робко золотили крыши

домов, а свежий ветерок гонял одинокую обертку от жвачки «Друббдс» по каменной мостовой. Но, несмотря на ранний час, банк уже встречал Сашу гостеприимно распахнутыми дверьми. Александр сделал глубокий вдох и вошел в холл.

Спустя час он стоял на белых мраморных ступенях и щурился от яркого солнца, чьи лучи заливали своим светом весь Косой Переулок. После мрачного кабинета гоблина–управляющего, где царил полумрак, а от отблесков дрожащего пламени свечи кружилась голова, на улице даже здоровый человек потерялся бы в пространстве. Что было говорить об Александре, зрение которого пострадало от темных чар и, несмотря на регулярное использование глазных капель, не улучшалось ни на йоту.

— Гарри! — услышал он знакомый голос и попытался сфокусировать зрение. Грейнджер стояла по ту сторону переулка, возле магазина с волшебными животными и махала ему рукой. Саша обреченно махнул в ответ и поплёлся к ней.

— Привет, — он кивнул, подойдя ближе. У стены магазина было немного тени, и Саша не упустил возможности спрятаться от солнца, которое проходило через толстые линзы очков и опаляло глаза, подобно греческому огню.

— Рон понёс свою крысу на осмотр, — сообщила Гермиона самым будничным тоном, — а я увидела тебя и решила подождать. Мне нужен будет ваш совет.

Саша скептически хмыкнул, но всё же пошёл за Грейнджер к магазину, где уже беседовал с продавщицей Рон.

— У меня в сентябре будет день рождения, — сказала Грейнджер, — и я хотела бы купить себе что–нибудь. Рон удивился, что я ищу подарок не в книжном магазине.

— Какая ему разница, — перебил её Саша. — Это же твой подарок, где хочешь — там и ищешь.

— Как же хорошо, что ты меня понимаешь, — благодарно улыбнулась Гермиона. — Дело в том, что я хочу завести какого–нибудь питомца. Думала остановиться на сове, но совершенно не умею их выбирать.

Совы, сидевшие на своих насестах под потолком, заинтересованно заклекотали и повернули свои головы к Гермионе.

— Да я и сам в этом не мастер, — пожал плечами Саша. — Сейчас дождемся, пока продавщица договорит с Роном, и попросим её помочь.

Рон тем временем извлек из внутреннего кармана мантии свою крысу и положил её на прилавок. В тот же миг откуда–то сверху раздалось утробное ворчание, и на прилавок опустилось рыжее нечто. Короста пискнула — Саша удивился, как у нее не

случилось инфаркта — и с невиданной прытью бросилась прочь из магазина. Рон припустил за ней. Саша развёл руками и посмотрел на Грейнджер, которая вдруг протянула руки к комку рыжего меха, по–царски восседавшему на прилавке. Комок меха на поверку оказался пушистым котом с приплюснутой мордой.

— Он у вас часто так прыгает? — осведомился Саша на всякий случай. — Судя по морде, приземления у него получаются через раз.

— Не обижай Глотика, — продавщица восприняла шуточный выпад в адрес кота почти как личное оскорбление. — Он уже триста лет тут живет, и всегда таким был.

Саша смерил продавщицу подозрительным взглядом, но не стал уточнять, действительно ли все триста лет кот прожил по её присмотром. Зато Грейнджер не смогла удержать язык за зубами и принялась задавать вопросы, из которых самым главным был один — не продается ли этот кот.

— Конечно, милая, забирай, — в голосе продавщицы звучала неприкрытая радость, и Саша отчасти понимал её. «Если эта мохнатая ерунда на всех посетителей так прыгает, — подумал он, — я бы прыгал от радости, что её наконец заберут». Тем временем продавщица наскоро объясняла Гермионе особенности ухода за котом. Сам же кот — Живоглот, как назвала его продавщица — повис в руках у Грейнджер словно меховая тряпка и перестал подавать признаки жизни.

— Я бы взял ещё переноску, — невпопад сказал Саша, — тебе же нужно как–то везти его в поезде.

Продавщица тут же засуетилась и принялась извлекать из–под прилавка самые разнообразные корзинки. Грейнджер бестолково топталась на месте, пока Саша расплачивался за переноску, напоминавшую размерами скорее маленький вольер.

— Считай это моим подарком на день рождения, — бросил Саша, когда Гермиона попыталась что–то возразить.

— Кстати, ребята, — спохватилась вдруг продавщица, — мальчик, который стоял перед вами, забыл микстуру для своей крысы.

— Это наш друг, — быстро сказала Гермиона и забрала с прилавка пузырек. — Мы ему передадим.

Рон обнаружился возле квиддичного магазина. Карман его мантии трясся, и Саша сделал однозначные выводы о местонахождении Коросты.

— Ты что, купила эту тварь? — возмущению Рона не было предела. — Он чуть не сожрал мою крысу.

Грейнджер, прижимавшая к себе переноску с котом, попыталась что–то возразить о том, что это кот и ничто кошачье

ему не чуждо, что он будет жить в ее спальне, но Саша слышал всё это словно сквозь вату. Внезапно накатившая волна головной боли была такой сильной, что Александр покачнулся и прислонился к стенке, чтобы не упасть. Спорящие Рон и Гермиона этого совершенно не замечали.

— Пойдемте уже за книгами, — протянул Саша, и его спутники замолчали, восприняв его горестный стон на свой счет.

— Я уже всё купил, — буркнул Рон. — Мы ещё вчера прошлись по магазинам.

— А я заказала всё совиной почтой, — развела руками Гермиона. — Мы были во Франции, когда пришло письмо со списком книг.

— Ладно, сам схожу, — Саша неопределённо махнул рукой, — вы всё равно будете спорить до посинения.

Он оторвался от стены и побрёл в сторону книжного магазина. Рон с Гермионой, пристыженные, но всё ещё воинственно сопящие, двинулись за ним.

— Смотри, — Рон бросился к небольшому столику посреди зала, как только они вошли во «Флориш и Блоттс». — Я хотел её купить, но мама не позволила. Сказала, что я с ума уже схожу со своими предсказаниями.

— И была права, — отрезал Саша, глядя на книжонку, которой потрясал Рон.

— Это Грим! — распалялся Рон. — Это самый…

— Обычный пёс, — перебил его Саша. — Я такого в парке видел, когда с тёткиной собакой гулял. Тоже мне, нашли чудище Баскервиль–холла. Вот в «Чудовищной книге» твари реально жутковатые.

— Ты её открывал? — удивлённо воскликнули Рон и Гермиона в один голос. — Как?

— Как–как. Руками, — Саша хмыкнул и отошел к стенду с книгами по нумерологии. Рон с Гермионой проводили его недоумёнными взглядами.

После того, как Саша обзавёлся всеми необходимыми книгами, Рон чуть ли не за ногу потащил его смотреть новую метлу.

Гермиона, к мётлам хладнокровная в принципе, предпочла отправиться в «Дырявый котёл» вместе с переноской.

— Молния, — благоговейно простонал Рон, приникая к витрине всем телом.

— Я говорил вам об её анонсе ещё в прошлом году, — лениво протянул Саша, которому больше всего на свете хотелось сложить с себя ношу в виде учебников и наконец–то подкрепиться. Причем с очередностью он ещё не определился. Неподалёку мелькнула

знакомая светлая макушка, и Саша требовательно дернул Рона за рукав.

— Эй, ты чего?

— Есть охота, — соврал Саша. Почему–то он был уверен, что не стоит сообщать Рону о том, что неподалёку бродит Малфой. Эти двое были в таких прекрасных отношениях, что разнимать их пришлось бы покупателям всех окрестных магазинчиков. В «Дырявый котёл» они направились довольно бодрым шагом.

В баре на первом этаже «Дырявого котла» сидел рыжеволосый мужчина и читал газету. Завидев ребят, он отложил газету и немного подвинулся.

— Пап, познакомься, это Гарри, — гордо сообщил Рон.

— Очень приятно, мистер Уизли, — Саша пожал протянутую руку. Новый знакомый определённо ему нравился. Он рассматривал Сашу с интересом, но без того раболепного обожания, присущего большинству членов волшебного общества. Впрочем, к ним тут же подошёл бармен и поставил перед посетителями по тарелке супа. Все тут же принялись за еду, однако Саше почему–то показалось, что простыми переглядками дело не кончится.

— Гарри, ты не против короткого разговора? — поинтересовался мистер Уизли, когда с супом было покончено, и перед ними появились чашки с ароматным чаем.

— Держись, Гарри, — засмеялся Рон. — Отец обожает всякие маггловские штуковины. Это часа на три, не меньше.

И всё–таки Саша кивнул и даже поднялся со своего места, когда входная дверь распахнулась, и в зал вошли Фред, Джордж и Джинни, подгоняемые матерью. И все они первым делом бросились к Саше. Джинни рассказывала что–то о Египте, Фред с Джорджем поочерёдно вставляли ехидные комментарии, а мистер и миссис Уизли стояли в сторонке. Однако стоило ребятам подхватить сумки и отправиться в свои комнаты, как миссис Уизли накинулась на Сашу с вопросами. Её волновало абсолютно всё: не голодал ли он, не обижали ли его Дурсли, а самое главное — не утомил ли его мистер Уизли своими разговорами.

— Что вы, мы ещё даже не начали, — с улыбкой ответил Саша, но миссис Уизли всё же метнула в мужа предупреждающий взгляд и тоже пошла в комнаты.

— Мы быстро, — проговорил мистер Уизли, съёжившись под взглядом жены. Саша прищурился, глядя в спину удаляющейся миссис Уизли, и подумал, что, видимо, есть что–то, что мистер Уизли может рассказать такого, чего ему, Саше, знать не следует.

— А давайте выйдем, — предложил Саша самым доброжелательным тоном. — Здесь так шумно, просто ужас.

По деревянной лестнице как раз с громким топотом спускались близнецы, а в спины им нёсся голос миссис Уизли. Мистер Уизли кивнул, и они, воспользовавшись небольшой суматохой, вышли в маггловскую часть Лондона.

Машины, ездившие по улице, приводили мистера Уизли в восторг. Они с Сашей перешли через дорогу и сели на скамью у небольшого магазинчика.

— Ну, что вы хотели спросить?

— Скорее, рассказать, — полушепотом проговорил мистер Уизли, наклоняясь к нему и воровато оглядываясь по сторонам. — Сириус Блэк сбежал из–за тебя.

— Что? — Саша опешил и уставился на мистера Уизли.

— Министр мне рассказал, — прошептал мистер Уизли, — слушай внимательно и не вздумай никому об этом рассказать. Министр Фадж был в Азкабане, когда Блэк еще не сбежал. В тюрьме все сходят с ума. Все. А Блэк остался нормальным. И он повторял одну и ту же фразу: «Он в Хогвартсе». Гарри, будь осторожен.

— Зачем же я Блэку? — Саша был настроен весьма скептически, ведь убить его никто не смог бы даже при очень большом желании. А особенно — Сириус. Но ни про неубиваемого Поттера, ни про сохранившуюся память мистеру Уизли знать не стоило, поэтому Саша сделал милое учтиво–заинтересованное лицо и продолжил слушать.

Услышанному Александр не поверил ни на секунду. Сириуса обвиняли в убийстве, Сириуса обвиняли в пособничестве Волдеморту, Сириуса обвиняли в том, что он–де хочет убить крестника и сбежал ради этого из тюрьмы.

— Спасибо за предупреждение, мистер Уизли, — Саша вежливо улыбнулся и легонько кивнул головой. — Я так понимаю, и вас, и вашу супругу, и министра беспокоит лишь моя безопасность.

— Гарри, ты такой рассудительный, — мистер Уизли легонько хлопнул его по плечу. — Пока Блэка не поймают, твоя безопасность — один из важнейших вопросов. Ты ведь…

— Живая легенда, я в курсе, — Саша поморщился. — Хорошо, я даю вам слово, что не буду никуда ходить в одиночку, не нарушу ни одного школьного правила и вообще буду сидеть тихонечко, покуда Блэка не поймают. Более того, я не расскажу ни вашей супруге, ни министру — если встречу его, конечно — о нашем разговоре.

— Гарри, пообещай ещё кое–что, — мистер Уизли нахмурился, — пообещая, что не будешь сам искать Блэка.

— Помилуйте, мистер Уизли, — Саша не удержался и

хохотнул. — Этим занимаются специально обученные люди. Зачем там я? Но если вам нужно, я обещаю, что не буду искать Блэка.

«Сириус сам меня найдёт», — подумал Саша, но вслух этого не сказал.

Часть III. Глава 3. Худшее воспоминание Александра Н.

Ни одному слову, сказанному мистером Уизли, Саша не поверил, однако погрузился на весь вечер в раздумья. Он, конечно, спустился на ужин и даже умудрялся вежливо кивать и делать заинтересованное лицо, но мысли его были далеки от происходящего в «Дырявом котле».

«Сириус был в тюрьме все эти годы», — этот факт не вызывал сомнений, только недоумение. Саша помнил Сириуса — и никому необязательно было об этом знать — живым и веселым молодым мужчиной с отрывистым лающим смехом и широкой улыбкой. В их первую встречу Саша очень сильно удивился, что Сириус хватает Лили на руки и вообще ведет себя как третий член семьи, но постепенно привык к тому, что Джеймс относится к другу как к брату, да и Лили всегда была о Блэке хорошего мнения. Да, Сириус носил длинные волосы — за которые Саша пару раз его дернул ради шутки — и весьма экстравагантно одевался, даже по меркам волшебников. Да, у Сириуса был мотоцикл, который таинственным образом был способен летать. Но на уголовника Сириус был похож меньше всего. Даже невозможно было представить, за какие грехи его отправили за решётку.

«Сириус был пособником Волдеморта», — это уж было вообще несусветной чушью в Сашиной системе координат. Александр худо–бедно да разбирался в людях, и не мог сказать, что Сириус похож на предателя. Точнее, из всех, кто захаживал в дом, Сириус последний был похож на предателя. Более того, Сириус как–то раз даже предупреждал Джеймса, чтобы тот не высовывался из дому и не подвергал семью опасности. Насколько Саша помнил, Блэк пытался их защитить. «Если Волдеморту так нужна была наша смерть, а Блэк действительно был его пособником, — Саша мысленно подчеркивал слово «действительно», — незачем было всё так сложно обставлять. Блэк был вхож в дом, он не раз и не два оставался на ночь. Прирезал бы всех троих в постелях и всё».

«Сириус остался нормальным и не сошёл с ума», — на этой фразе Сашу крепко заклинило. Он силился, но никак не мог вспомнить даже отрывочных сведений, связанных с волшебной тюрьмой, но то, что Блэк остался здоровым, неизменно радовало. «Скорее всего, тюрьма сделана так, что преступники сходят с ума. Сириус остался нормальным — это ли не доказательство его непричастности ко всей той ерунде, в которой его обвиняют?»

Впрочем, Саша даже не знал, в чём именно обвиняют крёстного, и за что тот получил срок. Саша сделал мысленную заметку, что это предстоит выяснить. Сам–то он не собирался искать Блэка, он был уверен, что крёстный рано или поздно явится. Это нужно было ему просто так. «Для общего развития», — оправдал Александр своё любопытство.

«Сириус сбежал из Азкабана», — это должно было пугать, но Саша мысленно аплодировал. Судя по тому, с каким благоговейным ужасом об этом говорили, побег был явно не самым легким делом. Впрочем, если верить словам Фаджа, которые передал мистер Уизли, Сириус сбежал из–за него, Саши. Тут Александру оставалось только мысленно извиниться за все те проклятия — тоже мысленные — которые он посылал Сириусу все двенадцать лет. Он ведь и правда раз в неделю–две вспоминал о крёстном и ругал его за то, что тот даже не пытается навестить крестника. Будучи в Хогвартсе, Саша подзабыл о Блэке, но видимо Блэк о нём не позабыл и даже сбежал из Азкабана ради встречи с крестником.

«Сириус хочет тебя убить», — в это Саша не верил, это Саша отрицал и перегрыз бы глотку каждому, кто ещё раз выдаст такую бредовую версию, если бы это не обнажало его сущность. Он не должен был помнить о Блэке, он не должен был помнить эпизодов из детства. Каждый раз, прокручивая в голове эту мысль, Саша прикусывал губу и особенно отрешённо смотрел куда–то в пространство.

Ужин уже закончился, все уже разбрелись по комнатам, а Саша так и сидел за столом с чашкой остывшего чая и думал, думал, думал. Кто–то осторожно постучал его по плечу, но Саша только раздражённо мотнул головой, отгоняя особенно назойливого собеседника.

— Вот видишь, ты напугал его своими разговорами! — взвизгнул женский голос, от которого Александр дёрнулся. — Мальчику и так тяжело, а ты еще сильнее запугиваешь его! Бедный ребёнок теперь будет мучиться из–за твоей глупости и неумения держать язык за зубами.

— Я должен был его предупредить, — сквозь пелену мыслей Саша узнал голос мистера Уизли и решил делать вид, что всё ещё пребывает в задумчивости.

— Зачем? Ты видишь, что напугал его? Гарри весь вечер сам не свой, и заметь, это случилось после вашей милой беседы!

— Ты знаешь, их постоянно куда–то носит: то в Запретный лес, то по замку. Он должен быть осторожен!

«Это Рона по лесам носит, а не меня», — хотел было возразить Саша но вовремя вспомнил, что он якобы не слышит

спора.

— Посмотри на него! Он же боится! — миссис Уизли, кажется, постепенно переходила на ультразвук.

— Он просто устал, — мистер Уизли был немного ближе к истине. — Засыпает на ходу, вот и всё.

— Гарри, — миссис Уизли дёрнула Сашу за плечо чуть требовательнее, но по–прежнему осторожно. — Ты не устал?

«Кажется, можно отмереть», — решил для себя Саша и дёрнул головой, будто пришёл в себя.

— Я? Да, спасибо, — он специально говорил невпопад. — Я, кажется, уже засыпаю. Пойду в комнату, наверное. Завтра рано вставать.

Одним махом Саша осушил чашку чая — и скривился. Погружённый в свои мысли он даже забыл положить туда сахару — и побрёл к себе в комнату. Саша был уже на лестнице, когда миссис Уизли окликнула его.

— Гарри, дорогой, отнеси Рону крысиную микстуру, будь так добр, — она протягивала небольшой пузырёк. — Он вечно всё забывает.

Саша кивнул, взял бутылочку и побрёл наверх.

— Ты сам не свой, — Рон окинул его подозрительным взглядом. — Всё в порядке?

— Устал, — коротко бросил Александр.

— Ой, я тоже устал, — выдохнул Рон и шёпотом добавил, — Перси меня просто доконал. Когда мы уже поедем в школу?

— Завтра, — пожал плечами Саша. — Надо выспаться.

Уизли согласно кивнул, закрыл дверь, оставив Сашу наедине со своими мыслями.

***

Утро прошло в суматохе, и Саша даже не успел особенно уйти в себя. Перси метался в поисках своего значка, распекал Рона за пролитый чай, близнецы хихикали в углу, Джинни с Гермионой пытались уговорить Живоглота залезть в переноску. Мистер Уизли то и дело выскакивал на улицу, словно кого–то или чего–то ждал.

Кого и чего ждал мистер Уизли, стало понятно через полчаса, когда к «Дырявому котлу» подъехали две машины — по словам мистера Уизли, министерские — и вся компания принялась грузиться. Саша уселся в первую и погрузился, наконец, в свои мысли. Из того, что Рон попытался утром устроить ему допрос, Александр понял, что его беседа с мистером Уизли уже давно не является тайной. В машине вместе с ними ехал Перси, и у Рона не было возможности повторить попытку допроса, да и министерский водитель смущал. Так что в машине царила

тишина, и Саша вновь задумался. Проблема Сириуса отошла на второй план, сейчас ему предстояло выдумать более–менее приличные объяснения для Рона и Гермионы, которая — в этом–то можно было не сомневаться — тоже полезет к нему с расспросами.

«Думаю, можно сказать им, что Сириус ищет меня, — прикидывал Саша, пока они ехали на вокзал, — более того, можно немного приврать, мол, он знает, что они со мной дружат. Хотя бы не будут шляться где ни попадя. Ещё можно не говорить, что Сириус сохранил рассудок, наоборот, надо сказать, что он полный псих». Более того, Саша понимал, что либо ему придется свести общение с однокурсниками к минимуму, либо приучиться постоянно контролировать себя, чтобы ни словом ни жестом не дать понять, что помнит Сириуса и хорошо к нему относится. Саша кое–что понимал в происходящем и был уверен: раз Сириуса считают матёрым уголовником, то выказывание тёплых чувств может сулить большие неприятности.

В поезде было шумно и людно, и компания насилу отыскала свободное купе. Точнее, купе было не совсем свободно — в углу у окна дремал незнакомый мужчина.

— Может, не стоит? — разочарованно протянул Рон, когда девчонки вошли в купе к незнакомцу.

— Можешь ехать в тамбуре, мы не против, — бросил Саша, усаживаясь рядом со спящим попутчиком. Такое соседство его порадовало: вряд ли Рон захочет сплетничать в присутствии старшего, который хоть и спал, но проснуться мог в любой миг.

Рон проворчал что–то и уселся рядом с девчонками.

— Кто это вообще такой, — поинтересовалась Джинни.

— Профессор Р. Дж. Люпин, — сообщила Гермиона и пояснила, — это значится на его вещах.

Саша прищурился. Фамилия попутчика показалась ему знакомой. Он попытался рассмотреть его, но тот прикрыл лицо потрёпанным плащом.

— И зачем он едет в школьном поезде? — недоумевал Рон.

— Вероятно, на работу, — желчно бросил Саша. — Если ты подзабыл, то я напомню: ваш драгоценный Локонс дёрнул из Хогвартса, когда его попросили сотворить великий подвиг.

Рон пожал плечами и замолчал. Тишина продлилась недолго, видимо, любопытные друзья пытались оценить риск внезапного пробуждения нового преподавателя, а Саша тем временем силился вспомнить, откуда же он знает фамилию Люпин.

— Так, вроде крепко спит, — прошептал наконец Рон. — Рассказывай, о чём папа тебе говорил.

— Да так, — Саша лениво потянулся. — Блэк сбежал, чтобы

убить меня. Ничего удивительного, как по мне.

Реакция собеседников была предсказуемой — даже слишком, что заставило Сашу почти презрительно сморщиться. Рон вскочил и стукнулся макушкой об багажную полку. Гермиона в ужасе закрыла рот руками, а Джинни просто выпрямилась и замерла, словно каменная.

— Он псих, полный, — прошептал Саша в полной тишине. — Двенадцать лет только и думал, чтобы меня угробить. Уж не знаю, захотите вы со мной общаться после такого или нет.

Он делано вздохнул, и Джинни быстро схватила его за руку.

— Конечно захотим, не говори глупостей.

— Ну как же так? — зашептала Гермиона, стараясь не разбудить таинственного Люпина. — Блэк такой опасный. Он сбежал из Азкабана, его ищут все. Ох, скорее бы его нашли.

Рон сидел с перекошенным лицом и только молча кивал. Гермиона не знала, куда деть руки и принялась доставать из переноски своего кота, который, судя по всему, хорошенько там обжился и не хотел наружу.

— Подумай о Коросте! — предупреждающе проворчал Рон и прижал руку к внутреннему карману мантии, который уже мелко трясся.

— Ты можешь посадить в переноску свою крысу, — предложил Саша. — Она там будет в безопасности.

Так они и сделали. Как только Живоглот сдался и позволил Гермионе помочь ему покинуть переноску, Рон молниеносным движением закинул на его место крыску и захлопнул дверцу. Короста мигом заскреблась в переноске, и кот попытался было запрыгнуть на багажную полку, но Гермиона уже сжимала его в крепких хозяйских объятиях.

Они ехали уже довольно долго. Живоглот перестал реагировать на скребущуюся в его переноске крысу, Рон рассказывал что–то про Египет с таким интересом, что даже забывал смотреть на Сашу, как на того, кто в любой миг может упасть и умереть.

Внезапно поезд дёрнулся и остановился. В коридоре послышался топот множества ног: видимо, ученики повыбегали в коридор, желая узнать, что же происходит. Все лампы в поезде потухли и в вагоне воцарилась темнота.

— Ты наступил мне на ногу! — воскликнула Гермиона. Судя по звуку, Рон отшатнулся, и рядом послышался вздох Джинни. Дверь купе отворилась, и ввалился ещё кто–то.

— Вы не в курсе, что произошло?

— Невилл?

— Джинни?

Звуки небольшой толчеи, образовавшейся в купе, перекрыл хрипловатый голос.

— Тихо! — незнакомец наконец проснулся. Раздался слабый треск, и купе осветилось небольшим огоньком, горевшим прямо в руках у Люпина. Саша рассматривал серое измождённое лицо профессора и не мог понять, почему оно кажется таким знакомым. Словно Саша уже где–то видел этого человека. Давно. Очень давно.

Люпин уже начал двигаться к двери, как та медленно открылась, и пламя в руках Люпина осветило высокую фигуру в чёрном плаще. Живоглот зашипел и спрыгнул с рук Гермионы. Где–то наверху заскреблась в переноске Короста. Но Саша всего этого не слышал, потому что его барабанные перепонки разрезал оглушающий гудок, похожий на автомобильный. Глухой и низкий, он предупреждал о чем–то, он пугал, как пугал и тонкий девичий крик, раздавшийся рядом.

— Саша, тормози!

Он вдавил правую ногу в пол скорее инстинктивно, чем осознанно. Живоглот заверещал дурным голосом на всё купе, но в Сашиной голове этот вопль заглушали вопли девушки и пронзительный скрип. Затем в голове окончательно помутнело и вокруг воцарились тишина и темнота.

Часть III. Глава 4. Новые уроки и новые хлопоты

— Ёкарные черти. Вся жизнь перед глазами пролетела.

С этими словами Саша пришёл в себя. Он лежал на чем–то мягком, и запахи, витавшие в помещении, были смутно знакомыми, но он никак не мог понять, где оказался. Над головой раздался знакомый голос, не суливший ничего хорошего.

— Поттер, придержите язык, раз не способны на элементарную благодарность.

— Профессор Снейп! — Саша резко сел и судорожно принялся шарить руками вокруг себя в поисках очков. — Где я? Что происходит?

Что–то мягкое и влажное шлепнулось к Саше на колени. Холодная и жёсткая рука профессора помогла Саше справиться с условиями плохой видимости, с силой — и ощутимым раздражением — впечатав несчастную оптику в переносицу. Картинка тут же приобрела резкость. Серый фон оказался стенами больничного крыла, белые разводы — постелями, а чёрное пятно, нависавшее над Сашей — профессором Снейпом. Саша опустил глаза, чтобы посмотреть, что упало ему на ноги. Он поднял сложенную в несколько раз тряпицу и принялся было ее рассматривать, но профессор быстро выдернул ее из его рук, смочил в небольшой миске, стоявшей на тумбочке, и с очевидной злостью приложил к Сашиному лбу.

— Дементоры, — раздался из–за спины Снейпа голос мадам Помфри. — Какое безответственное отношение к жизни детей!

— Де–кто? — тупо переспросил Саша, вызвав тем самым холодный смешок Снейпа.

— Не сомневался в вашей тупости, Поттер, — холодно бросил он. — Дементоры — стражи Азкабана, а остального вам знать не следует.

— Профессор, — негодующе воскликнула мадам Помфри. — Мальчик такое пережил! Ему нужен покой.

Снейп смерил ее презрительным взглядом, развернулся и стремительным шагом направился к выходу. Мадам Помфри вздохнула, взмахнула палочкой, и Сашину голову опутали бинты, приматывая компресс ко лбу.

— Выпейте, Поттер, — мягко сказала она, протягивая Саше чашку. — Не придумали еще лучшего средства для восстановления после общения с дементорами.

— Шоколад? — удивленно спросил Саша, уловив знакомый

аромат.

— Пейте, — настойчиво повторила мадам Помфри, и Саша покорно принялся пить.

Через пять минут двери больничного крыла распахнулись, и в помещение ворвались Рон, Гермиона и Джинни.

— Гарри, ты как? — младшая Уизли чуть не плакала.

— Все в порядке, — Саша слабо улыбнулся. — Отлежусь и пойду в башню.

— Ты его видел! — распалялся Рон. — Такая тварь! Меня чуть не стошнило. Ты кстати Живоглоту на хвост наступил. Он так орал! Вовремя ты в обморок упал, а то Гермиона бы тебя прикончила.

— Рон, я здесь вообще–то, — возмущенно воскликнула Гермиона.

— Ну–ка не шуметь, — крикнула мадам Помфри из своей комнатушки.

— А профессор Люпин, — шепотом продолжил Рон. — Он такой! Сказал какое–то заклинание — и этого черного как ветром сдуло.

— Это был дементор, — раздался за спинами у друзей уставший голос. — Один из дементоров Азкабана.

— Профессор Люпин, — радостно воскликнул Рон и подвинулся, уступая преподавателю место у Сашиной кровати.

— Здравствуй, Гарри, — грустно проговорил профессор. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, спасибо, — Саша даже смог улыбнуться, скрывая за улыбкой то, что он изучал лицо профессора. Люпин казался ему знакомым. — Что со мной произошло?

— Дементоры, — Люпин помрачнел, — в их присутствии все мы вспоминаем самое страшное, самое плохое, что когда–либо с нами происходило. То, что пережил ты, Гарри, ужасно. Вот почему они так на тебя подействовали. Пей шоколад.

Саша дернулся и удивленно уставился на профессора. Его поразила ужасная догадка, что Люпин каким–то непостижимым образом узнал, что под личиной Гарри Поттера скрывается совсем другой человек. И лишь по тому, какими сочувствующими взглядами смерили его Рон, Джинни и Гермиона, Саша понял, что Люпин говорил о смерти Лили и Джеймса.

«Нужно как–то дать понять, что они правы, — быстро соображал он. — Смерть Поттеров, они кричали в ту ночь. Пытались остановить Лорда».

— Да, — нехотя проговорил Саша, — я слышал родителей. Мама так кричала.

Лицо Люпина, покрытое шрамами, исказила странная

гримаса, выражавшая одновременно боль, сожаление и сочувствие. Саша прикусил губу, понимая, что Люпин реагирует на воспоминания о Джеймсе и Лили не так, как остальные. «Все обычно делают скорбное лицо, — судорожно вспоминал Саша выражения лиц других волшебников, — а этот. Ему больно, действительно больно. Может, он был близок к семье Поттеров? Может, я видел его в их доме в Годриковой впадине? Но почему не помню так отчетливо, как того же Блэка?»

— Поттер, вы допили шоколад? — мадам Помфри коршуном нависала над ним, отвлекая от мыслей и не давая ухватиться за догадку, царапавшуюся на границе сознания.

— Да, — Саша одним глотком осушил чашку.

— Можете идти в башню, — нехотя проговорила она. — Уизли, вам придется менять ему компрессы.

— Хорошо, — быстро согласился Рон и подхватил с тумбочки миску. Гермиона и Джинни помогли Саше подняться с кровати, и вся компания покинула больничное крыло. Уже закрывая дверь, Саша увидел, как Люпин что–то тихо говорит мадам Помфри, а та лишь кивает.

— Кстати, что там с нашим расписанием? — спросил Саша по пути в башню.

— Завтра раздадут, — отмахнулся Рон. — И все–таки эти дементоры — просто жуть.

— Дамблдор говорит, что это сделано для нашей же безопасности, — назидательно проговорила Гермиона.

— Что сделано? — непонимающе мотнул головой Саша.

— Дамблдор говорил за ужином, — тихо сказала Джинни. — Дементоры будут стеречь территорию школы. Он считает, что если Блэк пойдет в школу, дементоры его остановят.

— Глупости какие. Он уже один раз ушел от них, — отмахнулся Саша, и тут же вспомнил, что он должен быть якобы против Блэка. — При побеге из тюрьмы. Думаете, он не сможет прорваться в школу и убить меня? Думаю, лучше мне поехать домой.

— Ты с ума сошел, — Джинни вцепилась в его руку, как будто он уже пытался сесть на поезд. — На Тисовой ему будет еще проще найти тебя.

— Но там пострадают только Дурсли. А здесь я ставлю под удар всю школу, — хмуро бросил Саша и мысленно добавил: «Сириус просто хочет меня увидеть и все объяснить. Но прорыв через оцепление может плохо для него закончиться, а вот на Тисовой ему никто не помешает».

— Не выдумывай. Мы защитим тебя, если придется, — выпалила Гермиона.

— Ты опять? — Саше захотелось выть. — Ну почему вы не можете просто учиться?

— Не нервируй его, — вспылила вдруг Джинни. — Он еще слаб!

Рон и Гермиона смерили ее удивленными взглядами, но все же замолчали. Остаток пути проделали в тишине.

В башне Саша сказался больным и сразу ушел в спальню, не в силах выносить сочувственных взглядов однокурсников. Рон честно сменил ему компресс, и Саша провалился в сон.

Наутро Сашу ожидал неприятный сюрприз. Войдя в Большой Зал, он обнаружил, что его обморок обсуждают за столом Слизерина — во всяком случае, картинные обмирания и закатывания глаз в исполнении Малфоя можно было расценить только так.

— Эй, Поттер, сзади тебя дементоры! — взвизгнула Паркинсон.

— Гарри, не обращай внимания, — простонал Рон.

— Гарри, пожалуйста, — вторила ему Гермиона, но Саша уже гаденько улыбнулся и помахал слизеринцам.

— Эй, Паркинсон, у тебя жир на заднице! — крикнул он в ответ на ее выпад. Весь факультет Гриффиндор и половина хаффлпаффцев рассмеялись этой шутке. Паркинсон покраснела, показала Саше неприличный жест и отвернулась. Александр лишь коротко хмыкнул и уселся возле близнецов Уизли.

— Расписание, — Джордж протянул ему пергамент. — А на Малфоя не обращай внимания. Вчера в поезде он прибежал в наше купе. Так трясся, мы думали, обделается от страха.

— Малфою–то что от дементоров, — пожал плечами Саша. — Сомневаюсь, что в его жизни было что–то хоть сколько–нибудь плохое. Мажор несчастный.

— Отцу раз пришлось съездить в Азкабан по работе. Страшнее места нет, — Джордж поморщился. — Дементоры ведь питаются человеческой радостью, теплом. Большинство заключенных просто сходят с ума.

— Да и вообще, вздуем Малфоя на квиддиче — посмотрим, как он обделается там, — хохотнул Фред.

Саша криво улыбнулся и открыл свое расписание.

— Ну ничего себе, — выдохнул он. — Почти все новые предметы в один день. Нумерология первая. Потом трансфигурация, это старый предмет. А вот после обеда — волшебные существа.

— Кстати, мы ведь тебе вчера не сказали, — будто очнулся Рон. — Уход будет вести Хагрид! Предыдущий профессор ушел, и Дамблдор позволил Хагриду занять его место.

Саша бросил взгляд на преподавательский стол, где сидел зеленоватый от волнения Хагрид. Рядом с ним на столе лежало что–то, напоминавшее тушку какого–то зверька. Саша предпочел отвернуться.

— Гермиона, а что с твоим расписанием? — спросил вдруг Рон.

— А что с моим расписанием? — переспросила Гермиона, пытаясь спрятать пергамент, но Уизли уже выдернул у нее из рук лист.

— Вот, например. В девять часов у тебя прорицание. Изучение магглов тоже в девять, и нумерология в девять! Ты же не собираешься быть в трех местах одновременно!

— Как бы у меня это получилось? — язвительно спросила Грейнджер, отнимая у Рона свое расписание. — И вообще, я все обсудила с учителями.

— Рон, не лезь не в свое дело, — поддержал ее Саша, и Гермиона вдруг испугано посмотрела на него.

— Я что–то не так сказал? — спросил Саша, и она медленно покачала головой. — Раз ничего, то приятного тебе аппетита.

Сашу мало заботило расписание Гермионы. Он думал о том, что ему следует переговорить со Шляпой, потому как проблема дементоров почему–то казалась ему более масштабной, чем это виделось окружающим.

После завтрака они разделились: Рон и Гермиона поспешили в Северную Башню, где должен был проходить урок прорицаний, а Саша побрел в кабинет нумерологии, расположенный напротив кабинета Трансфигурации. «Хоть идти недалеко», — порадовался Саша. В кабинет начали сходиться студенты — большинство из них были с Рэйвенкло, но была и пара Хаффлпаффцев, а также одна девочка в мантии Слизерина. Саша с тоской подумал, что Гермиона, вероятно, будет чередовать посещение предметов, и на этой неделе не придет на нумерологию.

— Свободно? — мальчик в рэйвенкловском шарфе указал на место рядом с Сашей, и тот поспешно убрал свою сумку со стула.

— Да, конечно.

— Терри, — коротко представился новый сосед. — А ты Гарри, да.

Саша хмыкнул, пожал соседу руку и принялся раскладывать пергаменты.

Дверь хлопнула, и все обернулись. В аудиторию вошла высокая сухая дама, окидывавшая аудиторию острым орлиным взором. Саша заметил, что за задней партой копошится Гермиона, и очень удивился. «Наверняка, передумала идти на свои дурацкие гадания», — решил Саша, но тут преподавательница заговорила,

и Саша вместе со всеми повернулся к ней.

— Меня зовут профессор Вектор, — проговорила она, и голос напомнил Саше профессора Снейпа. — Нумерология достаточно сложна для тех, кто не обладает усидчивостью. Однако если вы достаточно настойчивы в своем стремлении изучить предмет и строго будете следовать моим рекомендациям и требованиям, экзамен покажется вам несложным.

Все вздохнули.

— Сегодня мы поговорим об истории нумерологии. Как известно, у истоков нумерологии в современном ее понимании стоит Пифагор. Однако нумерология существовала и до него, хоть и в разрозненном и отрывочном виде. В любой цивилизации нумерология имела большое влияние на жизнь, поэтому до нас дошли упоминания об арабской, финикийской, египетской нумерологической системах, а также о нумерологической системе друидов. Почему вы не записываете?

Студенты вздрогнули, выйдя из ступора, в который их ввел поток непонятных слов и быстро заскрипели перьями.

Спустя час Саша выполз из кабинета, ощущая приятную усталость. Гермиона уже куда–то убежала, оставив его недоуменно стоять посреди коридора.

— Ты на какие еще курсы записался? — раздался рядом голос нового знакомого.

— Я? — Саша дернулся и повернулся к Терри. — На руны и на уход за существами.

— Ну, существа не совсем мое, — вздохнул Терри, — а вот на рунах увидимся!

— Увидимся, — пожал плечами Саша и побрел в кабинет Трансфигурации.

Спустя пять минут туда пришли и остальные, явно чем–то подавленные.

— Ну, как гадания? — спросил Саша у Рона, который плюхнулся рядом и принялся озадаченно вертеть палочку в руках.

— Представляешь, она предсказала, что Невилл разобьет чашку, — выдохнул Уизли. — А Гермионе сказала, что книги не во всем помогут ей.

— Гермионе? — удивился Саша, но быстро взял себя в руки. Видимо, Грейнджер все–таки покривила душой, когда сказала, что не умеет быть в двух местах одновременно, но Рону не следовало об этом знать.

— Да, представь ее разочарование.

— А тебе что наговорили? — хмыкнул Саша.

— Мне ничего, — поморщился Рон. — Но вот всем нам она кое–что сказала. Сейчас, как же это.

Рон замялся, будто припоминал что–то.

— Вот. «Есть тот, кто не с нами ментально, но и физически он нас скоро покинет». Это она о тебе, Гарри, — шепотом закончил Уизли.

— Глупости какие. Это почему же?

— Потому что ты ментально не с нами. В смысле, мозгами, — пояснил он, — ведь ты не ходишь на ее уроки. А физически — это значит, что тебя… Что ты…

Рон не договорил и скорбно вздохнул.

— Бред какой, — отмахнулся Саша.

— Ничего не бред, — Рон стукнул кулаком по столу. — Потом мы гадали на чаинках, и в моей чашке был Грим. Ну, помнишь, тот черный пес. Но его пасть была направлена не на меня, а наоборот — от меня. Это значит, что смерть настигнет кого–то из моих близких друзей.

— Чаинки, надо же, — Саша саркастически ухмыльнулся. — Рон, меня не так–то просто угробить.

— Но ведь Блэк, — начал Рон. — И Невилл разбил чашку.

— У меня просто были мокрые руки, — проворчал Невилл, сидевший за столом перед ними.

— Вот тебе и пояснение, — хохотнул Саша, и хотел было еще что–то добавить, но в класс вошла МакГонагалл, и пришлось замолчать.

Первое занятие в семестре профессор МакГонагалл посвятила рассказу об анимагах, но вскоре обнаружила, что никто кроме Саши ее не слушает.

— Мистер Поттер, вы что, заколдовали весь класс? — строго спросила она.

— Нет, профессор, — Саша смиренно склонил голову. — Они сами заколдовались. Просто они ходили на гадания, а я в этот момент был на нумерологии.

— Что делает вам честь, — недовольно проговорила МакГонагалл. — И кому на этот раз она напророчила скорую смерть?

— Поттеру, — тихо проговорил Симус.

— Мистер Финниган, не морочьте мне голову, Поттер не посещает прорицания.

— Но она сказала, что тот, кто не с нами ментально, — начал Дин Томас.

— А теперь послушайте меня, — оборвала его МакГонагалл. — Профессор Трелони работает в школе не первый год, и каждый раз, знакомясь с классом, она пророчит одному из студентов скорую и мучительную смерть. Но ни одной смерти так и не было, так что я вас попрошу меньше об этом думать.

— Все равно, — гнул свою линию Рон, когда они шли на обед, — ты видел пса. В моей чашке был Грим. Все сходится.

— Да ничего не сходится, Рон, — Саше уже порядком надоели эти разговоры о гаданиях и Гримах. — Если тебе хочется моей быстрой и мучительной — придется подождать.

— Не хочется, что ты, — замахал руками Рон. — Просто все сходится, и я подумал…

— Это для тебя нетипично, так что впредь оставь эти попытки, — бросил Саша и ускорил шаг, оставляя однокурсника позади.

После обеда они вышли на улицу и побрели по влажной от дождя траве к опушке, на которой стояла хижина Хагрида. Саша держался поодаль от Рона, который все еще не отбросил тему пророчеств. Гермиона догнала его, и принялась распинаться:

— Нет, это прорицание — совершенно неточная наука, профессор МакГонагалл права.

— А скажи–ка мне, малыш, — тихо проговорил Саша, убедившись, что его никто не слышит, — а как ты могла расстроиться на гаданиях, если сидела в этот момент в одной аудитории со мной?

Гермиона шумно вздохнула и опустила голову.

— Гарри, это не моя тайна, — тихо проговорила она. — Я не имею права. Просто пообещай ничего не говорить Рону.

Гермиона чуть не плакала, и Саша успокаивающе хлопнул ее по плечу.

— Меня это не касается вовсе, — отмахнулся он. — Если что, я могу тебя прикрыть. Только учти, я буду рассчитывать на ответную услугу.

— Все, что хочешь, — закивала Гермиона.

— Я потом скажу, если понадобится, — Саша криво улыбнулся. — А может, и не понадобится.

Гермиона хотела еще что–то сказать, но Саша ткнул ее в бок, заметив, что их однокурсники останавливаются. Присмотревшись, он увидел, что Хагрид уже вышел из своего дома и теперь собирает всех вокруг себя. Более того, чуть поодаль стояла группка слизеринцев — Саша заметил там девочку, которая была на нумерологии — а это не предвещало ничего хорошего.

— Все за мной, — Хагрид махнул огромной ручищей. — Какой урок я для вас приготовил! Идемте–идемте.

Он двинулся вдоль опушки, и Саша волей–неволей опять оказался возле Рона. Впрочем, тот был так заинтересован, что и думать забыл о предсказаниях.

Класс остановился у изгороди, и Хагрид попросил открыть

учебники, вызвав тем самым язвительные смешки со стороны слизеринцев.

— Надо ее просто погладить, — проговорил Хагрид, будто дело шло о коте или псе. Саша развязал веревку на своей книге, и та зарычала.

— А ну, тихо, — твердо сказал он. — Открывайся.

Книга послушно раскрылась, и весь класс изумленно воззрился на Сашу.

— А что, звери любят твердую руку, — бросил он.

— Какие же мы глупые, — презрительно бросил Малфой.

— Я думал, они милые, — в голосе Хагрида поубавилось уверенности.

— Рекомендовать учебник, готовый оттяпать руку! — продолжал распаляться Малфой.

— Да лучше б она тебе язык оттяпала, — бросил Саша. — Больше пользы было бы.

Пока они препирались, Хагрид пошел в глубину леса, но вскоре вернулся, ведя за собой с десяток удивительных существ: задняя часть их была лошадиная, зато передние лапы, крылья и голова явно были от какой–то хищной птицы — скорее всего, от орла. Класс восхищенно — с ноткой страха — вздохнул и замер.

— Гиппогрифы, — провозгласил Хагрид. — Если хотите, можете подойти ближе.

Рон тут же ринулся к ограждению, и Гермиона последовала было за ним, но Саша осторожно наступил ей на мантию.

— Не лезь, — тихо сказал он, предпочитая рассматривать дивных животных с безопасного расстояния. Малфой со своими вечным подпевалами, Крэббом и Гойлом, отошли под раскидистое дерево и теперь шептались о чем–то, пока Хагрид вещал о том, насколько гиппогрифы консервативны. Саша с огромным усилием повернулся к Хагриду и принялся слушать его слова.

— Кто хочет познакомиться? — спросил Хагрид таким тоном, будто речь шла о безобидных хомячках, и все — даже Рон — отпрянули от изгороди. Видимо, никого не вдохновляли острые когти, которые, по словам Хагрида, были крепче стали.

— Совсем никто? — разочаровано переспросил Хагрид.

— Гарри? — умоляюще шепнула Гермиона.

— Вот еще, — Саша повернулся к ней и негодующе окинул подругу взглядом.

— Представь, как он расстроится, — Гермиона чуть ли не плакала.

В списке самых нелюбимых в мире вещей Александра Н. женские слёзы занимали почетное второе место.

— Ладно, давайте я, — быстро бросил он, глядя на Грейнджер, которая уже начала вытирать глаза. Саша легко перепрыгнул изгородь и оказался в загоне.

— Ты внимательно слушал? — уточнил Хагрид, положив ему на плечо трясущуюся руку. — Смотри в глаза и не моргай. Затем — поклон. Если поклонится в ответ — можно гладить. Нет — уходи очень быстро. Думаю, Клювокрыл тебе подойдет.

Быстрым движением Хагрид отвязал сизого гиппогрифа и отошел, оставляя Сашу наедине со зверем.

Не мигать оказалось сложно. Гиппогриф сверлил Сашу подозрительным взглядом, глаза слезились, но Саша так и не мигнул.

— Доброго вам дня, — тихо проговорил он, кланяясь. Гиппогриф слегка повернул голову, будто удивляясь, и согнул колени передних, птичьих лап.

— Если вы позволите, — так же учтиво проговорил Саша, протягивая руку к огромному клюву, и зверь подался чуть вперед, позволяя его погладить.

Из–за изгороди раздались аплодисменты, и басовитый голос Хагрида провозгласил:

— Отлично! Думаю, он тебя покатает.

Саша не успел понять, что произошло, но мир вокруг странно закружился, ребра его сдавили чьи–то руки, и он с удивлением обнаружил себя сидящим верхом на чудо–звере.

— За перья не дергать, — предупредил Хагрид и звонко хлопнул Клювокрыла по крупу. — Пошел, родимый!

Зверь моментально расправил свои огромные крылья и взмыл в небо. Саша ухватился за шею животного и постарался не смотреть вниз. Отыграв два года за факультетскую квиддичную команду, он понял, что высоты не боится, но рисковать не хотел. Его бросало в такт взмахам крыльев, и пару раз он достаточно опасно наклонился, но от падения все же удержался. Гиппогриф описал аккуратный круг и пошел на посадку. Саша напрягся, посильнее вцепился в шею и зажмурился.

Глаза он открыл только тогда, когда Хагрид вернул его на землю. Саша поморщился — езда без седла никогда не была безболезненным занятием — и побрел к изгороди, где однокурсники встречали его аплодисментами.

— Кто–то еще хочет? — спросил Хагрид, и студенты, воодушевленные Сашиными подвигами, поспешили перелезть через хлипкое ограждение. Сам же Саша справедливо рассудил, что ему на сегодня боле чем хватило общения с миром животных. При своем мнении он оставался до тех пор, пока Малфой вместе с Крэббом и Гойлом не перелезли через ограждение.

Голову пронзила боль, перед глазами все поплыло, и Саша мотнул головой. Картинка вновь обрела четкость, и он увидел, что Малфой со своими дружками приближаются к тому самому гиппогрифу, который катал его, Сашу. Ноги сами понесли Александра следом за троицей слизеринцев.

Малфой даже снизошел до поклона, и внушительный зверь поклонился в ответ.

— Вот видите, — Малфой гладил клюв, обращаясь к своим подпевалам, — ничуть не опасный. Даже этот Поттер справился. Простая скотина, тупая, уродливая…

Все произошло в один миг — Клювокрыл встал на дыбы, Саша рванулся вперед, отбрасывая Малфоя толчком в ребра, и встал перед гиппогрифом, который уже опускался вниз, выпустив огромные когти. Послышался треск рвущейся ткани, затем руку пронзила дикая боль. Саша почувствовал, что падает куда–то вниз, проваливаясь в тишину и темноту.

Часть III. Глава 5. Болячки и переговоры

Саша очнулся от того, что в ноздри ему ударил незнакомый резкий запах. Откуда–то справа раздавались чьи–то рыдания, похожие больше на рев раненого зверя. Александр поморщился и открыл глаза: он снова был в больничном крыле, жуткий запах источала его правая рука, а возле его кровати сидел Хагрид и рыдал.

— Клювик бы никогда, — всхлипнул лесничий в очередной раз. — Клювик бы ни за что. Вы ведь поладили.

— Мы–то поладили, — прокряхтел Саша, усаживаясь на кровати, — а вот с Малфоем приключилось недоразумение.

— Так это Малфой? — Хагрид удивился настолько, что даже забыл о рыданиях. — Ну, я ему устрою.

— Не надо ничего устраивать, — проворчал Саша. — Считай, что ничего не было.

— Как же, — начал Хагрид, но Александр перебил его.

— Я сам разберусь. Если у тебя что–то и спросят, просто говори то же самое, что и я.

— А что ты говоришь? — недоуменно спросил лесничий.

— А вот это мы сейчас и узнаем, — проговорил Саша, глядя на вошедших в больничное крыло. — Слушай и запоминай.

Дамблдор шел впереди, за ним поспешала МакГонагалл, а позади шел Снейп с самым суровым выражением лица.

— Мистер Поттер, — голос МакГонагалл дрожал. — Объясните, что произошло. По школе гуляют самые неимоверные слухи.

— Мы были на уроке по Уходу за магическими существами, — начал Саша, стараясь сохранять самое невинное выражение лица. — Профессор Хагрид провел лекцию о том, как правильно обращаться с гиппогрифами, а потом предложил закрепить это на практике. Я вызвался первым познакомиться с гиппогрифом, и у меня получилось. Профессор Хагрид присудил мне за это баллы. Потом и остальные ребята тоже захотели пообщаться с этими животными. Пока профессор Хагрид помогал Симусу, я заметил, что мистер Малфой, мистер Крэбб и мистер Гойл не выполнили одно правило и решил им помочь. Но я запамятовал, что гиппогрифы не любят резких движений. Все произошло полностью по моей вине.

Саша покаянно опустил голову и вздохнул.

— Как это трогательно, — презрительно протянул Снейп. —

Поттер и дня не может прожить, чтобы не спасти кого–нибудь от вымышленной опасности.

— Северус, — мягко осадил его директор. — В этом случае мистер Поттер поступил верно, хотя по–хорошему следовало позвать преподавателя.

Хагрид закрыл ладонями лицо и мелко затрясся.

— Мадам Помфри, — обратился Дамблдор к подошедшей медсестре. — Будьте добры, дайте профессору Хагриду успокоительную микстуру. Нам всем нужно успокоиться.

Мадам Помфри быстро ушла в свою комнатку, но скоро вернулась, неся два стакана. Один — судя по всему, с успокаивающей микстурой — достался Хагриду, а второй она сунула в руки Саше.

— Что это? — осведомился Александр, осушив стакан.

— Зелье сна без сновидений, — сказала она, и Саша почувствовал, что вновь проваливается в мягкую вату, сквозь которую еле–еле донесся остаток фразы. — Вам нужно отдохнуть.

Следующее пробуждение наступило поздним вечером. Саша обнаружил на тумбочке ужин и пергамент, исписанный ровным почерком Гермионы Грейнджер — видимо, она решила, что мадам Помфри позволит ему заниматься заданиями. Впрочем, был еще пергамент, исписанный незнакомым почерком — резким и угловатым. Только по формулировке заданий Саша опознал в авторе профессора Снейпа. Он испустил тяжелый вздох и призадумался. Видимо, травма не была для Снейпа уважительной причиной, и к пятнице Саше предстояло выполнить длинную письменную работу по Защите от темных искусств. Саша попенял на себя за это, ведь профессор по Защите уже сменился, но видимо Снейп счел нужным продолжить дополнительные занятия. Александр попробовал пошевелить пальцами и вздохнул: рука еле двигалась, будто была деревянной. Справедливо рассудив, что до завтра его вряд ли выпишут, Саша принялся за ужин. Услышав стук ложки, мадам Помфри выглянула из своей комнатки и поспешила к нему.

— Опять спать? — возмутился Саша, увидев протянутый стакан.

— Без разговоров, мистер Поттер. Я влила в вас уже полпинты Кровевосстанавливающего зелья, а оно лучше действует, когда вы спите.

Саша поморщился, но зелье все же проглотил и моментально провалился в сон.

Следующее утро началось с неприятностей. Саша не успел еще толком проснуться и лежал в блаженной полудреме, когда двери распахнулись, пропуская посетителей.

— Мистер Поттер, — тихо проговорил знакомый голос, и Саша открыл глаза. Около его кровати стоял Люциус Малфой собственной персоной, и ничего хорошего это не предвещало.

— Доброе утро, — нехотя поздоровался Саша, хотя подумал совершенно другое.

«За каким хреном тебя черти принесли?» — недоумевал он, всеми силами изображая вежливую заинтересованность.

— Я очень сильно озабочен последним инцидентом, — с нажимом произнес Малфой–старший. — И не только я. Разве это правильно — показывать опасных животных классу, в котором учится надежда всего волшебного мира.

То, как прозвучала фраза о «Надежде мира» Саше не понравилось. Однако теперь кое–что прояснялось. «Видимо, Драко специально подставился под гиппогрифа, чтобы создать Хагриду проблемы, — соображал он. — А когда я его выручил, папаша придумал, как развернуть это в свою пользу. Чем им Хагрид–то не угодил?»

— Лекция, которую провел профессор Хагрид, была достаточно информативна, — тактично попытался оправдать лесничего Саша, назло Малфою выделяя слово «Профессор». — Однако некоторые студенты были недостаточно внимательны, и я решил помочь им усвоить материал.

— Вот видите, Люциус, — заметил Дамблдор, спокойно улыбаясь. — Мистер Поттер говорит это и без профессора Хагрида. Нет оснований полагать, что он лжет.

— И все же, директор, я обеспокоен тем, что пострадал такой одаренный ученик. К сожалению, никто кроме нас с вами не может позаботиться о мистере Поттере, так что нам придется, — Люциус деланно вздохнул, — разбирать это происшествие в судебном порядке.

— Почему же некому? — встрял Саша. — У меня есть опекуны.

— Магглы, мистер Поттер, — с некоторой брезгливостью бросил Малфой, — неспособны понять всей опасности, что нависла над вами и другими учениками школы.

— Но они способны оценить вред нанесенный моему здоровью, — продолжал Саша. — А поскольку мадам Помфри уже практически вылечила меня, и моей жизни ничего не угрожает, думаю нет смысла тратить время судей.

— Не вам решать, мистер Поттер, — Люциус улыбался так, словно у него свело лицевые мышцы. — Вам нужен покой. Я ни в коем случае не преуменьшаю ваших заслуг, да и Драко очень тепло отзывался о вас и вашем поступке.

«Тепло, как же, — подумал Саша. — Наверняка психовал из–

за того, что ваш чертов план провалился».

— Однако вопрос компетенции профессора Хагрида решать не вам, — Люциус выдавил из себя еще одну улыбочку. — А вам нужен покой. Всего доброго, мистер Поттер. Скорейшего выздоровления.

Саша просто кивнул, боясь, что может сказать что–нибудь нелицеприятное, и Люциус удалился, забыв попрощаться даже с Дамблдором. Мадам Помфри проводила его недовольным взглядом и хотела было подойти к своему пациенту, но директор коротко качнул головой, и ей пришлось уйти в свою комнатку.

— Итак, Александр, — тихо начал профессор, — что вы об этом думаете?

— Думаю, что оба Малфоя — редкие сволочи. Младший специально подставлялся под Клювокрыла, чтобы у старшего был повод поднять шум и добиться увольнения Хагрида.

— Люциус говорил о казни Клювокрыла, — озабочено проговорил Дамблдор. — Думаю, одного из двух ему удастся добиться.

— Если выбирать из двух зол, — Саша задумчиво посмотрел на директора, — то лучше просто отстранить Хагрида. Клювокрыл действительно не виноват.

— Думаю, Малфой доведет дело до суда, — только теперь Дамблдор позволил себе выказать настоящие эмоции.

— Но они не могут не заслушать пострадавших, — Саша чуть дернулся, и директор положил руку ему на плечо.

— Конечно, не могут, — кивнул он. — Только ради всего святого, не дергайтесь, вам нужен покой.

— Хорошо, — Саша нетерпеливо кивнул. — Думаю, мне стоит появиться на суде. Возможно это?

— Вполне, мой юный друг, вполне, — Дамблдор грустно посмотрел на него поверх очков. — Я никак не могу привыкнуть, что передо мной не маленький мальчик. Что ж, пора нам вернуться к своим делам. Мадам Помфри, того и гляди, выгонит меня.

Словно услышав его слова, медсестра выглянула из своей комнатки и смерила Сашу неодобрительным взглядом. Дамблдор коротко кивнул и пошел к выходу, оставляя своего собеседника один на один с мадам Помфри и ее снотворными зельями.

— Последняя порция, мистер Поттер, — произнесла она, подходя к Сашиной кровати. — Вечером я, так и быть, позволю вам почитать.

Саша обреченно вздохнул и осушил стакан.

Вечером к нему наконец–то прорвались Рон с Гермионой и Джинни.

— Ты пропустил нумерологию, ты в курсе? — начала Грейнджер, но Рон грубо перебил ее.

— Гермиона, что ты говоришь? Ему чуть руку не отрезали, о каких занятиях может быть речь?

— Кто мне чуть руку не отрезал? — поинтересовался Саша. — Тут что, до ампутации чуть не дошло?

— Ну, этот, гиппогриф, — Рон почесал в затылке.

— Да ладно? — Саша чуть отодвинул бинт и посмотрел на свою руку. Через предплечье тянулся достаточно глубокий порез, который — видимо, под воздействием мазей и зелий — уже начал затягиваться. — Царапинка как царапинка, ничего глобального.

— Царапинка? — переспросила Гермиона.

— Так, если будете стонать — позову мадам Помфри, — поморщился Саша. — Давайте уж лучше о занятиях.

— Ты пропустил нумерологию, — снова завела Гермиона. — Но она сказала, что ты должен будешь к ней подойти и взять индивидуальное задание, когда тебя выпишут.

— Подойду и возьму, — кивнул Саша. — Руны были уже?

— Да, сегодня было первое занятие. Ничего сложного, в следующий раз будет опрос. Я тебе тему напишу.

— Без проблем, — бросил Александр, и Гермиона заскрипела пером. — Еще что–то было интересное?

— МакГонагалл в расстройстве, — начал Рон. — Хагрид заперся в своей хижине и говорит, что уйдет с поста преподавателя. Малфой злится, но старается не подавать виду.

— Оно и понятно, — фыркнул Саша. — Ко мне с утра старший заходил.

Трое друзей недоуменно воззрились на него, и Саше пришлось в общих чертах пересказать разговор.

— Хагрид напился вчера ужасно, — шёпотом сообщила Гермиона. — Боится, что его уволят.

— Поверь, зайка, из всего, что может придумать Малфой, увольнение будет самой безвредной мерой.

— Он что–то еще сказал? — удивился Рон.

— Не сказал, это пока что домыслы. Не будем пока что об этом, — Саша отмахнулся как от назойливой мухи.

— А вот Трелони сказала, — начал было Рон, но Гермиона и Джинни в один голос шикнули на него.

— Да ладно, что сказала? — Сашу даже начинали веселить эти гадания. — Что сбылись ее бредни? Рон, не смеши меня.

— Но Гарри, — попробовал поспорить Уизли.

— Я хотел еще почитать, — проговорил Александр тоном, не терпящим возражения, и друзья закивали.

— Ну, мы зайдем еще, — неуверенно проговорил Уизли, —

выздоравливай.

Все трое жизнерадостно кивали, пятясь к выходу, но в коридоре оптимизма у них явно поубавилось.

— Рон, из–за тебя он опять не захочет с нами общаться, — гневно зашептала Гермиона.

— Ты всегда всё портишь, — вторила ей Джинни.

Саша слегка подался в сторону двери, чтобы расслышать еще хоть что–нибудь, но дверь больничного крыла уже закрылась, оставив его в одиночестве. Александр вздохнул, открыл книгу по рунам, принесенную заботливой Гермионой, и погрузился в чтение.

Часть III. Глава 6. Заглянуть в глаза своему страху

Мадам Помфри выписала Сашу только к пятнице. Да и с последним осмотром она затянула так, что Александр опоздал не только на завтрак, но и на первый из двух уроков Зельеварения. Идти на второй не было абсолютно никакого желания.

«Снейп с меня шкуру спустит, — размышлял Саша, бредя по безлюдной школе в башню Гриффиндора, чтобы сложить лишние вещи. — Уж лучше вообще не идти. Завернуть, например, к преподавателю Древних Рун или к этой строгой даме по Нумерологии. Она как раз обещала дать дополнительное задание».

Открытая настежь дверь кабинета Нумерологии, мимо которого как раз проходил Саша, будто поставила точку в его тяжелых размышлениях. Профессор Вектор казалась ему ничуть не лучше Снейпа, но если по зельеварению Саша мог отыграться на дополнительных занятиях, то перспектива заиметь проблемы с новым преподавателем была неприятной. Скрепя сердце, Саша на всякий случай стукнул по косяку двери и вошел.

— Профессор Вектор, добрый день. Гермиона говорила, вы хотели дать мне индивидуальное задание?

— Да, мистер Поттер, — взгляд преподавательницы напоминал Саше взгляд хищной птицы, и он почувствовал себя неуютно, но все же сел на стул у преподавательского стола и приготовился записывать задание.

К вящему удивлению Александра, профессор Вектор оказалась не только строгой, но и справедливой. К следующему занятию ему нужно было всего–навсего приготовить доклад об особенностях шумерской нумерологической науки и ответить на вопросы по пропущенному занятию. Она даже любезно позволила не переписывать конспект, пока рука полностью не заживет, в отличие от Снейпа, письменное задание которого Саша выполнял, будучи в больничном крыле. Это вызывало у мадам Помфри праведный гнев, но Саша ничего не мог поделать. Нарываться на неприятности в самом начале учебного года ему не хотелось.

Он вышел от профессора Вектор за десять минут до начала обеда и решил, что успеет еще завернуть к преподавательнице рун, но у нее, как оказалось, шло занятие. Саша заглянул в расписание — после обеда была только Защита от Темных Сил, и тоже с новым профессором — и пошел в башню.

Он спустился на обед, когда все уже пришли с занятия, и

можно было подумать, что Сашу только–только выписали. Впрочем, он понимал, что вечером на индивидуальном занятии со Снейпом выслушает много интересного в свой адрес, поэтому не обольщался мыслями о том, что прогул так просто сойдет ему с рук.

— Ты как, нормально? — спросил Рон, когда Саша занял место напротив него за обеденным столом.

— Вполне. Снейп не зверствовал?

— Не особо, — ответила вместо него Гермиона. — Прошелся, конечно, по поводу твоего отсутствия, но не зверствовал.

— Да, если не считать того, что напустился на нас с Дином, — буркнул Симус. — Подумаешь, две крысиных селезенки вместо одной взяли. Не его же мы селезенку, в конце концов, в зелье кладем.

Саша вздохнул и уставился в тарелку. Если сейчас начать объяснять принципиальную разницу, они точно решат, что он — потерявшийся брат Гермионы, не меньше. Впрочем, Гермиона и без него прекрасно справлялась. Дин и Симус сидели с самым несчастным видом, пригибаясь, будто слова Гермионы могли ненароком влететь в их головы и закрепиться там на веки вечные.

— Отстань от них, — попросил Рон спустя десять минут. — Им Снейпа с головой хватило.

— Рон, но ведь я просто хотела объяснить, — Гермиона мигом переключилась на нового благодарного слушателя.

— Гермиона, ты когда–нибудь думаешь о других? — вспыхнул вдруг Рон. — Или только о себе? Конечно, ты прочитала Дину и Симусу нотацию, выставила себя умнее всех. А им и без тебя тошно!

— Рон, когда ты научишься есть с закрытым ртом? — перебил его Саша. Гермиона же вмиг погрустнела и как–то осунулась.

— Я пойду, наверное, раз я всем мешаю, — тихо проговорила она, поднимаясь из–за стола.

— Молодец, — резюмировал Александр. — То есть ты намного лучше поступил, да? Наорав на нее, лично ты, Рон, умнее не стал.

Он резко поднялся со своего места, задев локтем стакан с тыквенным соком, и двинулся к выходу.

Гермиону он догнал на втором этаже. Она поднималась по лестнице, еле волоча свою тяжелую сумку. Саша перехватил ее ношу, и Грейнджер вздрогнула.

— Ну, и что на дурака внимание обращать? — спросил Саша, глядя в ее заплаканные глаза.

— Я не думала, что это так ужасно выглядит, — всхлипнула она.

— Зайчик, — он осторожно отвел Гермиону в сторону, — здесь не только ты виновата. Я, конечно, не в восторге от нравоучительных лекций, да еще и в обеденное время, но и Рону стоит быть более терпимым по отношению к окружающим.

— Это все из–за кота, я уверена, — вздохнула Гермиона. — Живоглот опять пытался догнать Ронову крысу.

Саша вздохнул.

— И что ему, не жить теперь? — продолжала Грейнджер, утирая слезы. — Он ведь кот, а для котов естественно желание поохотиться. Я не могу его запирать!

Саша похлопал ее по плечу.

— Не обращай внимания на дурака, — повторил он. — И успокойся, скоро урок по Защите, на котором ты опять всех порвешь.

Гермиона подняла глаза и слабо улыбнулась.

Профессор Люпин производил впечатление человека, который страдал от систематического недосыпания. Гермиона и Саша пришли на урок первыми, однако буквально вслед за ними начали входить в класс и остальные студенты. Саша успел заметить, что Рон хмурится и не решается подходить к ним с Гермионой, когда вдруг профессор Люпин двинулся к выходу из кабинета, и все ученики побрели за ним.

— Я прослушал, куда мы идем, — шепнул Саша Гермионе.

— Я не знаю, — так же тихо ответила она, — просто сказал, что у нас практическое занятие. Как думаешь, это не опасно? У нас ведь не было занятий по теории.

— Не думаю, — бросил Саша после минутного размышления. — Если верить вашим словам, и он действительно прогнал из купе дементора, то он не производит впечатления человека, способного подвергнуть студентов опасности.

— Совершенно согласна, — кивнула Гермиона. Стоя в самом хвосте колонны, они совершенно не обратили внимания на то, что Люпин прогнал Пивза шуточным заклинанием, как не обратили внимания и на то, что пришли в учительскую, и на то, что там был Снейп.

— Мистер Поттер, — прозвучал у Саши над головой его неприятный голос с ноткой презрения. — Я смотрю, ваше драгоценное здоровье уже позволяет вам заниматься учебой.

— Да, сэр, — проговорил Саша и, вспомнив о письменном задании, принялся рыться в сумке.

— Шесть часов вечера, Поттер, — проговорил Снейп и вышел из учительской, так и не дождавшись, пока Саша найдет пергамент. Гермиона же подергала Сашу за рукав и нетерпеливо потащила вперед, где профессор Люпин что–то рассказывал,

указывая на старый шкаф.

— Боггарт, значит, — пожал плечами Саша, которому уже доводилось писать работу по боггартам в прошлом году. — Хоть посмотрю, как эта штука в реальности работает.

Тем временем профессор Люпин начал задавать вопросы, на которые Гермиона ответила слету, попутно заработав для факультета десять баллов. Саша украдкой глянул на Рона — тот косился куда–то в сторону, как будто это не его подруга отлично отвечала на вопросы.

Первым выйти один на один с боггартом решился — после непродолжительных уговоров — Невилл.

— Чего ты боишься сильнее всего? — спросил Люпин, и класс затих, вслушиваясь в ответ Невилла.

— Профессора Снейпа, — недовольно проговорил Невилл, глядя в пол.

— Снейпа? — удивился Саша. — Невилл же нормально справляется с зельями. С чего бы ему бояться профессора?

— Он действительно боится, — шепотом сказала Гермиона. — Просто старается не подавать виду, потому что, видите ли, ты ему так сказал.

Саша хмыкнул.

— А чего ты боишься, зайчик? — ехидно спросил Саша. — Двоек что ли?

Грейнджер не ответила и отвернулась, подчеркнуто внимательно глядя на Снейпа, выходящего из шкафа.

Невилл произнес нужное заклинание, и профессор Снейп оказался наряженным в платье и шляпку — те самые, в которых Саша видел бабушку Невилла. Все громко расхохотались, и боггарт принялся испуганно озираться.

— А теперь по очереди! — выкрикнул профессор Люпин, и студенты принялись строиться в шеренгу. Саша осторожно, не привлекая внимания, отошел к стеночке. «В этом мирке мне бояться нечего, — подумал он, — , а вот если боггарт обернется чем–то, чего я боялся в своей прошлой жизни, это вызовет множество вопросов». Саша почему–то представил, что из шкафа вывалится военком с повесткой в армию и приказом об отчислении из университета, и ему вмиг стало дурно.

«И объясняй потом, что это за мужик, да еще и говорящий на незнакомом языке», — Сашу передернуло, но это было скорее следствием воспоминания о воекноме, чем из–за перспективы что–то объяснять юным волшебникам.

Однокурсники, оказывается, боялись совсем уж примитивных вещей: орущую ведьму, змей, лис, и даже пауков — особенно крупный экземпляр боггарт показал Рону. Саша посмотрел на

стремительно тающую очередь и подумал, что ему таки придется бороться с боггартом. Впрочем, оставалась еще Гермиона, но та тоже как–то не горела желанием идти к шкафу.

Спасительный удар школьного колокола прозвучал как раз в тот момент, когда подошла очередь Парвати Патил — она замыкала шеренгу учеников. Люпин вызвал Невилла, чтобы тот добил боггарта, и Долгопупс прекрасно справился с задачей. Все стали разбредаться, а Гермиона вдруг подошла к Саше.

— Почему ты не попробовал?

— Не знаю Мало ли, какой Волдеморт из шкафа выскочит, — хохотнул Саша, но было заметно, что он храбрится. Профессор Люпин повернулся к ним и изобразил на лице самую доброжелательную улыбку.

— А я вот побоялась, что остальные посмеются над моим страхом, — тихо призналась Гермиона.

— Можешь попробовать сейчас, — голос Люпина был тихим и каким–то уставшим. — Мы никому не расскажем.

— Можно, да? — Гермиона робко улыбнулась и на негнущихся ногах пошла к шкафу.

— Готова? — Люпин дождался ее кивка и распахнул шкаф.

— Мисс Грейнджер! — МакГонагалл выглядела особенно взбешенной. — Вы провалили все экзамены! Вы будете отчислены из школы! Немедленно в башню за вещами.

— Провалила экзамены! — раздался голос Рона, а вскоре и сам он выскочил из шкафа. — А еще строила из себя самую умную! Так тебе и надо, выскочка.

— Вот именно, грязнокровная выскочка, — Драко Малфой вышел из шкафа и противно ухмыльнулся. — Грязнокровкам нет места в нашем мире.

— Мы гордились тобой, — расстроенная женщина, очевидно, была матерью Гермионы. — Мы думали, ты такая умница. Ты так нас подвела. Ты навсегда останешься без образования и без работы, а когда мы умрем, ты потеряешь дом и будешь жить под каким–то мостом.

Гермиона разревелась, громко, навзрыд, бросив палочку и закрыв лицо руками.

— Ридикулус, — бросил Саша, и у всех вышедших из шкафа выросли огромные уши, которые обернули головы коконом. Люди стали смешно крутиться вокруг себя, сталкиваясь друг с другом, и, покачиваясь и спотыкаясь, вернулись в шкаф.

— Не плачь, — Саша склонился над Гермионой, которая прямо посреди учительской опустилась на колени и рыдала, захлебываясь и шумно всхлипывая. — Сядь хотя бы в кресло, не то простынешь.

— Малфой обижает ее? — тихо спросил Люпин, когда Саша вернулся к шкафу.

— У нее был тяжелый день, профессор, — Саша скривился. — Небольшие разногласия, не более.

— Ты уверен? — спросил Люпин, когда Александр занял место напротив шкафа.

— Я попробую, — кивнул он. — Я просто хочу знать, чего я боюсь на самом деле.

— Если что, я помогу, — заверил его Люпин и распахнул дверь шкафа.

Протяжный гудок озарил учительскую, и из шкафа вылетел огромный красный КАМАЗ, фары которого, несмотря на явный день, ослепили Сашу дальним светом. Он видел даже перекошенное лицо водителя.

Саша замер как вкопанный, глядя на приближающуюся махину, готовую раскатать его в лепешку, как вдруг Люпин быстро встал между Сашей и его страхом. Гудок мигом стих, будто кто–то выключил в помещении звук, и перед профессором повис молочно–белый шар.

— Ридикулус, — улыбнулся Люпин. Шар превратился в муху и улетел в шкаф.

— Гарри? — Гермиона уже не плакала и лишь смотрела на него широко распахнутыми глазами.

«Нужно выкручиваться», — мелькнуло у Саши в голове, хотя КАМАЗ все никак не хотел покидать его мыслей.

— Я, ну, — Саша замялся. — Дурсли все детство рассказывали мне, что родители погибли в автокатастрофе. И теперь я боюсь больших машин, грузовиков, и… И вообще, у меня стресс.

Для правдоподобности Саша дернулся и громко выразительно сглотнул.

— Тебе нужно выпить чаю, — тихо сказал Люпин. — А лучше — шоколаду. И тебе, Гермиона. Идемте.

Люпин повел их в свой кабинет, невзирая на протесты.

— Гарри, — дернула Сашу Гермиона, когда они просидели у Люпина уже полчаса и успели успокоиться. — А что это за машина такая? У моих родителей тоже есть машина, но водитель там сидит справа. А у твоего грузовика водитель сидел слева.

Она уставилась на Сашу, ожидая ответа, да и Люпин явно заинтересовался и придвинулся поближе.

«Вот это влип», — подумал Саша и на сей раз неподдельно сглотнул.

Часть III. Глава 7. О благих намерениях

Впоследствии Саша так и не смог разобраться, как он выкрутился из этой ситуации. Он нес какую–то околесицу о том, что слабо представляет себе грузовик, о том, что это первый детский страх, и о том, что его подсознание само придумало столь абсурдную картину. В итоге профессор Люпин мягко потрепал его по плечу и подвинул к Саше чашку с горячим шоколадом. Гермиона, подозрительно рассматривавшая друга, списала все на стресс и на то, что боггарт отражает страхи, а не воспоминания. Саша же для себя сделал выводы более чем однозначные.

«В этом мирке становится все сложнее и сложнее, — думал он, лежа очередной бессонной ночью на своей кровати и рассматривая полог, — а этот Люпин хоть и кажется милым и добродушным, чуть не спалил меня. И где я его мог видеть? Определенно, я знаю его. Вот только откуда?»

Будучи не на шутку взволнованным инцидентом с боггартом, Саша еще неделю подозрительно поглядывал на Гермиону и с опаской относился ко всякому вопросу Люпина. Но, казалось, и Гермиона, и профессор даже думать забыли о произошедшем, так что вскоре беспокойство сошло на нет и жизнь Саши в замке потекла своим чередом.

Кому и повезло меньше, так это Невиллу. Рассказ о том, какой вид принял его боггарт, вмиг облетел замок и достиг ушей Снейпа. И если прочие профессора отнеслись к рассказам о первом уроки Защиты от темных сил с хорошей долей юмора, то Снейп будто с цепи сорвался. Невилл, казалось, стал бояться профессора зельеварения с удвоенной силой и зарылся с головой в книгах о зельях, потому как на каждом уроке Снейп устраивал ему показательный расстрел. Чего он хотел этим добиться, Саша так и не понял, а спрашивать было явно не комильфо. Более того, раздражение профессора находило выход не только на уроках, но и на дополнительных занятиях, которые теперь затягивались практически до отбоя. Из подземелий Саше приходилось возвращаться чуть ли не бегом, а ведь помимо зелий были и другие предметы.

Впрочем, Саша был искренне благодарен Снейпу, за то, что хотя бы два дня в неделю был избавлен от сидения в башне, поскольку атмосфера там была накалена. А все дело было в том, что кот Гермионы развернул целую кампанию по поимке Коросты

и теперь Рону приходилось оберегать крысу от рыжего монстра. Ситуация усугублялась тем, что Гермиона с боем защищала своего питомца, доказывая Рону — и всем окружающим — что у кота просто хорошо развит охотничий инстинкт. Саша в принципе был с ней согласен, но в глазах общественности Гермиона выглядела бездушным монстром. Рон же апеллировал к тому, что крыса его больна, что ей нужен покой и забота, хотя Саша ни разу не видел, чтобы Короста пила микстуру. Устав от их бесконечных разборок, Саша заимел привычку уходить в библиотеку и делать домашние задания там.

Из–за всего этого Саша совершенно забыл о Сириусе Блэке, пока с один прекрасный день на доске объявлений не появилась запись о том, что на конец октября запланирован поход в Хогсмид.

— Загляну в «Зонко», — распалялся Фред. — У меня как раз заканчиваются драже–вонючки.

— А мне нужно будет в магазин сладостей, — Александр вдруг вспомнил об обещании, данном Дадли.

— Ты всерьез собрался в Хогсмид? — Гермиона возникла у Саши за спиной будто бы ниоткуда.

— А что в этом такого? — Саша резко повернулся к ней. — У меня и разрешение есть. Хочешь — покажу.

— Но Сириус Блэк, — робко начала Гермиона, — он ведь может подстеречь тебя. И…

— И в таком случае тебе лучше не идти в этот момент рядом со мной, — бросил Саша, и Гермиона залилась краской.

— Во все–то ты лезешь! — завелся Рон. — Ты не можешь ничего запрещать Гарри, ты ему даже не родственник! И не МакГонагалл!

— Я его друг и забочусь о нем! — воскликнула Гермиона.

— Позаботься лучше о своем дурацком коте и запрети ему охотиться на мою крысу, — язвительно бросил Рон, сжимая в руках сумку. Судя по негодующему писку, исходившему из нее, Короста сидела именно там.

Гермиона покраснела и бросилась прочь. Саша пожал плечами, сел в свободное кресло и извлек книгу по древним рунам. Ему нужно было прочитать длиннейший и скучнейший анализ первого атта рунического ряда, и откладывать это в долгий ящик не хотелось. Рон разложился рядом и принялся заполнять карту звездного неба. Откуда ни возьмись на колени к Александру запрыгнул Живоглот и принялся тереться об уголок книги.

— Брысь, — рявкнул Рон, и Саша сам чуть не выпал из кресла.

— Рон, какого хрена? — недоуменно уставился он на друга. — Что кот тебе сделал?

— Он существует, — буркнул Рон, и сумка, стоящая на столе, задрожала в подтверждение его слов.

— Странная у вас пищевая цепочка получается. Кот питает теплые чувства к крысе, ты к коту, а к тебе… Ну, тоже кто–то питает, — пожал плечами Саша. — Интересно, на ком эта цепочка замкнется?

— Ни на ком, — Рон исподлобья зыркнул на Живоглота, — когда–нибудь я пришибу эту бессовестную тварь и на этом все закончится.

— Не рой другому яму, — наставительно проговорил Саша и сгреб кота в охапку. Тот немного подергался, но в конце концов повис безвольной тряпкой на руке. — И отнеси сумку в спальню. Не испытывай судьбу.

— Вы все заодно, — проворчал Рон, поднимаясь на ноги.

— О да, весь мир восстал против бедной крыски, — нараспев произнес Саша, и кот согласно ткнулся носом ему в руку.

Рон удалился в спальню, бубня что–то невразумительное, а Саша вернулся к своей книге, надеясь расквитаться с параграфом о первом атте за вечер.

Весь следующий день Рон изводил Сашу и Гермиону своей подозрительностью. На травологии он молчал и сопел, пока они срезали стручки с какого–то цветка. Гермиона бросала на Сашу вопросительные взгляды, но тот только пожимал плечами или многозначительно закатывал глаза. Рон, видимо пытавшийся подловить их на доказательстве преступного сговора, то отворачивался к цветку, то поворачивался как можно более резко. На доказательстве сговора он, конечно, никого не поймал, зато умудрился поймать момент, когда Гермиона держала в руках полную миску бобов, которые уже были извлечены из стручков. Естественно, при повороте Рон умудрился зацепить плечом Гермиону и выбить миску из ее рук. Посудина описала широкую дугу, рассыпая бобы, и с треском приземлилась на пол, расколовшись при этом на две части. Бобы посыпались на пол, где прорастали вмиг.

— Уизли и Грейнджер! — возмущенно воскликнула мадам Стебль, и смущенные Рон с Гермионой бросились собирать ростки.

Прозвенел звонок, и Саша незамедлительно покинул теплицу. Он уже шагал к замку, когда Рон с Гермионой его догнали. Они все еще дулись друг на друга, что не укрылось от Сашиного взгляда.

— Прекращайте, — бросил Саша. — Хватит того, что на

травологии устроили беспорядок, но если вы и на трансфигурации набедокурите, я за это не отвечаю.

— Да ты и не должен, — протянул Рон, лицо которого цветом напоминало помидор.

— Рад, что мы это уяснили, — саркастично изрек Саша и прибавил шаг.

У кабинета трансфигурации уже было столпотворение, и Саша отчетливо расслышал чьи–то всхлипы. Подойдя ближе, он увидел Лаванду Браун, плачущую навзрыд. Парвати Патил обнимала подругу за плечи и что–то горячо объясняла Дину, Симусу и Невиллу.

— Что случилось? — спросила Гермиона, подходя ближе.

— Ей пришло письмо из дома, — грустным полушепотом пояснила Парвати. — Ее кролика, Пушистика, задрала лиса.

— Мне очень жаль, — Гермиона слегка опустила голову.

— А ты помнишь, — всхлипнула Лаванда, — помнишь, какое сегодня число? Шестнадцатое октября!

Она бессильно взвыла и уткнулась подруге в плечо.

— При чем тут число? — недоуменно спросил Симус.

— «То, чего ты боишься, случится шестнадцатого числа», — изрекла Браун, не отрываясь от плеча Парвати. — Все получилось так, как она и говорила.

— Да кто «она»? — спросил Саша, теряя самообладание.

— Профессор Трелони!

— О господи, — вздохнул Александр и заметил, что Гермиона возвела глаза к потолку. — Ну неужели ты все это время, вот прям постоянно боялась, что кролика съест лиса?

— Необязательно, — прорыдала Лаванда. — Я боялась, что с ним вообще что–то случится.

— Он был такой старый? — спросила Гермиона.

— Нет, совсем крошечный, — ответила Браун и снова обняла подругу.

— Тогда почему же ты боялась, что он умрет? — в один голос спросили Саша и Гермиона.

— Лаванда, не слушай их, — рявкнул вдруг Рон. — Этим двоим плевать на чужих животных и на чужую боль.

Лаванда горестно взвыла, и если бы не поддержка Парвати, она наверняка упала бы на пол и принялась кататься.

Женские слезы всегда занимали почетное второе место в списке самых нелюбимых вещей Александра Петровича Н.

— Рон, закрой рот, — бросил Саша и подошел к Лаванде, — не плачь, пожалуйста.

— Пушистик. Такой маленький, такой милый. Ну почему? — та продолжала заходиться рыданиями, но теперь уткнулась в

плечо Саше.

— А ты подумай о том, что Пушистик сейчас, м–м–м, — Саша на секунду задумался, — в кроличьем раю.

— Что? — Браун подняла на него заплаканные глаза.

— Точно–точно, в кроличьем раю. Ну, там много моркови, травы, нет никаких лис и всегда тепло. Так что, он однозначно в лучшем мире. Понимаю, жалко животинку, но не стоит так уж расстраиваться.

— Но ведь Трелони говорила, — попробовал вклиниться Уизли.

— Рон, повторяю, закрой рот, — шикнул на него Саша, глядя, как Лаванда потихоньку успокаивается.

В конце урока трансфигурации МакГонагалл принялась собирать у всех разрешения на посещение Хогсмида. Увидев, что Саша сдал свой лист, Гермиона, которая дошла уже было до выхода из кабинета, рванула обратно к преподавательскому столу.

— Ничего не выйдет, птичка, — пропел Саша ей в ухо, — нет такого правила в школе, чтоб лишить посещения Хогсмида студента, у которого есть разрешение и который нигде не накосячил. Но попытаться можешь. Ариведерчи.

К обеду Гермиона явилась с опозданием и выглядела рассерженной. Она плюхнулась на скамью напротив Саши и принялась сверлить его гневным взглядом.

— Только не говори, что я был прав, — нараспев произнес Саша. — Я уже устал от собственной правоты. Прям так и хочется где–то протупить.

— Ты о чем? — подозрительно прищурился Рон.

— МакГонагалл согласилась со мной, — раздосадованно произнесла Грейнджер. — Она тоже считает, что поход в Хогсмид будет для тебя небезопасным, но способа тебе его запретить действительно не существует.

— А я о чем говорил, — хмыкнул Саша и отправил в рот кусок пудинга.

— Почему тебе всегда до всего есть дело? — Рон с силой стукнул кулаком по столу и гневно воззрился на Гермиону.

— Потому что Гарри — мой друг, и я хочу, чтобы с ним все было в порядке. А если тебе наплевать, то, — она не договорила, а просто молча сгребла свои вещи и гордо отправилась на другой конец стола.

— Я бы поинтересовался, почему тебе всегда надо на нее орать, — протянул Саша, глядя на Рона, — но мне уже кажется, что это твоя внутренняя потребность. Так что я просто промолчу.

Рон покраснел и уткнулся взглядом в тарелку.

Комментарий к Часть III. Глава 7. О благих намерениях

Автор вернулся из скитаний по больницам и принес главу. А еще я хочу поздравить замечательную Redberd с днем рождения. Дорогая, пусть это будет моим тебе подарочком. Ура, товарищи.

Часть III. Глава 8. Прогулка по Хогсмиду

Утро тридцать первого октября выдалось ясным. Саша проснулся от того, что лучик солнца проник через окно в спальню и теперь блуждал по лицу. Саша посильнее закутался в теплое одеяло и лежал так, раздумывая о предстоящем походе в Хогсмид. Какое–то странное чувство одолевало Сашу, хотя выход в волшебную деревню ничем экстраординарным не был. Чувства его были смесью ожидания, волнения, сомнения и страха. Откуда взялся страх, Александр и сам не понимал, поэтому просто постарался успокоиться и выбросить из головы все мысли. Так он и лежал, пока на соседней кровати не начал ворочаться Рон, а Невилл не принялся протяжно зевать. Через минуту Дин заворчал, а Симус просто сел на своей кровати и принялся оглядываться по сторонам, словно крот, выползший из норы на свет. В гриффиндорскую башню пришло утро.

— Всем утро, — бросил Саша, нехотя выпутываясь из одеяла.

— Доброе утро, — в один голос проговорили Симус и Рон, а Невилл особенно протяжно зевнул.

— Ты что, задания делать собрался? — спросил Рон, глядя, как Саша извлекает из сумки пергамент и перо. — Эй, мы же идем в Хогсмид! Или ты решил послушать Гермиону и остаться в замке?

— Ни в коем случае, — Саша картинно содрогнулся. — Просто напишу себе список покупок, а то еще забуду что–нибудь.

Рон пожал плечами и принялся одеваться.

— Ты все–таки идешь? Очень, очень опрометчиво.

Кара небесная настигла Сашу спустя неполный час, когда он все же спустился на завтрак и сел напротив Рона. Рядом с ним незамедлительно материализовалась Гермиона, решившая все же отговорить Сашу от похода в Хогсмид.

— Да, птичка, иду, — Саша с самым невозмутимым видом забрал банку апельсинового джема у нее из–под носа и принялся как ни в чем не бывало намазывать блинчик. — Ты видишь в этом проблему?

— Да, я вижу в этом проблему.

— Очень жаль, что я — нет, — бросил Александр. — Но если ты готова предоставить новые аргументы, я с удовольствием тебя выслушаю.

Сказано это было таким тоном, что любой другой промолчал бы, а то и вовсе убрался подальше, но только не Гермиона.

— Гарри, пойми, пока Сириуса Блэка не поймали…

— Я, несомненно, в большой опасности. Но в такой же опасности и ты, и Рон, и любой другой ученик школы. Посуди сама, Блэк ведь не знает, как я выгляжу. Он может напасть на любого мальчика третьего курса. Вероятно, что и четвертого. Откуда бы Блэку знать, когда я пошел в школу? А если ты будешь идти рядом с тем, кого Блэк посчитает мной, он избавится от тебя, — Саша выразительно провел пальцем по горлу, — и глазом не моргнет.

Гермиона побледнела и звучно сглотнула. Саша же с самым беспечным видом отправил в рот блинчик и принялся его жевать.

— Джем кисловат, — вынес он вердикт спустя минуту и продолжил, — так что, птичка, можешь попытаться запретить всей школе походы в Хогсмид, ведь Блэк — псих и никто не знает, что придет ему в голову. Но за такую инициативу тебя сожрут и даже не намажут этим невероятно кислым джемом. Рон, будешь?

— Давай, — кивнул Рон и забрал у Саши банку.

— Или у тебя есть вариант оставить всех в покое, что пойдет на пользу как твоей репутации, так и нервам окружающих.

Гермиона смотрела на него, явно выбирая, какую из пришедших в голову мыслей ей стоит озвучить, но в итоге не сказала ничего.

— Рад, что мы друг друга поняли, птичка, — улыбнулся Саша, глядя, как Гермиона чуть ли не с остервенением намазывает блинчик джемом. — Крайне не рекомендую. Он кислый.

Осушив одним махом стакан с тыквенным соком, он встал и направился к выходу из Большого Зала. Уже в дверях он столкнулся с Джинни.

— Привет, — улыбнулся Саша. — Ты долго сегодня. Чуть не проспала завтрак. Кстати, джем не бери, он кислый.

— Я просто не хотела вставать, — призналась Джинни, понурив голову.

— Что такое? — Саша дернул ее за рукав. — Ты чего раскисла?

— Ну, просто вы уйдете, — сбивчиво проговорила Джинни, — а я останусь в замке.

— Не грусти. В следующем году все вместе пойдем. А пока что я могу тебе что–нибудь принести.

— Можно, да? — она робко подняла взгляд. — Мне бы хотелось сахарное перо.

— Коробки хватит? Или лучше две?

— Одно перо, Гарри, — Джинни округлила глаза. — Просто одно сахарное перо.

— Две коробки. Я запомнил, — бросил Саша и быстро выскочил из Большого Зала, пока Джинни не принялась с ним спорить.

На выходе с территории школы стоял Филч и крайне подозрительно всматривался в лица студентов. Задачей школьного смотрителя было отмечать по списку всех выходящих и следить, чтобы кто–нибудь, у кого не было разрешения, не проскользнул в толпе. С задачей своей Филч справлялся просто блестяще. Саша даже подумал, что смотритель не отказался бы лишить Хогсмида и половину тех, у кого разрешение было, но, благо, это было не в его компетенции.

Еще Сашу немного озаботили двое дементоров паривших неподалеку. Он бы решил, что они принюхиваются к толпе, если бы был уверен, что у них есть органы осязания. Но поскольку о дементорах Саша ничего не знал, да и вели они себя исключительно неагрессивно, он скоро выбросил из головы все, что с ними связано, и, смешавшись с разновозрастной толпой, вышел за территорию Хогвартса. Рядом шагал Рон, который придумывал маршрут их прогулки, чуть впереди шли Невилл, Дин и Симус, а Гермиона брела в одиночестве, видимо, не решаясь подойти к Саше с Роном.

Чем ближе подходили они к Хогсмиду, тем сильнее расползалась толпа. Некоторые бросились вперед, стремясь первыми занять очереди, которые, несомненно, должны были образоваться из–за наплыва студентов. Некоторые отделялись и шли к так называемой Визжащей хижине, о репутации которой Саша уже слышал от Рона.

— Там живут привидения, — возбужденным полушепотом вещал Рон, — вот бы залезть туда.

— Да ладно, — Саша скептически ухмыльнулся. — То есть Хогвартских привидений тебе мало?

— Ну, они же уже привычные. Надоели. А вот в Визжащей хижине они бесчинствуют, орут и звенят цепями.

— Кровавый Барон тоже звенит цепями, — напомнил Саша.

— Да ну его, это к слизеринцам спускаться. Много чести, — фыркнул Рон и замолчал.

Первым делом они направились в магазин «Дэрвиш и Бэнгз», который оказался магазином волшебных принадлежностей. Ни перья, ни пергаменты, ни даже новая чернильница никому не требовались, поэтому Саша, Рон и все же увязавшаяся за ними Гермиона просто поглазели на стеллажи и витрины и покинули магазинчик. Следующим на очереди стал «Зонко», в котором Рон, невзирая на увещевания Гермионы, все же купил упаковку навозных бомб и коробочку драже–вонючек. Все время, что они

шли до паба «Три метлы» Гермиона продолжала вещать о том, что Филч категорически против навозных бомб, и запустить их в школе все равно не получится, и что Рон только зря потратил деньги. Успокоилась она только тогда, когда они вошли в паб, подошли к барной стойке и замерли в ожидании барменши. Когда она подошла к ним, Рон вдруг покраснел до корней волос и потупил взгляд. Саша недоуменно посмотрел на него и на всякий случай толкнул локтем в ребра.

— Чего желаете, молодые люди?

Рон вдруг горделиво вскинул голову, приосанился и выпалил:

— Трсвочихпива!

— Прости? — барменша удивленно посмотрела на Рона.

Саша попытался рассмотреть доску с меню за спиной женщины, когда к стойке подошло двое мальчиков с Хаффлпаффа.

— Мадам Розмерта, дайте нам, пожалуйста, два сливочных пива.

— Конечно, мои хорошие, — барменша отвернулась, чтобы налить в бокалы напиток, а Саша вдруг сообразил, что пытался заказать Рон.

— Ну, определились? — мадам Розмерта повернулась к Саше и его спутникам.

— Простите моего друга, мадам, у него пересохло в горле от жажды, — при этих словах Саша ощутимо наступил Рону на ногу. — Мы бы хотели заказать три бокала сливочного пива.

Мадам Розмерта широко улыбнулась и поставила перед ними три бокала, над каждым из которых подрагивала шапка пены.

— Рон, да что с тобой такое? — возмутилась Гермиона, когда они уже шли со своими бокалами к свободному столику.

Рон, красный как помидор, молчал и каждые пять секунд оглядывался на барную стойку. Естественно, ни к чему хорошему это не привело: он врезался в столик, за который уже сели Саша с Гермионой. Александр мигом выхватил из рук товарища бокал, а Гермиона вскочила и вцепилась Рону в плечо. Сам же Уизли явно не замечал, что друзья уже нашли свободное место и пытался еще куда–то идти, не глядя перед собой.

— Рон, да усядься ты уже, — одернул его Саша, и друг быстро плюхнулся на стул.

— Все нормально, — невпопад ляпнул Рон, покосившись еще пару раз в сторону барной стойки, и уткнулся взглядом в стол.

Сливочное пиво было теплым, а на вкус больше всего напоминало Саше молоко с медом, но уж никак не пиво. Однако он не мог бы сказать, что ему не понравилось. Наоборот, напиток согревал, разливая по организму ощущение уюта и спокойствия.

Уже позже, когда они допили и расплатились, Саша сообразил, что сливочное пиво, вероятнее всего, не было пивом в полном понимании этого слова. «Раз его продают даже малолеткам, — размышлял он, пока они шли к магазину сладостей, — то и алкоголя в нем, скорее всего, нет, и пиво — всего лишь название».

Пока он размышлял, они дошли до «Сладкого королевства», где тоже было столпотворение. Вообще весь Хогсмид кишел студентами, и Саша даже не мог представить, как деревенька живет в другие дни недели.

— Да что с вами такое? — возопила Гермиона. — Рона как будто по голове ударили, ты весь поникший! Гарри, вы же так рвались в Хогсмид!

— Зато ты не слишком–то сюда хотела, — парировал Саша, отвлекаясь от своих мыслей. — И я не поникший, а задумчивый. Кстати, не видишь нигде Сириуса Блэка? А? А то что–то на меня никто не покушается, даже скучновато стало.

Гермиона фыркнула и отвернулась.

— Нет, птичка, я серьезно, — Саша развернул ее к себе, — почему, если он собирался на меня покушаться, он не покушается на меня прямо сейчас? Я ведь сейчас представляю собой достаточно легкую мишень.

— Я не знаю, Гарри, — раздраженно бросила Гермиона и отвернулась.

«И почему он не подойдет просто поговорить? — мысленно продолжил Саша. — Наверняка, дело в этих двух балбесах. Надо как–то от них отвязаться и найти безлюдное местечко. Хотя где я возьму безлюдное местечко, когда вокруг слоняются толпы народу».

Пока Саша размышлял, подошла их очередь. Рон купил пакет тыквенного печенья и маленькую упаковку драже «Берти Боттс», Гермиона и вовсе ограничилась сахарными перьями, а вот Саша заставил продавца побегать, собирая посылку для Дадли, затем удивил Рона фактом покупки двух больших коробок сахарных перьев, а себе взял пачку перечных чертиков и два пакета тыквенного печенья.

— Если б я знала, я б свои перья не покупала, а попросила бы у тебя, — с досадой сказала Гермиона.

— У Джинни, — уточнил Саша, — это ей.

— Джинни попросила у тебя две коробки перьев? — возмутился Рон. — Это уже ни в какие ворота! Придется написать матери, что…

— Рон, осади, она ничего у меня не просила. Это жест доброй воли, — Саша широко повел рукой, свободной от покупок. — Ну что, в Хогвартс?

— Я хотела отправить письмо родителям, — сказала Гермиона и направилась в сторону здания Совиной Почты.

— А я хотел посмотреть Визжащую хижину, — сокрушался Рон, пока они брели за Гермионой к почте.

— Ладно, посмотрим, — кивнул Саша, — только смысла я не вижу. Заходить туда нельзя, а издалека ее рассматривать скучно.

— Неправда, очень даже интересно! — вскинулся Рон.

Саша закатил глаза в молчаливом согласии и прислонился к стене почты.

С отправкой письма Гермиона справилась быстро, и все трое пошли в сторону Визжащей Хижины.

— Нет, ну какой смысл пялиться на пустую хижину, да еще и издалека? — периодически вопрошал Саша, но ответа неизменно не следовало.

Впрочем, кое–что интересное возле Хижины все–таки обнаружилось. На поляне перед покосившейся хибарой с заколоченными окнами сидел огромный черный пес, до того худой, что кости проглядывали под натянутой кожей.

— Эй, иди сюда, — подозвал его Саша, отходя в сторону от Рона и Гермионы. Пес тряхнул головой и покорно поплелся к нему, еле передвигая лапы.

— Прости, мяса нет, — сказал Александр, присаживаясь около собаки на корточках, — но, может, ты будешь печенье?

Саша достал из пакета тыквенное печенье, и пес с радостью выхватил его из протянутой руки и принялся с хрустом грызть, после чего облизнулся и вильнул хвостом. Тогда Саша протянул ему еще одно печенье, затем еще одно, затем плюнул на это дело и протянул псу весь пакет. Пес с радостью засунул туда морду и принялся чавкать. Вскоре он наступил лапой на пакет, вытащил из него морду и выжидающе уставился на Сашу.

— Прости, больше ничего нет. Перечные чертики вряд ли придутся тебе по вкусу.

Пес чихнул и мотнул головой, после чего ткнулся влажным носом в Сашину руку.

— Молодец, молодец, хороший мальчик, — Саша усмехнулся и потрепал пса по голове. — Ладно, нам пора. Веди себя хорошо.

С этими словами он выпрямился и окликнул Рона с Гермионой.

— Эй, вы говорили, что мы не задержимся тут надолго!

— Да, Гарри, конечно, — Рон подошел тут же, а за ним поспешила и Гермиона. — Все, идемте.

Все трое двинулись по направлению к школе, и черный пес неотрывно следовал за ними. Иногда Саша оборачивался чтобы шикнуть на него, и тогда пес замирал и вроде даже начинал

пятиться, но стоило Саше отвернуться, как он снова шел за ними. Отстал он только когда до ворот Хогвартса осталось меньше трети мили. Вдоль ограды скользили дементоры, и пес, коротко взвизгнув, юркнул за ближайшее дерево.

— То–то же, — ухмыльнулся Саша и пошел дальше.

Они подходили все ближе и ближе, и холод, который распространялся от дементоров, становился все более ощутимым. Они уже почти дошли до школы — даже Саша со своим ужасным зрением мог различить Макгонагалл, беседующую у теплиц с мадам Стебль — как вдруг один из дементоров резко развернулся и стремительно понесся к ним троим.

Тишину последнего октябрьского дня вдруг разрезал низкий автомобильный гудок, и Саша почувствовал, что силы оставляют его. Со стороны леса раздался оглушительный лай, неподалеку визжала Гермиона, орал Рон, со стороны школы послышались крики бегущих преподавателей. Но Саша этого не слышал и ничего не видел вокруг себя. Только покрытые струпьями руки, который крепко держали его за плечи. Только воющее дыхание твари, которая склонялась над ним все ниже и ниже, выпивая всю радость, выпивая весь воздух вокруг, выпивая…

Часть III. Глава 9. Слишком много новостей

Саша пришел в себя в больничном крыле и попытался нашарить на тумбочке очки. Нащупав, наконец, их — и чуть не своротив с тумбочки какую–то банку — Саша нацепил очки, сел и понял, что у него дико кружится голова.

— Ох, мать его налево, — простонал он, и на его голос из своей комнатки вышла мадам Помфри.

— Пришли в себя, мистер Поттер? Просто прекрасно, — проворчала она, подавая Саше большую кружку горячего шоколада. — Я как чувствовала, что добром эта история с дементорами не кончится!

— Что случилось? — тупо переспросил Саша, перебивая причитания медсестры.

— Дементоры, вот что случилось, мистер Поттер! — воскликнула она, всплеснув руками. — Дементоры охраняют школу. Да от них самих нужно всех охранять! Я говорила, я предупреждала, что добром это не кончится.

— Мадам Помфри, — Саша осторожно откашлялся, привлекая к себе внимание, — а со мной–то что случилось?

Мадам Помфри уже открыла рот и хотела было в красках описать Саше несомненно вопиющий инцидент, как дверь больничного крыла со стуком распахнулась и на пороге показался Дамблдор в сопровождении белой, как простынь, МакГонагалл.

— Мистер Поттер, — МакГонагалл с видимым облегчением выдохнула. — Вы пришли в себя. Просто прекрасно.

— Минерва, — мадам Помфри бросилась к ней, — Минерва, если бы не вы, мальчик…

Она не договорила и всхлипнула. Да и сама МакГонагалл промокала слезы клетчатым платком.

— Поппи, я и сама не могу представить этого. Если бы я не решила заглянуть к Помоне, могло бы произойти непоправимое.

— Да что произошло, в самом–то деле? — Саша чувствовал, что еще чуть–чуть, и он потеряет самообладание, а этого допустить было нельзя.

— Альбус, объясните ему, — МакГонагалл приложила к глазам свой платок и отошла от Сашиной кровати.

— Мистер Поттер, — Дамблдор смотрел на Сашу поверх своих очков–половинок, — дементор собирался применить к вам Поцелуй.

— Простите, — Саша понизил голос почти до шепота и

постоянно оглядывался на причитающих МакГонагалл и Помфри, — но что значит этот Поцелуй и почему из–за него все так переполошились?

— Видите ли, мистер Поттер, Поцелуй Дементора — это своеобразная процедура казни, которая применяется только к самым страшным преступникам, — тон у директора был невеселый, — во время него дементор высасывает из человека его душу.

— Душу? — переспросил Саша. — Но ведь мою душу нельзя… Или можно?

Дамблдор грустно посмотрел на него поверх очков и покачал головой. То ли от того, что Дамблдор был заметно озадачен, то ли от затянувшегося молчания Сашу прошиб холодный пот.

— Быть того не может, — медленно проговорил Александр.

— Зайдите ко мне в кабинет как только мадам Помфри сочтет вас достаточно здоровым для того, чтобы покинуть больничное крыло, — тихо сказал директор и повернулся к нему спиной. — Пойдемте, Минерва. Нас ждет праздничный ужин. Распорядитесь, чтобы мистеру Поттеру доставили его порцию.

МакГонагалл кивнула и торопливо зашагала за Дамблдором. Саша же уселся поудобнее и принялся ждать, пока ему принесут еду. Слова директора о том, что дементоры, оказывается, способны выпить его душу, не на шутку взволновали Сашу. От такого волнения у него даже желудок заворчал. Ну или же Саша просто пропустил обед и был голоден.

— Выпей это, — мадам Помфри протянула ему стакан, и Саша уловил резкий аромат, совершенно не похожий на запах горячего шоколада, которым его пичкали после прошлой встречи с дементором.

— Что это? — на всякий случай поинтересовался он.

— Бодроперцовое зелье. Ты еще и простыл вдобавок.

— Я не простыл, — возразил Саша.

— Я слышала, ты кашлял. Пей, — мадам Помфри еще настойчивее ткнула ему стакан, и Саша не стал разубеждать медсестру. Он залпом осушил стакан и поморщился. Зелье мало того что было противным на вкус, так от него еще и из ушей потянулись тонкие струйки пара. Саша прокашлялся и вернул мадам Помфри стакан. Глаза ужасно слезились, Саша снял очки и принялся тереть глаза. Когда жжение в глазах наконец стихло, он надел очки и обнаружил на тумбочке тарелку с едой. Кто и когда успел принести ее, Саша не заметил и не понял. По крайней мере, это не был кто–то из его однокурсников — любой бы остался поболтать. Ворчание желудка намекало на то, что подумать о таинственном возникновении тарелки можно и после ужина,

поэтому Саша схватил вилку и принялся за еду.

После достаточно плотного ужина Саше пришлось выпить огромную кружку горячего шоколада — на этом настояла мадам Помфри. После всего съеденного и выпитого совершенно ни о чем не хотелось думать: ни о том, кто принес тарелку, ни о дементоре, ни о том, почему директор так взволнован произошедшим инцидентом. Саша завернулся в теплое одеяло, устроился поудобнее и уснул.

Утро пришло в больничное крыло довольно поздно по Сашиным меркам. Проснувшись, Саша лежал, не шевелясь, пока школьные часы не начали отбивать удары. Насчитав девять, Александр потянулся, сел и взял с тумбочки очки. Надев их, он с удивлением обнаружил, что на тумбочке уже стоит тарелка с завтраком. На сей раз к блинчикам полагался малиновый джем, и его Саша нашел более чем достойным. Стоило Саше приступить к завтраку, как мадам Помфри вышла из своей комнатки, очевидно, услышав, что ее пациент проснулся. Саша уже видеть не мог горячий шоколад, но кружку честно принял и принялся пить ароматный напиток, заедая его блинчиками. Мадам Помфри тем временем чересчур пристально рассматривала его, как будто пытаясь увидеть признаки недомогания. Но Саша был бодр и здоров, так что школьной медсестре пришлось его отпустить.

Выйдя из больничного крыла, Саша первым делом направился в кабинет к Дамблдору. За то время, пока он шел к директору, сложилось впечатление, что школа охвачена паникой. Все ходили словно пришибленные, а троица понурых первокурсников с Рейвенкло с громким визгом бросилась врассыпную, едва завидев, что Саша идет навстречу.

— Идиоты малолетние, — буркнул Саша, у которого от визга заложило правое ухо. Врочем, он не мог не заметить, что не только первокурсники, но и студенты постарше косятся на него с явной опаской либо же с неодобрением. Чем он им не угодил, Саша понять не мог.

— Я к профессору Дамблдору, но я опять не знаю пароля, — сказал Саша горгулье, которая охраняла вход в кабинет директора.

— У директора посетитель, — холодно каркнула горгулья.

— Ладно, подождем, — кивнул Саша и прислонился к стене справа от горгульи.

Прошло долгих десять минут, прежде чем горгулья пришла в движение, выпуская из кабинета того, кто успел раньше Саши завладеть вниманием Дамблдора.

— Доброе утро, профессор Люпин, — вежливо проговорил Саша. Люпин выглядел еще более нездоровым, чем обычно: под

глазами залегли тени, лицо было бледным, а руки заметно дрожали.

— Гарри, — профессор вцепился в Сашино плечо, — я слышал о вчерашнем. Как ты? Ты не пострадал? Сильно испугался?

— Нормально вроде. Испугался, конечно. Точнее, сначала не испугался, а вот когда директор рассказал, что дементор собирался сделать, — Саша выразительно замолчал и отметил, что Люпина всего передернуло.

— Не думай об этом, Гарри. Постарайся не думать об этом.

— Да, сэр, — Саша кивнул.

— Гарри, — раздался с лестницы голос Дамблдора, и Люпин с Сашей резко повернулись.

— Уже иду, — Саша поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы. — Спасибо за беспокойство, сэр. Всего доброго.

Люпин молча кивнул и закутался поплотнее в мантию, так что со стороны могло показаться, что профессор нечеловечески замерз. Саша подумал, что, вероятно, Люпин действительно приболел и его знобит. Он хотел было предложить профессору заглянуть к мадам Помфри за Бодроперцовым зельем, но вовремя себя одернул. «Не маленький же он, в самом деле. Взрослый дядька, сам может разобраться, куда ему идти и чем лечиться».

— Дорогой мой Александр, — проговорил директор, как только дверь кабинета за ним и Сашей закрылась, — мы с вами попали в пренеприятнейшую историю из–за побега Блэка и дементоров.

— Я так и понял, — Саша пару раз кивнул. — Но почему вы вчера были так напуганы? Вы ведь говорили, что я защищен магией перемещения, и ничто не может…

— Ничто, — согласился директор, — кроме Поцелуя дементора. Дементоры способны извлекать душу из тела, и с вашей душой могут проделать ровно то же самое. Это не смерть, это намного страшнее, чем смерть.

— Но ведь тогда я вернусь домой, — неуверенно протянул Саша. — Раньше срока, конечно, да и условие не выполню, но вернусь. Или нет?

— Молодой человек, — раздался со стороны стеллажей знакомый скрипучий голос, — а вот здесь вы заблуждаетесь. Душа Гарри Поттера — настоящего, разумеется — до момента выполнения условия находится где–то в другом месте. Если дементор высосет вашу душу, и вы не исправите всех ошибок, душа мистера Поттера в свое тело попасть не сможет, поскольку не исправлены ошибки. И ваша душа — а вы здесь являетесь именно чужеродной душой — тоже не сможет вернуться в свое

тело.

— То есть я останусь внутри дементора? — брезгливо сморщился Саша.

— Навечно, — скрипнула Шляпа. — Как и мистер Поттер, который всю вечность проведет там, где он сейчас.

Саша не мог и слова вымолвить. До этого разговора он думал, что нет в магическом мире, таком нелепом и смешном, силы, которая могла бы ему всерьез навредить.

— Но почему дементор хотел применить Поцелуй? — спросил он, чувствуя, как в горле растет ком. — Я ведь не преступник, я даже школьного правила ни одного не нарушил.

— Видимо, дементоры почувствовали, что тело мистера Поттера занимает чужая душа, и решили от нее избавиться, — медленно проговорила Шляпа, — и теперь, вероятнее всего, дементоры объявят на вас негласную охоту.

— Видите, друг мой, в какой ловушке мы с вами очутились, — Дамблдор грустно вздохнул, — я не могу убрать дементоров из школы, пока Блэк не будет пойман, ведь я не могу подвергать жизни студентов такой опасности. Но в то же время я не могу подвергать опасности и вашу жизнь.

— А что мне–то делать? — спросил Саша, и в голосе его открыто звучали панические нотки.

— Сторониться дементоров, — Дамблдор задумчиво посмотрел в окно. — Это наибольшее, что я вам могу предложить.

— А как же Хогсмид? Я так выкручивался, чтобы достать разрешение, и все зря что ли?

— Выходит, что Хогсмид вам пока что противопоказан. Либо же вам стоит постоянно быть в толпе, где дементорам сложнее будет различить ваши чувства среди чувств других. Но такой путь опасен, действуя так, вы подвергнете опасности своих друзей. Запомните, дементоры не ведают ни жалости, ни сострадания.

— Я понял, — Саша кивнул. — Можно идти?

Дамблдор сделал широкий жест рукой, и Саша вышел из кабинета, тихо притворив тяжелую дверь.

У входа в гостиную Сашу ждал сюрприз. Портрета Полной Дамы не было, зато на ее месте красовался маленький рыцарь на пухленьком пони, при чем последний флегматично жевал нарисованную траву.

— Попробуй пройти, жалкий трус! — вскричал рыцарь, соскакивая со своего пони и обнажая меч. То ли меч был для нарисованного рыцаря тяжел, то ли доспехи, но рыцарь растянулся посреди полянки, пытаясь встать.

— Гарри! — окликнули Сашу. По коридору к нему бежали Невилл, Дин и Симус. — Гарри, как ты?

— Нормально, — хмыкнул Саша. — Что это за больной? И где Полная Дама?

— А, ты ведь не знаешь, — протянул Невилл и повернулся к рыцарю. — Победа и честь.

— Проходите, юные сэры, — рыцарь опустил забрало, и проход в башню открылся.

— Так где Полная Дама? — повторил Саша вопрос, и снова был прерван налетевшей на него рыжей молнией.

— Гарри! — Джинни повисла на нем и разрыдалась. — Мы все так волновались!

— Я бы повременила с дружескими объятьями, — раздался рядом голос Гермионы, и Джинни покорно отпустила Сашу и отступила на два шага, утирая слезы.

— Да, повременила бы, и не смотрите на меня так! А что, если слухи правдивы? Нужна какая–то проверка, — Гермиона выглядела решительно.

— Какие слухи? Какая проверка? Птичка, тебя кто–то стукнул «Историей магии» и теперь ты бредишь? — Саша сморщился.

— Пожалуй, это все–таки он, — хохотнул Рон, стоявший у Гермионы за спиной. — Блэк бы просто тебя вырубил.

— Какой Блэк? Какие слухи? Что произошло? — Саша уже не сдерживался.

— Гарри, этим вечером Блэк был в замке. Он пытался пробраться в башню Гриффиндора, пока все были на праздничном ужине, — пояснил Рон.

— Говорят, у него был нож, потому что он порезал холст Полной Дамы, а сама она очень испугалась и убежала, — подхватил Симус.

— А с утра все почему–то стали думать, что ты — это не ты, а Сириус Блэк под оборотным зельем, — заключил Дин. — И все потому что на тебя напал дементор, и тебя не было на ужине, а ведь как раз во время ужина Блэк пытался прорваться в башню.

— Феерические кретины, — выдохнул Саша и плюхнулся в ближайшее кресло. Ему нужно было переварить всю ту информацию, что свалилась на него с момента пробуждения.

Часть III. Глава 10. Маленькие хитрости и большие неприятности

Всю следующую неделю Саша был просто нечеловечески зол. Оказалось, что новости и слухи по школе расползались очень быстро. Абсолютно все студенты, от мала до велика, свято верили в то, что Саша на самом деле — Блэк под Оборотным. Первое же появление Александра в Большом Зале вызвало немалый ажиотаж.

— Смотрите, это Поттер! Точнее — Блэк. Прячьтесь! Бегите все, спасайтесь, — завопил кто–то за столом Хаффлпаффа, и целая стайка учеников бросилась наутек, побросав вилки.

— Нужно внимательно за ним наблюдать, — вещал мальчишка за столом Рейвенкло, сверля Сашу взглядом. — Оборотное зелье нужно пить с некоторыми промежутками времени, чтобы постоянно сохранять образ Поттера. Если внимательно за ним наблюдать, рано или поздно он либо начнет превращаться в себя настоящего, либо раз в час будет отлучаться туда, где у него спрятано зелье.

— А давайте сдадим его дементорам, — громко предложил Малфой. — Нам объявят благодарность, снимут со школы эту жуткую охрану. Вот, например, мой отец по этому поводу говорит…

— Руки убери, — рявкнул Рон, когда какой–то щуплый мальчуган с Хаффлпаффа попробовал ухватить Сашу за мантию.

И такие разговоры повторялись три раза в день: за завтраком, обедом и ужином. Более того, на уроках, которые проходили вместе с другими факультетами, студенты впадали в панику при одном только появлении представителей факультета Гриффиндор.

— Кретины! — распалялся Саша, когда они шли из теплиц. — Нет, ну скажите, что я неправ!

Ни Гермиона, ни Рон, ни Дин с Симусом не решились ему перечить.

— Может, доказать им как–то, что ты это ты, — предложил Невилл.

— Я не собираюсь ничего доказывать этим идиотам, — взорвался Саша. — Не собираюсь! В прошлом году они думали, что я наследник, и что получилось в итоге? В этот раз пускай думают, что хотят. Может, когда они во второй раз поймут, что неправы, то перестанут про людей небылицы выдумывать.

На травологии Сашу взбесили особенно сильно. Робкие

хаффлпаффцы, которые боялись в открытую обвинять Сашу — а ну как и впрямь это бы оказался Блэк под оборотным, и пришиб бы их на месте — предпочитали спасаться бегством каждый раз, когда встречались с Сашей. Но на уроке бежать было особо некуда, поэтому они просто тряслись так, что дрожали все столы. А когда Саша попросил у какого–то парнишки — Эрни, кажется — лейку, тот не нашел ничего умнее, чем забиться под стол. За лейкой пришлось тянуться самому. И что было особенно неприятным, даже увещевания мадам Стебль, которая была деканом Хаффлпаффа, не спасали ситуацию.

На нумерологии было еще веселее. Мальчишка по имени Терри пересел от Саши как можно дальше, да и вообще никто не горел желания сидеть с Сашей за одной партой. И за соседними к Саше партах тоже. Так вокруг него образовалось своеобразное кольцо изоляции. Профессор Вектор, конечно, удивилась, но смолчала. Гермиона, вскочившая в класс буквально за секунду до звонка, быстро заняла место возле Александра.

— Она ничего не сказала? — шепотом спросила Грейнджер.

— Нет, что ты, она всю перемену читала им лекцию о влиянии Гарри Поттера на психическое состояние окружающих, определила даже радиус поражения моей зловещей ауры. А ты как раз находишься в эпицентре взрыва.

— Мистер Поттер, — прервала его профессор Вектор. — Надеюсь, вы рассказываете мисс Грейнджер о свойствах числа четыре в нумерологических системах народов мира? Тогда не стесняйтесь, поведайте эту бесценную информацию всем нам.

— Профессор Вектор, — прошептала девочка с Хаффлпаффа, — будьте осторожнее, это не Гарри Поттер, это Сириус Блэк под оборотным зельем.

— Да ладно, — Саша не выдержал и резко повернулся к ней. — А что ж так мелко? Всего лишь Сириус Блэк. Почему не Волдеморт? Недооцениваете, да?

От произнесенного вслух имени девочка пискнула и опасно качнулась на стуле.

— Минус десять баллов с Хаффлпаффа за несусветную чушь. Минус десять с Гриффиндора за грубость и разговоры на уроках. А теперь, мистер Поттер, извольте выйти вперед и рассказать всем нам о свойствах четверки.

Благо, к нумерологии Саша был готов, и быстро вернул потерянные десять баллов, рассказав все, что знал о четверке и ответив на пару каверзных вопросов. Но даже это не вернуло ему хорошего настроения. Не то чтобы он был душой компании, и теперь его расстраивало то, что никто с ним не разговаривает, вовсе нет. Ему было совершенно наплевать на происходящее

вокруг. Он просто дико не любил, когда начинали молоть ерунду. Особенно — ерунду, не подкрепленную фактами.

Но самым неприятным было то, что по поводу курсировавших вокруг Сашиной персоны слухов прошелся даже Снейп. Случилось это в конце недели, когда Саша умудрился буквально на одну несчастную минуточку опоздать на дополнительное занятие.

— О, мистер Поттер, — желчно проговорил Снейп. — Или все же мистер Блэк? Или вы успели еще как–то назваться? Задержались ради стаканчика оборотного зелья?

— Простите, профессор, — пробормотал Саша. — Такого больше не повторится.

— Надеюсь, — бросил Снейп. — Напомните мне, почему я трачу свое драгоценное время на такого нерадивого ученика как вы?

Саша молчал, отчаянно стараясь ни давать воли своему раздражению, накопившемуся за целую неделю и теперь жаждавшему вырваться наружу.

— Если вы, Поттер, Блэк или как вас там, не поняли, я поясню. Почему я должен тратить время на ваши каракули? Или в гостиной Гриффиндора так плачевно обстоит дело с горизонтальными поверхностями, что вам пришлось писать доклад, держа пергамент на коленях?

— Простите, сэр, — буркнул Саша, глядя в пол. Почерк его и впрямь был далек от каллиграфического, но еще никто из преподавателей не прохаживался по этому поводу.

После занятия Саша, выжатый и измученный, практически приполз в башню, где его уже поджидал Оливер Вуд.

— Гарри, почему ты пропустил тренировку? Завтра первый матч сезона со Слизерином, а ловец позволяет себе пропускать тренировки!

— Ох, Оливер, — вздохнул Саша. — Прости. Серьезно, я замотался и забыл тебя предупредить, что у меня индивидуальное занятие со Снейпом.

— Надеюсь, во время завтрашнего матча у тебя никаких занятий не назначено? — ехидно поинтересовался Оливер.

— Нет, все нормально.

— Кстати, с рукой–то как? — спросил Вуд, бросив взгляд на руку, пострадавшую после знакомства с Клювокрылом. — Играть сможешь?

— Как будто есть варианты, — сварливо проворчал Саша. — Другого ловца у нас все равно нет.

— Мы еще можем поменяться с кем–то и перенести нашу игру, — предложил Оливер. — Рейвенкло достаточно часто выходили на тренировки, а у Хаффлпаффа сыгранная команда.

Нет, серьезно, я сбегаю на какой–нибудь факультет, договорюсь, чтоб подменили нас.

Саша бросил осторожный взгляд на часы. До отбоя оставался еще час, Оливер вполне мог успеть и договориться с другой командой, и предупредить МакГонагалл.

— По правде говоря, рука и впрямь ноет, — нехотя признался Саша. — Видимо, погода меняется.

— Гарри, почему ты раньше не сказал? — вскинулся Вуд.

— Команду не хотел подводить.

— Гарри, прекрати. Я сбегаю на Хаффлпафф, думаю, они согласятся поменяться. А ты скажи всем остальным, что мы завтра сидим на трибунах. А то у них настроение отнюдь не боевое.

Саша вздохнул с облегчением и побрел к камину, у которого грелись Фред и Джордж. Саша ведь и вправду последние три дня мучился от болей в руке, но ставить Вуда в известность не хотел, не зная о том, что можно поменяться с другой командой.

— Гарри, ты пропустил тренировку, — покачал головой Фред.

— Ты должен поклясться нам, что больше так не будешь, — поддакнул Джордж.

— Ребят, завтра не будет игры, — быстро сказал Саша, потому что судя по лицам близнецов, на него должен был выплеснуться поток шуточек.

Фред и Джордж, услышав его слова, вмиг замолкли и непонимающе уставились на Сашу.

— То есть как это — не будет?

— А вот так, — пожал плечами Саша. — У меня болит рука, Вуд предложил поменяться с Хаффлпаффом. Зато у нас будет время еще немного потренироваться.

— Это уж точно. Хотя вообще–то, — Джордж назидательно поднял вверх указательный палец, — Гриффиндор еще никогда не переносил игры.

— Все бывает в первый раз, — Саша пожал плечами, плюхнулся в кресло и раскрыл учебник по зельеварению.

Анджелина, Алисия и Кэти не пришли в восторг от новости про перенос матча и долго читали Саше нотацию о том, что можно было бы и потерпеть, что можно было бы попросить у мадам Помфри мазь от боли, что он позволяет себе отлынивать от тренировок.

— Я не отлынивал, я был у Снейпа, — Саша раздраженно захлопнул книгу и поднялся с кресла. — Доброй ночи.

Впрочем, на следующее утро все недовольные взяли свои слова обратно. Погода была настолько отвратная, что Саша даже смотреть матч не хотел, решив, что поле будет видно и из башни.

Однако за завтраком Малфой сверлил гриффиндорскую команду таким злобным взглядом, что Саша решил пойти–таки на поле единственно за тем, чтобы посмотреть, как Малфой будет мокнуть.

Саша с Роном и Гермионой выбрали самую высокую трибуну. Рон, конечно, сначала хотел занять место в первом ряду, но стоило ему усесться на скамеечку, как за шиворот ему полилась вода с зонта сзади сидящего. Так что Сашино предложение о том, чтобы занять места позади всех, было воспринято с особым энтузиазмом. Гермионе квиддич как таковой был глубоко неинтересен. На игры она ходила только лишь затем, чтобы поддержать факультетскую команду. Именно поэтому Рону пришлось чуть ли не со скандалом тащить ее на стадион, когда Саша поведал друзьям, что Гриффиндор не выйдет на поле.

— Я могла бы позаниматься в тишине и спокойствии, — распалялась Гермиона. — В гостиной все равно никого нет! Гарри, скажи ему.

— Говорю ему, — пожал плечами Саша. — А толку?

Толку действительно не было. Ни на тирады Гермионы, ни на Сашины оклики он внимания не обращал, лишь рассуждал о предстоящем матче.

— С одной стороны, конечно, плохо, что мы не вышли, — разглагольствовал он. — Это нехорошо по отношению к Хаффлпаффу. Но команда Слизерина готовилась к матчу с нашими, а мы им подсунули Хаффлпафф с совершенно другой тактикой. Теперь им придется на ходу менять схему.

Гермиона тяжело вздохнула и отвернулась.

На Малфоя было смешно смотреть, и Саша не сдерживал откровенный смех. Видимо, новость о замене команды–соперника настигла его совершенно недавно, и теперь он выглядел так, будто его ударили бладжером по голове. Другого объяснения растерянному выражению лица Малфоя Саша не находил.

Метлы взмыли в воздух, матч начался, и Саша поднял голову вверх, чтобы наблюдать за игрой. Вдруг в руку ему что–то ткнуло.

— Рон, не толкайся, — попросил Саша, даже не глядя на соседа. В руку что–то ткнуло еще раз, уже сильнее. Саша опустил глаза и увидел у своих ног мокрого черного пса, который тыкался головой Саше в руку, будто бы желая, чтобы его погладили.

— А, это ты, дружище. Привет, — Саша потрепал пса по холке, и тот довольно закатил глаза. — А смотри, что у меня есть.

Жестом фокусника Саша извлек из сумки пирожок, который он прихватил с собой за завтраком. Вообще–то, Саша и сам намеревался съесть его во время матча — эту привычку, корнями уходящую в старую жизнь, было не искоренить. Поглощение

пищи во время просмотра любых спортивных мероприятий стало чем–то вроде рефлекса. Не зная, как долго продлится матч, Саша без зазрения совести ссыпал в сумку все пирожки с блюда, что стояло перед ним. И вот теперь их время настало. Один пирожок Саша все же пожертвовал псу, а сам достал из сумки второй.

Матч шел своим чередом: пару голов закатил Слизерин, но Хаффлапафф вскоре сравнял счет, и даже на пару десятков очков вырвался вперед. Саша флегматично жевал пирожок и наблюдал за тем, как мечется по полю Малфой, будто не может решиться: искать ли снитч самому или сесть на хвост ловцу соперника. Пес, наевшийся до отвала, лежал у Саши в ногах и только издавал глухое рычание, когда гол забивал Слизерин. Когда же гол забивал Хаффлпафф, пес вилял хвостом, ударяя при этом по Сашиной ноге.

— Наш человек, в смысле, пёс, — хохотнул Саша, — знает, за кого болеть.

— Ловец Слизерина, кажется, уснул на метле и не видит, что ловец Хаффлпаффа, Седрик Диггори уже заметил снитч и несется к нему, — провозгласил Ли Джордан.

Трибуны радостно взревели, Саша тоже перевел взгляд на Седрика, который мчался к своей цели. Даже через пелену дождя, в залитых водой очках Саша смог различить маленький золотой мячик, к которому тянулась рука Седрика. Малфой же тем временем только развернул метлу и пытался найти взглядом хотя бы Диггори.

Трибуны радостно взревели, когда пальцы Диггори сомкнулись на снитче, а сектор Слизерина издал горестный стон, который невообразимым образом вдруг перерос в вопли ужаса. Взгляды всех, кто был на стадионе, переметнулись с Седрика на Малфоя, который обмяк на метле и вот–вот мог упасть, а вокруг него смыкалось кольцо дементоров. Пес, мирно лежавший у Саши в ногах, вскочил на ноги и оскалился. Из пасти его вырвалось низкое рычание, а шерсть встала дыбом. Гермиона в ужасе прижала руки к лицу, а Рон, кажется, не знал, бояться ему или радоваться.

Что–то белое и сверкающее пронеслось через весь стадион и влетело прямиком в гущу дементоров. Те вмиг оставили Малфоя в покое и быстро направились прочь со стадиона. Саша подумал бы, что они побежали, но не был уверен, что у дементоров есть ноги.

Драко Малфой на стадионе вскинул руку, будто хотел за что–то ухватиться, и шлепнулся в грязь. Метла его послушно спланировала и упала рядом с ним в мокрую грязную траву стадиона.

Спустя минуту с трибун спустилась перепуганная мадам Помфри, хмурый Дамблдор и Снейп с абсолютно непроницаемым лицом. Мадам Помфри немедленно наколдовала носилки, на которые уложили обморочного Малфоя, и вся процессия двинулась к школе.

— С ним же все будет в порядке? — осторожно переспросила Гермиона.

— Гермиона! — вскинулся Рон. — Ты что, переживаешь за Малфоя? За этого слизняка? Да хоть бы он и сдох, всем бы только лучше было!

— Рон, заткнись, — бросил Саша, — не засоряй карму ни себе ни окружающим. Каким бы мерзким ни был Малфой, желать ему смерти — последнее дело. В конце концов, это не по-Гриффиндорски, — Саша решил нажать на святая святых — факультетские устои. — Нормально с ним все будет, мадам Помфри меня уже два раза на ноги ставила после налета дементоров, попрактикуется теперь на Малфое. Разницы–то никакой. Другое дело, что наш Дракошка может из этой ситуации выкрутить вместе со своим папашкой.

Гермиона мелко закивала, а Рон, обиженный на то, что Саша его не поддержал, шумно сопел и молчал.

Когда убежал черный пес, Саша не заметил.

Буря, как и ожидал Саша, не преминула разразиться. Вечером того же дня Люциус Малфой стремительным шагом пересек вестибюль школы и направился по лестнице вверх, очевидно, в кабинет директора. Саша как раз выходил с ужина и юркнул за ближайшую колонну, надеясь, что Малфой–старший его не заметит. Но тот, судя по виду, был так взвинчен, что совершенно не смотрел по сторонам и не заметил бы Сашу, даже если бы столкнулся с ним нос к носу.

Впрочем, Саша рано решил, что его это происшествие обошло стороной. Не успел он зайти в гостиную и усесться в кресло, как в портретный проем шагнула Джинни Уизли.

— Гарри, — она тут же подошла к Саше. — Гарри, профессор Дамблдор хочет видеть тебя у себя в кабинете.

Александр вздохнул и поднялся с места.

— Уверен, это Малфою припекло со мной пообщаться, а не Дамблдору, — буркнул он и вышел из гостиной.

Уже подходя к кабинету директора, Саша осознал, что так и не удосужился поинтересоваться паролем. Ругая на все лады свою дырявую голову, он подошел к винтовой лестнице и с удивлением обнаружил, что горгулья уже стоит в стороне.

— Мне можно пройти? — осторожно спросил Саша.

— Вас ждут, — коротко скрипнула горгулья, и Александру

ничего не оставалось, кроме как подниматься вверх по винтовой лестнице.

Саша вошел в кабинет директора, в котором царила напряженная тишина. Дамблдор, впрочем, казался расстроенным, но при этом сохранял спокойствие, а вот Малфой–старший буквально кипел от возмущения.

— Мистер Поттер, — он потер руки, будто предвкушая что–то. — Драко говорил, вы не раз страдали от нападений дементоров.

— Я бы уточнил, в каком тоне Драко вам об этом рассказывал, но не стану. Правды я все равно не услышу, — тихо проговорил Саша с натянутой улыбкой. — Если основываться на фактах, то — да, дементоры мной интересовались. Что породило некоторые кривотолки в рядах учеников.

— Какие вам еще нужны доказательства, Дамблдор? — мой сын и мистер Поттер пострадали от нападения дементоров! Что это, если не халатность руководства школы? Вы держите на территории учебного заведения опаснейших и страшнейших тварей магического мира. А ведь здесь так много невинных детей! Что если дементоры перестанут вам подчиняться и решат полакомиться?

— Поверьте, Люциус, дементоры оказались в школе не из–за моей большой любви к ним, а по приказу Министра. Он почему–то считает, что беглый Блэк непременно захочет попасть в школу.

— Почему–то? — Люциус холодно рассмеялся. — Уж не по вашу ли душу он сюда рвется? Уж не себя ли вы решили обезопасить, нагнав сюда множество дементоров, ослабив охрану Азкабана и подвергнув опасности наших детей.

Люциус потянулся к Саше, видимо желая потрепать его по голове наигранным отеческим жестом, но Саша поморщился и отступил на шаг назад.

— Блэк уже был в школе, — продолжил Люциус намного более грубым тоном. — Если дементоры не смогли предотвратить его побег из Азкабана, то как же они смогут помешать ему напасть на школу?

— Мистер Малфой, я всего лишь выполняю указ министра Фаджа, — развел руками Дамблдор. — Если хотите, давите на него, жалуйтесь ему на эти происшествия.

— Кстати о Фадже, — Люциус противно ухмыльнулся, и Саша подумал, что ничего хорошего от этой улыбки ждать не стоит. — Я собирался с ним переговорить, как только закончу некоторые свои дела, но этот прискорбный инцидент… Пожалуй, я отложу свои дела и встречусь с Фаджем завтра же. Это касается не только дементоров, Дамблдор. Я так понимаю, тот гиппогриф все еще

жив и здравствует?

— Мы же уже решили с гиппогрифом? — вклинился в разговор Саша.

— Я тоже думал, что мы все решили, — делано грустным голосом проговорил Малфой. — Я тогда понадеялся, что царапиной все и обошлось, что дело можно замять. Но прошло уже столько времени, а эта рана все еще не дает вам покоя. Пожалуй, я смею настаивать на казни этой твари.

«Вот, а ведь девочки правильно ругались из–за переноса матча, — подумал Саша, — надо было их послушаться. И чего я к этой ноющей руке прицепился? Поныла бы и перестала».

— Мистер Малфой, — осторожно начал Саша, — рука уже почти зажила. Просто из–за погоды шрам ноет.

Он откатил рукав мантии, показывая сухую и чистую царапину.

— Тем не менее, — кивнул Малфой. — Поверьте, мистер Поттер, я не живодер, и никакого удовольствия от казни не получу, ни в коем случае. Но закон есть закон.

— Что ж, в таком случае я жду вызова на суд, — улыбнулся Саша.

— На суд, мистер Поттер? — Малфой явно не ожидал этой фразы. Вероятно, он ожидал чего угодно, но только не этого.

— Да, мистер Малфой, вызова на суд, — повторил Саша. — Меня как пострадавшего должны опросить, и я с радостью отвечу на вопросы уважаемых судей.

— Конечно, мистер Поттер, — Малфой развернулся к двери, судя по всему, у него уже челюсть сводило от улыбочек. — Учтите, как бы вас не запугивали в школе, на суде придется говорить правду.

— Только чистейшую правду, — кивнул Саша, и Люциус покинул кабинет, хлопнув дверью.

— Что, думаете, пойдет он к Фаджу? — спросил Саша, повернувшись к Дамблдору.

— Не только пойдет, но и попытается найти способ обойти вас вниманием, — кивнул директор. — Если в школе вы могли сказать, что помогали Драко усвоить материал, то на суде вам придется сказать правду. Кстати, как было на самом деле?

— Это не столь важно, — улыбнулся Саша. — Мы с Драко знаем правду, а это значит, что кто–то из нас должен отступиться от гиппогрифа. И, будьте уверены, я не отступлюсь.

— Тогда доброй ночи, молодой человек, — Дамблдор улыбнулся, и Саша поспешил покинуть кабинет.

Часть III. Глава 11. Вопросы без ответов

Из–за происшествия на квиддичном матче, из–за общей загруженности, из–за ноющей руки и периодически саднящего шрама Саша окончательно запутался во времени, в местах и людях. Направляясь на общий со Слизерином урок по Защите от Темных сил, Саша так задумался, что на полном ходу врезался Симусу в спину.

— Ты чего в дверях застрял? — поинтересовался Саша. Впрочем, рядом с Симусом замерла в дверном проеме и Гермиона, так что в голову к Саше закрались смутные подозрения.

— Эй, мы что, урок перепутали? Массовое помешательство?

— Рон, все чисто, заходи, — махнула Гермиона.

— Что чисто? — переспросил Саша.

— Урок в этот раз Люпин ведет, — пояснил Рон. — Ты что, проспал, что ли прошлую Защиту?

— А что с ней не так было? — недоумевал Саша. На этот вопрос друзья отреагировали более чем странно. Гермиона заботливо приложила руку к его лбу, видимо рассчитывая почувствовать болезненный жар или горячку. Рон просто сочувственно похлопал его по плечу и отвернулся, а Симус толкнул Дина локтем и выразительно покрутил пальцем у виска.

— Гарри просто заработался, — попробовал оправдать его Невилл.

— Да ты что? — прищурился Рон. — Даже Гермиона не способна заработаться так, чтобы не заметить, что урок ведет не Люпин а Снейп. А может Гарри действительно не Гарри, а Блэк под Оборотным?

— Отвали, — Саша оттолкнул его и сел на свое место. — Я уже настолько к роже Снейпа привык, что она меня не удивляет. Да явись он в полночь в Гриффиндорскую башню, я не удивлюсь.

— Ты и правда настолько сильно устаешь? — сочувственно взяла его за руку Гермиона.

— А по мне не видно? — огрызнулся Саша, обводя пальцем круги у себя под глазами. Да, он и впрямь всю прошлую неделю так сильно уставал, да еще и пребывал в постоянном раздражении из–за дурацких слухов, что даже не заметил, что Защиту вел не Люпин. Он просто увидел Снейпа и автоматически подстроился под модель поведения на его занятии, а что там диктовали и спрашивали, не запомнил. В этом году у него

частенько случалось такое состояние, когда все вокруг происходило словно в тумане, а звуки доносились как будто бы через плотную вату.

— Люпин так Люпин, — резюмировал Саша и положил голову на учебник.

— Гарри ты какой–то странный, — осторожно проговорила Гермиона.

— Да ты что, серьезно? — он прищурился, глядя на нее. — Половина школы решила, что я — Блэк под оборотным, вторая половина считает меня симулянтом, специально придумавшим боль в руке, чтобы отменить матч, но — нет, что ты, странный тут я. Птичка, серьезно, отвали, ради всего святого. Я сейчас такой злой, что еще укушу тебя и ты тоже станешь странной. Этого твоя правильная до мозга костей душа точно не перенесет.

По поводу симуляции Саша, конечно, немного преувеличил. Половина школы точно так не считала. Хаффлпаффу грех было жаловаться, они выиграли прошедший матч с хорошим разрывом. Рейвенкло пока что наблюдали, но особо дуться из–за замены, похоже, не собирались. А вот за столом проигравших отчетливо были слышны не самые достоверные версии и крайне нелицеприятные эпитеты, которыми награждали Сашу лично и всю команду Гриффиндора в целом.

— Мистер Малфой, проходите, — Люпин, сидевший за преподавательским столом, сделал широкий жест, словно был гостеприимным хозяином, приглашавшим дорогого гостя в дом. — Что же вы замерли в дверях?

— Я не буду сидеть с ним в одной аудитории, — презрительно фыркнул Малфой, показывая пальцем на Сашу. Последнего это окончательно вывело из себя.

— Что ж такое, Малфой? — язвительно спросил Саша. — Чем на этот раз моя персона тебе не угодила?

— А тем, что это из–за тебя на поле пришли дементоры! Если они в первый раз до тебя не добрались. Они решили схватить тебя на квиддичном поле, и просто перепутали. А ты — ты прекрасно знал это, Поттер, поэтому и попросил поменяться с Хаффлпаффом, — выпалил Малфой, лицо которого от злости слегка позеленело.

— Малфой, ты когда в грязь шмякнулся, у тебя что–то сотряслось, — презрительно бросил Саша. — Не знаю что, но точно не мозг. Даже воспаленный, он не в состоянии выдавать такой бред.

— А у тебя, Поттер, явные проблемы с законом! И дементоры здесь не ради Блэка, — Малфой практически выплевывал слова, — а ради тебя. И я клянусь, мой отец узнает, что ты

натворил.

— А не задолбало за папашкиными штанишками прятаться? — Саша окончательно вышел из себя. — Слушай сюда, немочь бледная: отцепись от меня, и родителя своего отцепи, а то, знаешь ли, на злобненьких лестницы падают и котлы плюются.

— Все слышали? Поттер мне угрожает! — заверещал Малфой.

— Я просто предупредил, — процедил Саша.

— Молодые люди, прекратите, — раздался над ними тихий голос Люпина. — Мистер Малфой, займите, наконец, свое место. А тебе, Гарри, я бы советовал прогуляться в Больничное крыло и попросить у мадам Помфри Успокаивающую микстуру.

Саша и сам понимал, что без Успокаивающей микстуры ему будет тяжко: руки крупно тряслись, пришлось спрятать их в карманы мантии, а то он с легкостью мог бы прослыть еще и психопатом. Да еще и глаз дергался, что тоже не добавляло ему баллов в глазах окружающих. Казалось, даже волосы от злости топорщились сильнее, чем обычно.

— Не переживай, Гарри, наверстаешь потом, — миролюбиво проговорил Люпин, положил руку Саше на плечо и повел его к выходу из класса. — Заглянешь после урока, побеседуем в спокойной обстановке.

— Да, сэр, — коротко кивнул Саша. Люпин выглядел таким больным и измученным, что гнев на однокурсников вмиг отступил, и на место его пришел стыд.

«Вот, человек еще не оправился от болезни, пришел к нам на занятие, а мы тут сцены закатываем», — ругал себя Саша, хотя сам и понимал, что его вины тут немного. Малфой его спровоцировал, но сегодня Саша был настолько раздражительным, что сорвался, хотя по большому счету, от Малфоя стоило просто отмахнуться.

— Поттер, что на сей раз? — устало спросила мадам Помфри.

— Можно мне Успокоительной микстуры? — тихо спросил Саша, глядя в пол, дабы не пугать медсестру своим дергающимся глазом.

— Поттер, это только третий курс, — всплеснула руками мадам Помфри. — Что ж вы будете делать, когда придет время сдавать СОВ?

— Не знаю, — Саша как будто ненароком вынул руки из карманов, и мадам Помфри непонимающе уставилась на них.

— Мерлин, мистер Поттер, да вас же трясет! Ох, говорила я, что эти дементоры до добра не доведут. Тут и здоровый–то человек нервами заболеет, а уж такой хрупкий организм, — причитала мадам Помфри, перебирая баночки и скляночки в

поисках Успокаивающей микстуры.

— Кстати о хрупких организмах, — ввернул Саша, — мистер Малфой тоже какой–то весь нервный и, похоже, бредит. Кажется, общение с дементорами на него тоже плохо повлияло.

— Да вы что!

— Да, у нас сейчас совместный урок по Защите, и у мистера Малфоя очень болезненный вид, — проговорил Саша с самым невинным выражением лица. Мадам Помфри, которая была не в курсе их взаимной неприязни, похоже, приняла этот рассказ за чистую монету.

— Мистер Поттер, вот, — она протянула Саше стакан с зельем, — выпейте и немедленно отправляйтесь в башню, а я схожу за мистером Малфоем.

Саша кивнул, но мадам Помфри, уже развернувшаяся к двери, этого не видела. Она явно вознамерилась забрать Малфоя с урока по Защите, и Саша даже не думал ее разубеждать. Допив микстуру и поставив стакан на стол, он вышел из Больничного крыла, поднялся по лестнице на один пролет и стал ждать.

Вопли Малфоя раздались через каких–то пять минут. Он верещал так, что у Саши аж уши заложило. Его вопли разносились гулким эхом по пустому коридору, и Саша насилу разобрал отдельные слова и фразы, напоминавшие: «Я здоров», «Я напишу отцу», «Не имеете права!» Саша пытался выглянуть с лестницы и в то же время остаться незамеченным. Он даже посетовал на то, что оставил мантию–невидимку в Башне. Но все же Саше удалось разглядеть, как мадам Помфри, преисполненная решимости, ведет отчаянно сопротивляющегося Малфоя по коридору к Больничному крылу. Уж кто — кто, а Саша–то знал, что если мадам Помфри вознамерилась кого–то вылечить, лучше сдаться сразу.

— И тебя вылечат, — захихикал Саша, когда за Малфоем и мадам Помфри захлопнулась дверь Больничного крыла. Александр на цыпочках спустился по лестнице и подошел к двери, из–за которой слышались протестующие вопли, сменившиеся бульканьем. Саша подавил в себе желание расхохотаться во весь голос, засунул руки в карманы и пошел на урок по Защите, разве что не посвистывая от удовольствия.

— Уж не твоими ли стараниями? — подозрительно спросила Гермиона, подойдя к Саше. Он подпирал стену у кабинета Защиты, когда закончился урок, и из кабинета потянулись студенты.

— Что — моими стараниями? Птичка, выражай свои мысли более внятно, — хохотнул Саша.

— С середины урока Малфоя забрала мадам Помфри, —

нахмурилась Гермиона. — А перед этим ты ушел в Больничное крыло. Только не говори мне, что это просто совпадение.

— Ладно, не скажу, — пожал плечами Саша, — но это действительно совпадение. Я принял микстуру и пошел в Башню, чтобы отлежаться. Когда урок подходил к концу, я спустился сюда, потому что профессор Люпин просил к нему подойти. А про Малфоя я вот сейчас от тебя услышал.

Александр придал лицу максимально удивленный вид, и Гермиона, кажется, поверила.

— Ну ладно, — она кивнула, — поговори с Люпином и спускайся на обед.

— Нет, блин, не спущусь, — фыркнул Саша. — Котик, не надо этого командного тона, он на меня все равно не действует.

— Кстати, сочинение по оборотням можно не сдавать, — Рон подошел к ним и уставился на Сашу. — Ты как, в порядке?

— В полнейшем, — заверил Саша и направился в пустой кабинет по Защите, где его уже ждал профессор Люпин.

— Я хотел бы извиниться, — начал Александр, закрыв за собой дверь, — за этот жуткий инцидент. Такого больше не повторится, профессор.

— Гарри, — Люпин добродушно улыбнулся, — я представляю, как тебе сейчас непросто. Я краем уха слышал эти сплетни, который курсируют по школе, и, надо сказать, школьные сплетники не теряют своих позиций. Когда я учился в школе, народ тоже были горазд на выдумки.

— Все равно, я не должен был так реагировать, — под мягким, почти отеческим взглядом профессора Саше вдруг стало до ужаса стыдно, — вы только оправились после болезни.

— О, пустяки, — отмахнулся Люпин. — Лучше расскажи мне о дементорах. То, что говорил мистер Малфой в пылу ссоры — надеюсь, это сплетни.

— К сожалению, не совсем, — вздохнул Саша, — дементоры и вправду питают ко мне какой–то нездоровый интерес. Тогда в поезде, потом по дороге из Хогсмида. Я думаю, если бы я был на поле во время матча, они бы тоже двинулись ко мне.

— Дементоры, Гарри, питаются эмоциями и чувствами, они вызывают у нас воспоминания о самых темных, самых ужасных моментах нашей жизни. Неудивительно, что они так тянутся к тебе, ведь то, что ты пережил, — Люпин тяжело вздохнул и не договорил. Саша даже не нашелся, что и ответить, и просто поджал губы. Ему–то была известна истинная причина повышенного интереса дементоров к его персоне.

— Мы с профессором Дамблдором решили, что мне пока лучше не ходить в Хогсмид, — невпопад сказал Саша, — я имею

ввиду, пока дементоры охраняют школу.

— Это неприятные меры, Гарри, — кивнул Люпин, — но необходимые. Иногда стоит пожертвовать чем–то малым ради намного большего. Могут ли походы в Хогсмид сравниться с твоей безопасностью и безопасностью твоих друзей? Ведь если дементоры интересуются тобой, они могут задеть и твоих товарищей.

— Мы с директором тоже так подумали, — закивал Саша. — Лакомства того не стоят.

— Рад, что ты отнесся к этому решению ответственно, — улыбнулся профессор. — Твои родители гордились бы тем, что ты столь благоразумен.

«Не понял, — подумал Саша, — он что, знал Лили и Джеймса, раз берется предсказывать их реакцию?»

— Простите, профессор, — уточнил он, — вы знали их?

— Да, Гарри, знал, — тяжело вздохнул Люпин, — твоя мать была очень добра ко мне, даже когда все остальные готовы были отвернуться. А отец был самым большим храбрецом, которого я только знал. Это были самые светлые люди на моем жизненном пути. Боюсь, эта рана никогда не затянется.

Саша опустил глаза и начал соображать, как бы перевести тему. Разговор рисковал перерасти в психотерапевтическую беседу, а он этого ужасно не любил.

— Простите, профессор, — легонько улыбнулся Саша. — Так что с пропущенным уроком?

— Ах да, урок, — Люпин словно очнулся от каких–то мыслей. — Сегодня мы проходили болотных фонарников. Я попрошу тебя сделать к следующему уроку небольшой доклад по этой теме и зачитать его перед всем классом.

— Да, сэр, разумеется, — быстро согласился Саша. — И простите еще раз за этот инцидент.

— Все в порядке, Гарри, — Люпин протянул руку, будто желая потрепать его по плечу, но одернул сам себя. — Беги на обед, а то все без тебя съедят.

Попрощавшись, Саша покинул кабинет Защиты от Темных сил и побрел в сторону Большого Зала, однако мысли его были далеки от обеда.

«Итак, Люпин знал Джеймса. Сириус часто гостил в доме у Джеймса, — он пытался свести воедино все, что знал о прошлом. — Могли ли быть Сириус и Люпин знакомы, либо Джеймс общался с ними по отдельности и эти двое никогда не пересекались?»

Саша попытался воскресить в памяти всех гостей, что бывали в доме Лили и Джеймса. Он прекрасно помнил мисс Бэгшот с ее

сказками. Прекрасно помнил Сириуса, еще молодого и веселого. Смутно припоминал каких–то людей, которые всего лишь по одному разу забегали в дом, всего на минуточку. Он прекрасно помнил визит Дамблдора. Даже перепуганного трясущегося человечка, которого Лили называла Хвостиком, он припоминал, но Люпина среди них не было.

«Или мне только кажется, что не было, — Саша остановился посреди коридора и задумался. — За тринадцать лет его могло здорово потрепать. Если попробовать мысленно убрать шрамы и морщины, может лицо мне и знакомо». Как назло, воображение отказывалось работать в школьном коридоре. Особенно не до размышлений стало, когда какая–то девочка врезалась в Сашино плечо.

— Поттер, отомри, — бросила она, и пошла дальше, а Саша даже толком и не сообразил, кто это и откуда он ее знает. Все вокруг опять кружилось в тумане. Не особо различая, куда идет, скорее, по привычке, чем целенаправленно, он все–таки добрался до Большого зала и уселся за стол.

— Гарри, с тобой все в порядке? — раздался справа озабоченный голос. Саша повернулся и попытался сфокусировать взгляд. Рядом с ним сидела Джинни, которая рассматривала его с явной тревогой.

— А, Джинни, это ты, — выдохнул Саша. — Все в порядке. Я просто слегка перенервничал, потом выпил Успокаивающей микстуры, и, видимо, она меня слишком сильно успокоила.

— Тогда тебе стоит прилечь, — заботливо проговорила Джинни. — Сразу после обеда иди в Башню и ложись спать.

— Нет, спать точно нельзя. У меня вечером дополнительное по Защите со Снейпом. Он с меня шкуру сдерет, если я хоть на минуту опоздаю.

— Ох, Гарри, ты так перенапрягаешься, — вздохнула Джинни, и сидящая напротив нее Гермиона подняла голову.

— Кто перенапрягается? — удивленно спросила она.

— Гарри, — Джинни кивнула на Сашу. — Опять собрался на дополнительное. Совсем себя не жалеет.

— Дружище, я понимаю — Гермиона, та не может жить без того, чтобы не нагрузить себя чем–то. Но ты–то вроде благоразумный человек, — встрял Рон.

— Поверьте, я перенапрягусь куда сильнее, когда Снейп будет спускать с меня шкуру, — прошипел Саша, оглядываясь на преподавательский стол. Сидевший там Снейп как раз сверлил всю их компанию самым неприятным взглядом, так что Саша поспешил отвернуться.

После обеда они направились в Башню, где Саша даже

поднялся в спальню и даже улегся на кровать. Правда, спать он не стал, а взял с тумбочки учебник по Защите и принялся читать. Ему предстояла встреча со Снейпом, и Саша догадывался, что тот спросит с него сочинение. Он и так с трудом переварил информацию, что длиннейший реферат про оборотней задал не Люпин, а Снейп, и коль скоро Люпин позволил не сдавать эту работу, да и вообще ее не делать, то уж Снейп точно захочет ее увидеть. Саша уставился в учебник, раскрытый на параграфе об оборотнях, но буквы упорно не хотели складываться в слова. Он все еще пытался представить Люпина молодым и не таким потрепанным. В тишине спальни это почти получалось. Картинка складывалась, фрагмент за фрагментом, пока перед Сашиным внутренним взором не предстал образ молодого, чуть грустного и постоянно уставшего мужчины.

— Есть! — Саша сам не заметил, как вскочил на кровати. — Я его знаю!

От звука собственного голоса он вынырнул из мыслей и огляделся. Чего сейчас стоило избегать, так это лишних вопросов. Но, к счастью, никто из соседей по комнате не возжелал забыться послеобеденным сном. Саша был в спальне один.

«Отлично, — принялся размышлять он, — итак, Люпин был в доме у Лили и Джеймса. Хотя бы раз, но был, я его вспомнил. Но тогда он должен знать, что Блэк ни при чем. Или не должен? Спросить что ли у него напрямую? Пожалуй, не стоит. Откуда бы мне знать, что они были знакомы и даже вхожи в дом Джеймса. Я даже не должен был его узнать, ни его, ни Блэка. Интересно, он в школе за тем, чтобы присматривать за мной или просто удачно нашел работу? Ага, как же. Удачно нашел работу. Только услышал, что Сириус сбежал, так сразу и бросился в школу наниматься. Одно точно ясно: Люпин каким–то образом догадался, что Сириус попытается со мной встретиться, вот и решил поработать в школе. Вот только непонятно, какие у него мысли и намерения насчет Сириуса».

Вопросов было и так больше, чем ответов. Саша настойчиво пялился в книгу на случай, если кто решит заглянуть в спальню, а в голове его крутились одни и те же вопросы. Короткий осенний день уже подходил к концу, солнце садилось, а Саша даже не подумал, что мало кто поверит тому, что он может читать в потемках. Дверь спальни скрипнула, и до Сашиных ушей донесся голос Рона.

— Гарри, Гарри, эй! Проснись! Скоро ужин!

— Да? — Саша мотнул головой, прогоняя прочь назойливые мысли. — Да, ужин, точно.

Он схватил с пола сумку, засунул туда книгу, проверил, на

месте ли сочинение и поплелся к выходу из спальни.

За ужином он ел мало и без аппетита, что не укрылось от внимания Джинни.

— Гарри, что–то ты совсем расклеился, — обеспокоенно произнесла она.

— Джинни, пожалуйста, не начинай. Я сегодня на всех срываюсь, не хотелось бы и на тебя накричать.

— Это правда, он срывается, — Гермиона кивнула. — Особенно на тех, кто пытается ему помочь.

— Птичка, ради всего святого, — простонал Саша, одним глотком осушив кубок тыквенного сока, — еще хоть одно слово, и наш дневной разговор тебе покажется невинным щебетанием.

Гермиона насупилась, но спорить не стала. Джинни тоже решила не испытывать терпение и продолжила поглощать свой ужин. Саша же, окончательно потеряв интерес к еде, закинул сумку на плечо и побрел в подземелья.

— Мистер Поттер, потрудитесь объяснить, каким образом мистер Малфой очутился сегодня в Больничном крыле? — спросил Снейп, как только Саша вошел в его кабинет.

— Что, простите? — Александр решил делать вид, что ничего не знает. — Мистер Малфой в Больничном крыле? Какая жалость! Нужно будет обязательно навестить его.

— Прекратите паясничать, Поттер, — прикрикнул Снейп. — Мисс Паркинсон утверждает, что вы с мистером Малфоем чуть не подрались на уроке у профессора Люпина, после чего в Больничное крыло отправились сначала вы, а затем и Малфой.

— Но мы даже не доставали палочки, — Саша посмотрел на Снейпа чистым и невинным взглядом. — Может, мистер Малфой не до конца вылечился после встречи с дементорами?

Снейп нахмурился, но промолчал, быстро отвернувшись от Саши.

— Кстати, профессор Снейп, я мог бы вас попросить? Это касается дементоров. Они проявляют ко мне повышенный интерес и было бы неплохо если бы вы научили меня их прогонять, — самым благовоспитанным тоном проговорил Саша.

— Прогонять дементоров? — переспросил Снейп.

— Да, я видел, как профессор Дамблдор, профессор МакГонагалл и профессор Люпин творили такие чары, после которых дементоры уходили. Я подумал, может быть, — Саша слегка замялся, — просто вы — самый лучший специалист по Защите от Темных сил, и наверняка смогли бы научить меня этим чарам.

— Вы, мистер Поттер, слишком самонадеянны, полагая, что я буду тратить время еще и на это, — желчно проговорил Снейп. —

Вы видели, как другие творят эти чары, так почему бы не обратиться к ним? Уверен, и директор, и ваш декан не откажут вам в помощи. А особенно я бы рекомендовал Люпина. Он с радостью будет нянчиться с вами, как со щенком, — последние слова Снейп произнес так, будто вложил в них всю ненависть ко всему живому. Саша покаянно уткнулся взглядом в пол и протянул Снейпу свиток с сочинением.

— Что это?

— Сочинение, сэр, по оборотням, — пояснил Саша, — вы задавали его на том уроке, когда заменяли профессора Люпина, и я подумал, что его нужно сдать.

Снейп, казалось, готов был взорваться.

— Сегодня, — выдавил он, — занятия не будет. Свободен, Поттер.

— Но вы же проверите сочинение? — уточнил Саша.

— Вон, — прошипел профессор, и Александр быстро выскочил за дверь, недоумевая, что такого он сказал. Впрочем, стоило попытать счастья у Люпина.

«Если Люпин был другом Джеймса, — размышлял Саша по дороге в кабинет Защиты от Темных сил, — вряд ли он откажет в помощи его сынульке. Пора уже что–то решать с этими дементорами».

Часть III. Глава 12. Подозрения

— Ты точно решил? Может все–таки попробуешь? У тебя же есть разрешение.

— Рон, отвали. Мы говорили об этом миллион раз и повторять в миллион первый я не хочу, — Саша нахмурился и отвернулся.

Утро, как, впрочем, и десяток предыдущих, началось с того, что Рон пытался уговорить Сашу на вылазку в Хогсмид, которая должна была состояться в конце месяца. Саша же сопротивлялся и приводил доводы, которые были понятны всем: и Гермионе, и Симусу, и Дину, и Невиллу. Всем, кроме Рона.

— Но он прав, Рон, — вклинилась в разговор Гермиона и назидательно подняла указательный палец вверх. — Гарри обсуждал это с профессором Дамблдором. Они пришли к такому выводу не просто так.

— Спасибо, котик, — кивнул Саша, — стоит признать, иногда твои невыносимые нравоучения бывают весьма кстати.

Рон удивленно посмотрел на Сашу, но, к счастью, промолчал.

— Как прекрасно, что мы наконец–то решили закрыть эту тему, — выдохнул Саша. — А теперь пошевеливайся. Если ты опоздаешь на урок к Хагриду, он этого не переживет.

— Кстати, о Хагриде, — Гермиона сжала губы. — Что слышно с разбирательством по поводу Клювокрыла?

Саша пожал плечами и повернулся к Рону. Тот проделал точно такой же жест, и оба они воззрились на Гермиону.

— Помочь хочешь? — спросил Саша, хотя о том, каким будет ответ, он догадывался.

— Конечно, Гарри! — пылко проговорила она. — Хагрид наш друг, и мы не можем бросить его в беде.

— Хагрид наш преподаватель, дорогуша. Это во–первых. Во–вторых, нам по тринадцать лет, мы не сильны в магическом законодательстве. В-третьих, есть в этом мире хоть что–то куда ты не хочешь совать свой очаровательный носик?

— Прорицания, — сходу ответила Гермиона. — Туда у меня точно нет желания ходить.

— Так не ходи, — фыркнул Саша. — Я вот не хожу, и прекрасно себя чувствую.

— Но я же записалась, — робко попыталась возразить Гермиона.

— Так отпишись, — бросил Саша, ставя точку в этом разговоре.

— Хорошо, — Гермиона, видимо, считала, что последнее

слово все же должно остаться за ней. — Вот семестр закончится, и откажусь.

— Прекрасно, — Саша застегнул мантию и вышел из Гриффиндорской гостиной.

Ноябрь выдался ветреный и дождливый. По дороге к опушке леса, на которой стояла хижина Хагрида, Саша раз десять чуть не грохнулся в грязь, а навстречу им попалась группка Хаффлпафцев, таких грязных, будто они были мандрагорами и их только–только достали из горшков. Пейзаж — серое небо, мокрые стены замка, голые деревья в лесу и болото под ногами — был настолько унылым, что Сашу клонило в сон. Он даже не удивился, когда не обнаружил у хижины ни одного студента со Слизерина.

— Странно, куда это все слизеринцы запропастились? — озвучил его мысли Рон.

— Может, задержали на предыдущем уроке? — предположила Гермиона.

— Неужели вы двое настолько соскучились по их мерзким рожам? — презрительно бросил Саша. — Как по мне, так пусть бы и вовсе не являлись. Им вкатают взыскание, оштрафуют как минимум баллов на двести за сорванный урок. Для нас ничего плохого не вижу.

— Мне просто показалось это подозрительным, — принялась оправдываться Гермиона, но тут из хижины вышел Хагрид.

Вид у лесничего был потрепанный и растерянный, и стал еще более растерянным, когда он увидел, что класса Слизерина на уроке нет. Саша даже ощутил что–то, похожее на сочувствие: Хагрид волновался за Клювокрыла, опасался, как бы на уроках больше не случалось неприятных инцидентов — и из–за этого не показывал больше опасных зверей. Уже месяц студенты таскались на уроках по Уходу с флоббер–червями и Саша предложил бы переименовать этот предмет в «Уход за флоббер–червями», но подавленный вид преподавателя не располагал к шуточкам. А теперь Слизерин еще и вздумал сорвать урок.

— Все в порядке? — спросил Рон, подойдя к Хагриду.

— Да, конечно, — удрученно кивнул лесничий и махнул в сторону хижины. Студенты пожали плечами и пошли туда, разбирать своих червей.

— Профессор, он какой–то вялый, — сообщила Лаванда, извлекая своего подопечного из ящика.

— Попробуй покормить его салатом, — предложил Невилл, который уже извлек на свет своего питомца и теперь пытался засунуть ему в рот лист салата.

— Невилл, это, кажется, хвост, — хихикнула Парвати. Невилл

хохотнул и попробовал запихнуть лист салата с другой стороны. Это не возымело успеха, существо было безразлично к салату.

— Куда это слизеринцы запропастились? — спросил Хагрид, остановившись возле Рона и Саши.

— Наверное, не захотели ползти по такой погоде в замок. Боятся измараться, — предположил Рон.

— Так и знал, что преподаватель из меня никудышный, — вздохнул Хагрид. — Попробовали к кому другому вот так не прийти всем классом.

— Нормальный ты преподаватель, — ободряюще улыбнулся Рон, и вдруг неподалеку раздался всхлип.

— Лаванда, ты чего это? — заспешил к ней Хагрид.

— Профессор, он… Он… Ему, кажется, плохо, — прошептала Лаванда, указывая на своего червя. С ним и впрямь происходило что–то странное. Он завалился на бок и бил хвостом по земле, вздымая в воздух брызги грязи. Лаванда присела перед ним на корточки, и ее лицо моментально покрылось точечками от брызг, но она, казалось, не обращала на это ни малейшего внимания.

— Червячок, миленький, ну пожалуйста, — прохныкала она, поглаживая без тени брезгливости слизкий бок флоббер–червя. Парвати попробовала оттащить подругу, но Лаванда не желала двигаться. Червь сделал еще три удара хвостом и уронил хвост на землю. Браун взвыла от огорчения.

— Эй, успокойся, — Саша решительным шагом подошел к ней, взял за плечи, поднял на ноги и потряс, заставляя смотреть в глаза. — Прекрати. Это всего лишь червяк.

— Червяк, за которым я должна была ухаживать, — всхлипнула Лаванда. — Его поручили мне, и он… Он, — она не договорила и расплакалась навзрыд, размазывая брызги грязи по личику. — Сначала Пушистик, теперь червяк! Что я за человек такой?

— Хагрид, я отведу ее в Больничное крыло. У мадам Помфри прекрасная успокаивающая микстура, — не дожидаясь разрешения, Саша взял Лаванду за руку и потащил ее прочь от опушки леса.

— Почему это происходит со мной, Гарри, почему? — выла Браун, пока Саша месил ногами грязь. Она брела очень медленно, иногда останавливаясь, вырывая у Саши свою руку и порываясь вернуться к хижине.

— Я не собираюсь переть тебя на своем горбу, — раздраженно процедил Саша после пятой такой остановки. — Я понимаю, у тебя стресс, но будь ты человеком, избавь меня от этого нытья.

— Сначала Пушистик, теперь червь, — повторяла она как

заведенная, не слыша ни слова из того, что говорил ей Саша.

— Так, слушай сюда, — Саша резко остановился, повернулся к Лаванде и поднял пальцем ее подбородок, чтобы она не могла избежать прямого взгляда в глаза. — Ты ни в чем не виновата. Пушистика не стало, когда ты была в школе. Твоей вины в этом нет, ты не могла его защитить, будучи за сотни миль от дома. Червя ты исправно кормила и выгуливала. Может ты и не заметила, но они все какие–то полудохлые. Если внимательно прочитаешь про них параграф в учебнике, то поймешь, что эти создания вообще живучестью не отличаются. Разводят их чисто ради слизи. Как думаешь, сколько ее собрала мадам Помфри с такого прекрасного экземпляра как у тебя? Мне кажется, что предостаточно. А теперь перестань меня раздражать своим нытьем и топай в замок пока я добрый.

— Ты очень злой, Гарри, и говоришь злые вещи, — Лаванда шмыгнула красным опухшим носом.

— Я говорю правду, дорогая моя, и я не питаю надежд, что правда кому–то понравится. А так — да, я очень злой. Рон в сотню раз добрее, но у него и мысли не возникло о больничном крыле. Доходит?

— Наверное, нам нужно вернуться, — прохныкала Лаванда. — У Хагрида умирают его червячки и нам надо его поддержать.

Саша раздраженно то ли рыкнул, то ли откашлялся, поднял Браун с земли, перекинул ее через плечо и зашагал к замку.

— Что у вас всех за патологическое стремление всюду лезть? Вы дураки или притворяетесь? — ворчал Саша. — Куда ты сейчас попрешься? И так ревешь, а если червяки начнут дохнуть пачками, ты там рядом с ними в обморок и хлопнешься. Браун, оставь свой гриффиндорский героизм и включи здравый эгоизм. Тебе еще как–то день пережить, а ты только и можешь, что реветь из–за червя да трястись как осиновый лист.

Лаванда — за что Саша был ей безмерно благодарен — не сопротивлялась и не спорила. Она не пыталась ни вырываться, ни убежать, напротив — она повисла на его плече кулем и только всхлипывала.

— Опять дементоры? — всплеснула руками мадам Помфри, когда Саша ввалился в Больничное крыло, сгрузил Лаванду на ближайшую кровать и развернулся к выходу.

— Просто у нее нервное потрясение, вот и все. Никаких дементоров, — бросил он через плечо.

— Стоять, Поттер, объясните нормально. Вы что, забрали ее с урока в таком состоянии? — вскинулась мадам Помфри. — На каком уроке с девочкой такое случилось?

— У профессора Хагрида, — подала голос Лаванда.

— Опять гиппогрифы или еще что похуже! — возмутилась мадам Помфри.

— Что вы, — замахал руками Саша, — всего лишь флоббер–черви!

«Не хватало еще, чтобы из–за этой припадочной у Хагрида проблем добавилось. И так уже погряз по уши», — подумал он, но вслух, разумеется, ничего не сказал.

— Но ведь флоббер–черви безобидные, — мадам Помфри в растерянности замерла у кровати Лаванды и недоуменно уставилась на Сашу.

— Червячок! — взвыла Лаванда и снова залилась слезами — Червячок умер! Я недоглядела за ним. Профессор Хагрид не виноват, не жалуйтесь на него, пожалуйста!

— Конечно–конечно, дорогая, — мадам Помфри заботливо погладила Лаванду по руке и налила в стакан Успокаивающей микстуры. — Можете быть свободны, Поттер.

— Благодарю, — буркнул Саша и вышел из Больничного крыла. На урок возвращаться не было никакого желания. Несмотря на то, что в замке сквозило из всех щелей, в нем было намного комфортнее, чем на опушке леса.

— Поттер, — окликнули Сашу, когда он спускался вниз, к выходу из замка.

— Добрый день, профессор Снейп, — Саша повернулся и посмотрел на Снейпа в упор.

— Почему не на уроке? — Снейп буравил его взглядом, и Саша счел уместным сказать истинную правду.

— Лаванде стало плохо и я отводил ее в Больничное крыло. Сейчас вернусь на урок. К слову, вашего факультета нет на занятии по Уходу за магическими существами. Вы не знаете, с чем это связано?

— С чем это связано, Поттер, вы сейчас и сами узнаете, — холодно проговорил Снейп. — Профессор Дамблдор ждет вас у себя в кабинете.

Саша смерил Снейпа подозрительным взглядом и побрел в Башню директора.

Горгулья была отставлена в сторону — Сашу, очевидно, ждали. Поднимаясь по винтовой лестнице, он услышал голоса директора и Драко Малфоя, а также еще один голос — знакомый и не предвещавший ничего хорошего.

— Добрый день, — Саша открыл дверь и подчеркнуто вежливо кивнул Люциусу Малфою.

— А, мистер Поттер, — холодно проговорил Малфой–старший. — Вас–то мы и ждали. Итак, Дамблдор, вы уверены, что

мальчик не совершал ничего дурного? Противозаконного? Я не вижу других причин, по которым дементоры питали бы к нему такой интерес.

— Нет, Люциус, — улыбнулся Дамблдор и подмигнул Саше поверх очков. — Я уверен в этом так же, как и в том, что вы стоите сейчас в моем кабинете.

— Слишком долго этот кабинет был вашим, — покачал головой Люциус. — Студенты боятся мистер Поттера. Профессор Снейп говорит, что весь его класс отказался идти на совместный урок с Гриффиндором только лишь потому, что там учится Поттер.

— Да вы что, — не выдержал Саша. — А может, потому что они просто измываются над Хагридом? Вам такое в голову не приходило?

— О, еще и урок профессора Хагрида? — Люциус покачал головой. — Опасный громила, мальчик с криминальными наклонностями и дементоры неподалеку — уроки–то на улице проходят. Действительно, слишком опасное предложение.

— У меня нет криминальных наклонностей, — прошипел Саша.

— На него охотятся дементоры, — напомнил Драко. — Из–за него они набросились на меня на матче по квиддичу.

— Ага, перепутали, — фыркнул Саша, — да у тебя самого наклонности. Иначе дементоров бы к тебе не потянуло.

— Ложь и клевета, — вскричал Драко и попытался броситься к Саше, но Люциус вовремя положил руку ему на плечо. Драко сразу как–то сник и опустил голову.

— Профессор Дамблдор, я думаю, чтобы окончательно оправдать мистера Поттера, вы могли бы провести осмотр в гостиной его факультета и в его спальне.

— Обыск что ли? — возмутился Саша.

— Назовем это осмотром, мистер Поттер, — улыбнулся Малфой. — Если вам и вашим однокурсникам действительно нечего скрывать, то и бояться вам нечего.

— Мы соберем весь Гриффиндор только после уроков, — строго сказал Дамблдор. — Я не позволю нарушать учебную дисциплину. Хватит на сегодня и одного сорванного урока.

— Конечно, профессор, — мерзко улыбнулся Люциус и вышел из кабинета. Драко, видимо, хотел еще что–то сказать, но Саша показал ему кулак, и он поспешил вслед за отцом.

— Могу я идти, профессор? — спросил Саша, стараясь не смотреть Дамблдору в глаза.

— Все будет в порядке, мальчик мой. Я уверен в Гриффиндорцах. Вам нечего скрывать.

«Нечего, как же, — думал Саша, спускаясь к выходу из замка, — особенно если судить по тетради близнецов и их записям. Абсолютно ничего криминального, разумеется. Предупредить их что ли?»

С такими мыслями Саша вышел из замка и двинулся в сторону хижины Хагрида. Проходя мимо теплиц, он заметил в одной из них две рыжие макушки. «Вот и они, — подумал Саша. — Весьма кстати».

— Простите, мадам Стебль, — Саша приоткрыл дверь теплицы и посмотрел на преподавательницу самым невинным взглядом, — профессор МакГонагалл хочет срочно поговорить с Фредом Уизли. Можно я его заберу?

— Да, конечно, — кивнула мадам Стебль, и с ее шляпы в цветочный горшок, стоявший перед ней, упал внушительный комок земли. — Мистер Уизли, не забудьте вернуться на урок.

Фред кивнул и быстро вышел из теплицы.

— Что она хочет?

— Кто?

— МакГонагалл, конечно. О чем она хочет со мной поговорить? В этом месяце мы вели себя как мышки, — удивленно проговорил Фред.

— Да не она, а я с тобой хочу переговорить, — ответил Саша, и ответом ему стал облегченный вздох. — В школу приехал Люциус Малфой. Он пытается убедить директора, что я малолетний уголовник и поэтому мной заинтересовались дементоры. Из–за этих его подозрений вечером будет осмотр башни. Просто поверь, если тебе есть, что спрятать — сейчас самое время.

Фред ахнул и бегом бросился в замок. Саша еле за ним успевал.

— У нас есть пара коробок, которые никому лучше не видеть, — на ходу пояснял Фред. — И пара пергаментов весьма щекотливого свойства. Я не представляю, как мы будем это нести, а главное — куда, но это надо вынести из башни.

— Есть у меня одно помещеньице, — загадочно улыбнулся Саша, — да и можно накрыть коробки мантией–невидимкой, чтоб никто не видел, как мы их несем.

— Прекрасно, — в глазах Фреда зажглась шальная искорка.

В комнате братьев Уизли царил бардак. Саша рассматривал комнату, а Фред сметал с горизонтальных поверхностей банки, склянки, колбы, пробирки, пакеты, упаковки и листки в большую коробку.

— Чем–то интересным занимаетесь? — спросил Саша.

— Скажем так, экспериментальное зельеварение, —

подмигнул Фред.

— Вы же Снейпа ненавидите, — недоуменно воззрился на него Саша.

— Снейпа — да, а предмет — нет. Столько веселья можно устроить, когда знаешь, как правильно обращаться с котлом.

Саша кивнул и пожал плечами.

Спустя десять минут Фред уже накрывал коробку с вещами мантией–невидимкой, которую любезно принес Саша.

— Проверь, чтоб на нашем пути никого не было, — он бросил Саше какой–то пергамент.

— Прости, что? — переспросил Саша, глядя в абсолютно чистый лист.

— А, прости, забыл сказать, — Фред подошел к нему и навел палочку на карту. — Торжественно клянусь, что замышляю шалость и только шалость.

Саша не поверил своим глазам, когда на бумаге начали появляться кабинеты и коридоры Хогвартса.

— Быть того не может, — восхищенно выдохнул он.

— Сюда смотри, — указал Фред на точку с подписью «Аргус Филч», перемещавшуюся по Залу Почета.

— Тут же все, кто есть в замке, — Саша чуть не задохнулся от восторга, глядя на точку с подписью «Дамблдор», которая описывала ровные круги по директорскому кабинету.

— И в его окрестностях, — Фред с улыбкой ткнул пальцем в изображение опушке леса, где стояли точки всех Сашиных однокурсников. — Где там твое помещеньице?

— Тут недалеко, — улыбнулся Саша и посмотрел на коридор пятого этажа. — Все чисто, пошли.

Фред подхватил коробку и первым вышел из спальни. Саша проводил взглядом его точку на карте и почувствовал, что его прошиб холодный пот. Посреди спальни близнецов стояла маленькая точка, над которой значилось: «Александр Н.»

Часть III. Глава 13. О догадках и воспоминаниях

Как и следовало ожидать, осмотр башни Гриффиндора ничего не дал. Пока Дамблдор, МакГонагалл и Малфой–старший бродили по комнатам, весь факультет собрался в Общей Гостиной. Многие выглядели подавленными, видимо, переживая, как бы в их комнатах не обнаружили что–нибудь недозволенное. Саша пытался не смотреть на близнецов Уизли, но те сияли как пара новеньких галеонов, и привлекали этим внимание не только Саши, но и доброй половины собравшихся.

— Чего они так радуются? У них же у самих наверняка есть, что конфисковывать, — шепотом поинтересовался Рон. Саша в ответ только пожал плечами и мотнул головой.

— Безобразие, — проворчал какой–то четверокурсник. — Если мой дядя об этом узнает, он устроит скандал.

— Скандал, говоришь? — Саша оживился и подошел ближе к говорившему. Мозг его усиленно заработал. — Скандал бы нам не помешал. Как тебя там?

— Кормак, — бросил паренек.

— Кормак. Вот и прекрасно, — Саша пожал протянутую руку. — А скажи–ка мне, Кормак, что будет, если твой дядя узнает об этом обыске. Желательно в деталях.

— Да у Дамблдора будут такие проблемы, — начал Кормак, и Саша хмыкнул.

— А что, если я скажу тебе, Кормак, что обыск инициировал Малфой–старший, а Дамблдор был против, — вкрадчиво проговорил Саша.

— Малфой, — Кормак осклабился, — еще лучше. Слишком много стало этого Малфоя в последнее время. Дяде Тиберию это не нравится.

— Вот и я о том же, — коварно улыбнулся Саша. — А ведь его в прошлом году выдворили из Совета Попечителей. По какому же это праву он продолжает лезть в дела школы?

Кормак коротко ругнулся, лицо его вспыхнуло румянцем, и он умчался прочь из гостиной, подхватив сумку.

— С кем это ты разговаривал? — подозрительно прищурился Рон, когда Саша вернулся на место.

— Да так, неважно, — Саша не улыбался, но сиял так, что даже Фред с Джорджем на пару не могли составить ему конкуренцию. Оставалось только надеяться, что слова Кормака имеют подоплеку, и он действительно сын какого–то

влиятельного штриха, а не просто записное трепло.

— Ничего себе неважно, — вздохнул Рон, — это ж МакЛагген. У него дядя вроде с Главой Мракоборческого центра на короткой ноге. Хотя, ты же герой, для тебя это могут быть и мелочи.

Рон снова тяжело вздохнул и отвернулся.

— При чем тут это? — спросил Саша, но его вопрос остался пустым сотрясанием воздуха.

Минут через двадцать по лестницам спустились МакГонагалл, Дамблдор и Малфой–старший. Судя по раздраженному виду Малфоя, а также по лукавой улыбке Дамблдора и горделиво вздернутому подбородку МакГонагалл, в башне было кристально чисто.

— Я не раз говорил Министру, мистер Малфой, что не поддерживаю идею об охране школы дементорами. Как видите, нападают они даже на невинных и чистых детей, коими являются мистер Поттер и ваш Драко, разумеется. Я вынужден буду отписать Министру, чтобы он применил какие–нибудь другие меры по поимке Блэка.

— Я и сам могу с ним поговорить, — процедил сквозь зубы Малфой–старший и вышел из гостиной, бросив напоследок злобный взгляд на Сашу.

Студенты потихоньку расходились по спальням, и Фред с Джорджем тоже направились было к лестнице, но были остановлены профессором МакГонагалл.

— Я приятно удивлена, Уизли, — сказала она, слегка улыбаясь, — я думала, в вашей комнате у нас возникнут проблемы, но, признаюсь, такой чистоты и порядка я не видела ни у кого из мальчиков.

— Спасибо, профессор, — Фред и Джордж улыбнулись и даже слегка смутились. Впрочем, стоило МакГонагалл выйти из гостиной, как они звонко хлопнули ладонями в воздухе и повернулись к Саше.

— Гарри, мы твои должники, — сообщил Фред.

— Поэтому, если тебе что–либо понадобится, — продолжил Джордж.

— Или кто–либо, — вклинился Фред.

— Просто дай нам знать, — хором закончили они.

— Ребят, да мне тут карта ваша приглянулась, — тихо проговорил Саша, стараясь выглядеть как можно более непринужденно. В карте он видел большую опасность для себя. Прожив тринадцать лет в чужом теле — а последние три еще и в волшебном мире — Саша четко понимал, что должен сохранять секретность. И если Дамблдору он и открылся, то остальным вовсе необязательно было знать, что на самом деле он — не Гарри

Поттер. А теперь, когда он убедился в отсутствии логики у большинства обитателей замка, можно было смело предположить, что раскрой Саша свою истинную сущность, его тут же объявят злым духом и попытаются сжечь. И то, что он не сгорит, только подтвердит их догадки. В общем, карта представляла опасность, покуда она находилась в руках близнецов. Хотя они, вроде бы, не были склонны к досужим разговорам, Саша не мог точно знать, что они не проговорятся кому–нибудь менее сдержанному.

— Карта? — переспросили близнецы.

— Да, — Саша не мог понять, расстроены Уизли его заявлением или же обрадованы. — Отдаете мне карту, и никаких долгов.

— Да на здоровье, — Фред протянул Саше пергамент. — Как заставить карту проявиться, ты помнишь. А чтобы стереть — скажи просто: «Шалость удалась».

— Прекрасно. Спасибо, ребят, — Саша убрал пергамент в карман и пожал руки близнецам.

***

Дни потекли своим чередом. Саша не особо интересовался, что там МакЛагген и его дядюшка решили с Малфоями, как продвигается дело с Клювокрылом, да и вообще, по сути, особо ничем не интересовался. Он даже не подошел к Люпину, чтобы напроситься на дополнительные уроки. Со Снейпом их общение закончилось: придя на следующее дополнительное занятие, Саша обнаружил наглухо запертую дверь. Постояв под ней минут десять и бестолково подергав ручку, он ушел, одновременно и обрадовавшись и огорчившись такому повороту. В принципе, теперь у него было больше свободного времени, которое можно было потратить на тренировки — Вуд уже готов был съесть его живьем. С другой стороны, из–за дополнительных занятий Саша был на уроках Зельеварения на особых правах. Снейп его не спрашивал и, казалось, вообще не замечал. И вот теперь, когда Снейп по необъяснимой причине прекратил занятия, Саша не знал, будет ли и дальше профессор так к нему относится, или же возьмется за него по полной программе на уроках. Филонить Саша, конечно, не собирался, но он уже так привык к такому положению вещей, что даже как–то грустно было что–то менять.

Впрочем, МакЛагген подошел к нему сам в последнюю неделю семестра. Все получилось почти так, как Саша и рассчитывал: дядя Кормака слегка макнул Люциуса в грязь, напомнив, что тот не является членом Совета Попечителей, долго и пространно говорил о недопустимости подобных инцидентов — а Кормак это долго и пространно пересказывал Саше.

— Так что решили?

— Решили, что Малфой неправ, — пожал плечами Кормак.

— Да это и без тебя ясно, — Саша чуть не сплюнул от досады. — А конкретика? Конкретика где?

— Нигде, — вздохнул МакЛагген. — Малфою напомнили, чтоб он не лез в дела школы, но дело касательно гиппогрифа не остановили. Он ведь выступает там как отец.

— Да? Ну ладно, и на том спасибо, — Саша пожал Кормаку руку и побрел на занятие по нумерологии.

— Не за что, — крикнул ему вслед МакЛагген, и Саша даже был с ним согласен. Благодарить тут действительно было не за что, все осталось на своих местах. Ну, разве что Малфою–старшему слегка прижали хвост и напомнили, что он не всевластен.

Рон уже оставил свои попытки уговорить Сашу на Рождественскую вылазку в Хогсмид. В принципе, Саша раздумывал над подарками дражайшим родственничкам, но если выбирать между сохранностью души и капризами Дадли, он выбирал сохранность души. Впрочем, близнецы любезно согласились купить и отправить все необходимое, так что за договоренности с Дадли можно было быть спокойным. Тем более что у Саши еще были на дядю Вернона кое–какие планы, поэтому расположение братца было бы весьма и весьма кстати.

Кто и радовался тому, что Саша не идет в Хогсмид, так это Джинни. Она переспрашивала каждый день, не изменил ли он свое решение, и неизменно улыбалась, когда слышала, что решение остается в силе.

— Нет, Джинни, я не передумал, я останусь в замке и мы пойдем к Хагриду пить чай, — выпалил Саша, когда Джинни за завтраком позвала его. Это было как раз накануне похода в Хогсмид, и передумывать было уже поздно.

— Прости, Гарри, я просто хотела попросить банку с джемом, — Джинни покраснела и заехала локтем в блюдо с блинами.

— На здоровье, — улыбнулся Саша, — и джем я тебе передам, и к Хагриду сходим. Ты, главное, не нервничай. Нормальненько все.

— Ты какой–то странный, — Гермиона подозрительно прищурилась и посмотрела на Сашу. — Слишком добрый.

— Грейнджер, вот что ты за человек? — вздохнул тот. — Никогда тебя ничего не устраивает. То я слишком добрый, то я слишком злой. Ты определилась бы уже.

Гермиона фыркнула и отвернулась.

— Нет, Грейнджер, серьезно, — Саша почти силой развернул ее к себе. — От всех не отфыркаешься. Вот, Рон с тобой уже не

разговаривает. Теперь на меня решила фыркнуть.

— Рону нужно внимательнее следить за своим животным, — назидательно произнесла Гермиона.

— Ой, да кто бы говорил, — моментально вскинулся Рон, — кто мне обещал, что этот монстр будет закрыт в комнате?

— Глотику скучно сидеть в комнате целыми днями!

— Зато Коросте очень весело постоянно от него убегать и прятаться!

— А вам не надоело? — вклинился между ними Саша. — Постоянно грызетесь.

— Пусть она закроет кота, — Рон ткнул в Гермиону пальцем.

— Пусть он сам следит за своей крысой, — парировала уязвленная Гермиона.

— Так, Рон, если твоих навыков не хватает, я сам трансфигурирую тебе клетку для крыски. Гермиона, у тебя вообще есть для кота достаточно просторная корзина. Кинь туда пару игрушек, и проблема решена.

— Зачем было вообще брать этого кота, — проворчал Рон.

— Зачем было вообще брать эту крысу? — ответила Гермиона.

— Она досталась мне от брата! — вспыхнул Рон, отшвырнул вилку и встал из–за стола.

— Молодец, Грейнджер, — протянул Саша, — наступила ему на главную мозоль — и довольна.

Гермиона фыркнула и встала из–за стола.

— Приятного аппетита, — бросила она таким тоном, что если бы ее пожелание сбылось, Саша бы уже подавился каким–нибудь особенно крупным куском и задыхался бы на полу в Большом Зале.

— Какие все нервные, — резюмировала Джинни, провожая Гермиону взглядом.

— Да вообще, — кивнул Саша. — Как у тебя там с учебой? Как семестр закончила?

Джинни звонко рассмеялась.

— Гарри, ну ты и спросил. Как будто это не ты проверял мои сочинения по трансфигурации!

Саша вздохнул и кивнул.

— Прости, совсем замотался.

Он и впрямь чувствовал себя вымотанным до предела. Мало того, что подготовки к урокам не уменьшилось, а напротив — только увеличилось. Так еще и Оливер Вуд прознал о том, что Снейп прекратил дополнительные занятия, и теперь те часы, что Саша проводил бы в лаборатории зельеварения, он мотался над квиддичным полем, примерзая к верному «Нимбусу».

— Ты так и не поговорил со Снейпом? — спросила Джинни, слегка наклонив голову.

— Нет. Да что тут говорить? — Саша покосился в сторону преподавательского стола, где профессор зельеварения старался не смотреть в сторону Люпина — или хотя бы не смотреть со столь явным пренебрежением. — Он по необъяснимым причинам прекратил наши уроки, а нарываться на грубости и зарабатывать штрафные баллы я как–то не горю желанием.

— А на уроках он тебя не задевает?

— Нет. Он, похоже, вообще решил делать вид, что меня не существует. Это тяжеловато, потому что я постоянно пытаюсь что–то у него уточнить.

Джинни хихикнула и уткнулась в свою тарелку.

***

Саша и Джинни стояли на крыльце и махали уходящей в Хогсмид колонне студентов. Если бы у Саши спросили, жалеет ли он о том, что не пошел в волшебную деревню, он бы не думал над ответом. Конечно, сладости и всяческие развлечения были достаточно привлекательны, но в дополнение к ним шли препирательства Рона и Гермионы, а они Саше уже порядком поднадоели. Зато Джинни его не раздражала, наоборот — она внимательно его слушала, и даже если была с ним в чем–то несогласна, не пускалась в нравоучения, а спокойно продолжала беседу. Чего греха таить, Саше было комфортно с ней общаться, хотя он прекрасно понимал, что за этим общением стоит.

— Ну что, к Хагриду? — спросил Саша, и Джинни кивнула.

В хижине у лесничего их уже ждал горячий чай. Раскрасневшиеся с мороза, с волосами, припорошенными снежком, Саша и Джинни отогревали руки чашками, напоминавшими небольшие ведра, размачивали кексы и болтали обо всем и ни о чем сразу.

— Как там с Клювокрылом? — вскользь поинтересовался Саша.

— Пока тихо, — Хагрид сразу как–то осунулся и погрустнел.

— Не парься. Победим мы их. Малфой решил подключить папашку — молодец. Но у меня–то тоже родственнички есть. И надо сказать, весьма дотошные родственнички.

— Ты про магглов своих что ли? Думаешь, сможешь их уговорить?

— Думаю, смогу, — Саша хитро прищурился и посмотрел куда–то за окно, на заснеженные верхушки деревьев.

Спустя полчаса Джинни вспомнила, что не вернула в библиотеку книгу, и они засобирались в замок.

— Да я и сам хотел уходить, — признался Хагрид, —

пропустить кружечку–другую в Хогсмиде. Говорят, министр сегодня там будет.

— Ты его если увидишь, скажи, чтоб с Блэком уже разобрались и убрали этих жутких дементоров, — попросила Джинни.

— Кстати о Блэке, — Хагрид как–то резко погрустнел, почти так же, как когда Саша спросил про Клювокрыла. — Уж не знаю, Гарри, говорили тебе или нет, я молчать не могу. Ты ж, горемычный, правды–то и не знаешь. Этот Блэк — крестный твой.

«Прости, Хагрид, но знаю», — подумал Саша, но вслух ничего не сказал, а только изобразил удивление и даже попытался изобразить страх, но не был уверен, что у него получилось. Зато Джинни удивление со страхом изобразила просто на «Превосходно».

— Гарри, какой ужас!

— Вот никто тебе не хотел говорить, боятся, что ты его искать будешь. А он–то, Блэк–то, опасный шибко.

— Не буду я его искать, говори, — отрезал Саша, понимая, что подбирается к последнему кусочку этого паззла.

— А то, что Блэк был хранителем тайны у твоих мамы с папой. Он–то и сдал Лили с Джеймсом Тому — Кого-Нельзя — Называть.

— Волдеморту, я понял. Еще скажи, что чистосердечное написал и его за это посадили, — Саша скрестил руки на груди.

— Нет, посадили его за убийство. Он ведь маггл перебил — видимо–невидимо!

— То ли двенадцать, то ли тринадцать человек, — вклинилась Джинни.

— Да, и своего лучшего друга, Питера Петтигрю, — продолжал Хагрид. — Они ж все вместе и дружили.

— Я понял, — Саша сделал вид, что ему резко перестала быть интересной эта тема, хотя на самом деле он узнал то, что ему необходимо, а пристрастные оценки публики его не слишком интересовали. В конце концов, детали он мог прочитать и в подшивках старых газет. И то, что Джинни забыла сдать книгу, было очень кстати.

В башню Гриффиндора они вернулись только к вечеру, и тут же налетели на Рона с Гермионой.

— Вы где были? — раскричался Рон, не дав Саше даже опомниться.

— Господи, чего так кричать? В библиотеке мы были, в библиотеке. Не веришь — иди спроси у мадам Пинс.

Рон поморщился, но замолчал. Зато Гермиона явно воодушевилась.

— И что там интересного? Что читали?

— Старые газеты, — простодушно ответила Джинни. — Искали статьи про преступления Сириуса Блэка.

— Это еще зачем? — возмутился Рон.

— Да так, интересно стало, — быстро сказал Саша и покосился на Джинни, покачав головой. Она кивнула и сжала губы, показывая тем самым, что будет молчать.

— Просто интересно стало? — подозрительно прищурился Рон.

— Да так, Хагрид обмолвился, но у него было мало времени, вот и решили сами почитать, — пояснил Саша таким тоном, что Рону разом расхотелось с ним спорить.

— Да ну просто зачем бы тебе это, — пожал он плечами и побрел в спальню. Вслед за Роном разбрелись и остальные, уставшие после длительной прогулки по морозу. Гостиная опустела, и Саша остался у камина совсем один — если, конечно, не считать Джинни, которая стояла за спинкой его кресла.

— Гарри, мне так неловко, — тихо проговорила она. — Я влезла в твои семейные дела, и…

— Джинни, прекращай, — добродушно улыбнулся Саша, — в конце концов, вместе влезли. Тем более ты мне не чужой человек.

Саша искренне постарался не расхохотаться, когда увидел, что Джинни от этих слов покраснела до корней волос.

— Знаешь, спокойной ночи, Гарри, — быстро проговорила она и бросилась к лестнице, ведущей в спальню девочек. Теперь Саша точно остался совершенно один.

«Итак, что мы имеем, — обратился Саша сам к себе, сцепив руки в замок. — Все газеты того времени утверждают, что Блэк убийца. Якобы он смертельным заклятием перебил гору народу и одного своего давнего друга. Кроме того, есть мнение, что это Блэк сдал Лили и Джеймса. А вот тут нестыковочка. Помнится, был у Джеймса разговорчик с Дамблдором. И разговорчик был как раз про Питера Петтигрю», — пораженный собственной догадкой, Саша уставился в камин невидящим взглядом. В его мозгу крутились воспоминания двенадцатилетней давности. Он совершенно точно помнил Петтигрю — трусливого, скользкого человечка, единственного, кто не взял маленького Сашу на руки. Единственного из всех, кто был вхож в дом Поттеров. «Знал он сразу, или решил предать нас уже позже? Он знал. Конечно, он знал. Он не хотел привязываться, чтобы не струсить. Чтобы не спасовать и не подставиться самому. Вот почему Сириус его убил. И жаль что убил. Я бы сам был не против подержаться за горло этой с*ки».

Саша сам не заметил, как задремал в кресле у камина.

Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.1

Саша и не понял, как умудрился задремать. В ту ночь ему снился сначала Блэк, еще молодой и веселый, подбрасывающий его, Сашу, в воздух, затем та ночь, когда в дом Поттеров пришел Волдеморт. Уже совсем под утро приснился короткий визит Питера — единственный на Сашиной памяти. От этого сна Саша очнулся, как от ведра холодной воды, пытаясь прогнать из памяти трясущегося человечка посреди гостиной Поттеров, и то, как ласково Лили называла его Хвостиком. Как заботливо она предлагала чай тому, кто уже, судя по всему, готовился предать и ее, и ее семью. Трясся он от той новости, что принес — Саша смутно помнил, но в тот день, кажется, кого–то убили — то ли от понимания, что эти люди, его друзья и соратники, обречены на гибель, что он своим предательством сам должен подписать им приговор.

«Понять бы только, когда», — проворчал Саша, встал и побрел наверх, в свою комнату, и лучи рассветного солнца, отраженные от снега, больно резали глаза через линзы очков.

Первый день Рождественских каникул Саша решил провести в блаженном бездействии. Он почти до обеда провалялся в кровати, после чего все же сполз в общую гостиную. Он, конечно, и не рассчитывал, что ему что–то подарят, и поэтому был немало удивлен, обнаружив конверт со своим именем. В конверте нашлась рождественская открытка от Дадли лично, что вогнало Сашу в еще больший ступор. Впрочем, особо душевных поздравлений там не было, коротенькое «С праздником» было первым и последним, что относилось к Саше непосредственно. Впрочем, к чести Дадли, тот не поленился расписать подробно, что из угощений ему понравилось и что присылать в следующий раз.

— А братец–то от скромности точно не помрет, — резюмировал Саша, дочитав до конца послание Дадли, которое, по сути, сводилось к просьбе присылать всего и побольше. По крайней мере, Саша был точно уверен, что сладости волшебного мира Дадли пришлись по вкусу, а коль скоро он был единственной ниточкой юного Дурсля к волшебному миру, то это значило одно: Дадли можно было подкупить. Вопрос был только в цене.

В гостиной кроме Саши, Рона и Гермионы никого и не было. Все разъехались на Рождество по домам. Джинни пять раз меняла

решение, постоянно переспрашивая у Саши, ехать ей или оставаться, и в итоге все же решила уехать — предварительно изведя Сашу вопросами, не обидится ли он. Он не то что был не против — он ощущал прекрасное фиолетовое чувство по поводу отъезда Джинни, и только такт и обходительность мешали признаться ей в этом напрямую. Так что приходилось кивать, пожимать плечами и отделываться общими фразами, вроде: «Как хочешь», или: «Как посчитаешь нужным», а то и вовсе: «Решай сама, я тебе не указ». В конце концов, Джинни все же уехала.

— А давайте сходим к Хагриду, — предложил Рон, когда Саша закончил разбирать свои подарки.

— Гарри нельзя выходить из замка! Где–то рядом бродит Блэк! Он может напасть на него! — мигом вскинулась Гермиона.

— А кто говорил, что я собирался выходить из замка? — искренне удивился Саша. — Да и у Хагрида я вчера был. Идите без меня.

— Как это — «Вчера был»? — возмутилась Гермиона. — Ты же говорил, что вы в библиотеку ходили.

— Ну да. Сначала заглянули к Хагриду, потом он засобирался в Хогсмид, а мы пошли в библиотеку. И не надо так удивляться, птичка, — Саша ухмыльнулся, — ты вчера сама слышала, что я рассказывал о наших с Хагридом разговорах. Или твоя догадливость на сей раз тебя подвела?

Гермиона густо покраснела и как–то стушевалась.

— Так ты не пойдешь?

— Нет. Идите вдвоем. А я поваляюсь тут на диванчике у камина, подумаю о вечном.

Рон с Гермионой переглянулись, пожали плечами и ушли, оставив Сашу одного в теплой и тихой гостиной, у камина, в котором весело плясало пламя и потрескивали поленья. В ту минуту Саше не хотелось думать абсолютно ни о чем. Ни о Блэке, которого — он был в этом нечеловечески уверен — осудили несправедливо, ни о дементорах, которые где–то там за окном нарезали круги вокруг территории школы, ни о Дурслях и их заморочках, ни о каких предметах. Саше просто хотелось хоть раз в году побыть обычным, самым обычным человеком, который не путешествовал между мирами и не вселялся в чужие тела, не беседовал с бородатыми волшебниками и не боролся с призрачными злодеями. Просто блаженно закинуть ноги на спинку дивана, свесить голову вниз и слушать, как трещит горящее дерево, чувствовать волны жара, идущего от камина, на своем лице. По сути, он не так–то и много хотел.

Впрочем, мысли из головы его никуда не делись. Он снова и снова прокручивал в голове тот визит Питера, разговоры с

Дамблдором по поводу Хранителя — здесь Саша сделал мысленную пометку, что надо бы разобраться, о каких Хранителях шла речь. Если вчера ему казалось, что вся картина лежит перед ним как на ладони, то каждая новая мысль, каждый новый вопрос вытирали линию за линией, пока Саша не осознал, что перед ним, фактически, чистый лист. И на этом чистом листе Саше предстояло вновь выстраивать картину событий двенадцатилетней давности.

— Итак, — сказал он самому себе, — Питер совершенно точно знал, что Поттеры обречены. Похоже, что да. Меня он на руки взять не захотел не потому что побоялся, что навредит ребенку, а потому что боялся привязаться и пойти на попятный. Пока что похоже на правду.

Неподалеку раздался негодующий писк. Саша повернул голову, и увидел, что у камина скребет мятый кусок пергамента Ронова крыса, Короста. Быстрым движением Саша поймал зверька, поднял его в воздух и принялся рассуждать дальше.

— Итак, Питер прекрасно все знал. Но, дорогая моя крыска, это только первый слой пирога.

Крыска пискнула, но Саша держал мохнатого собеседника мертвой хваткой.

— А дальше у нас добрый крестный, Сириус Блэк, который, очевидно, желал своим кумовьям только лучшего. Что он там говорил? «Джеймс мне как брат», — так он сказал тогда. Да, дружочек, как брат. Но Сириус согласился передать тайну Питеру, маленькому скользкому засранцу, который спалил всю контору. И когда это открылось, Сириус пошел и грохнул Питера. И правильно грохнул.

Короста, видимо, была так удивлена хладнокровностью этого вывода, что даже пищать забыла.

— Нет, ну а что? Не грохнул бы Сириус, грохнул бы я. Разницы никакой. И Сириуса посадили. Это второй слой пирога. А вот под ним начинается интересное. Почему Питер? Там еще Люпин гулял, могли они Люпину поручить эту тайну? Могли. А почему не поручили?

Саша недоуменно посмотрел на Коросту. Короста смотрела отвечала ему взаимностью. Видимо, Рон с ней вообще никогда не разговаривал, раз она так выпучила глаза.

— А потому что так посоветовал Дамблдор, — протянул Саша. — Старый жук решил сыграть на эффекте неожиданности и прогадал. Или он тоже знал, что Питер предаст? Знал Дамблдор, что Питер предатель, или нет? Знал или нет?

Саша поднялся на ноги, машинально сунул крысу в карман мантии и вышел из башни.

— Мой юный друг, какой сюрприз, — Дамблдор встретил Сашу с улыбкой. — Лимонную дольку? Лакрицу? Имбирное печенье?

— Предпочту ответ на вопрос, — Саша сел в кресло, машинально перебирая в кармане шерсть Коросты.

— Спрашивайте, мой юный друг, — Дамблдор сел за стол и посмотрел на Сашу поверх очков.

— Профессор, насколько я помню, вы отсоветовали Джеймсу брать Сириуса в Хранители. Почему?

— Мальчик мой, постоянно забываю, что вы все помните, — вздохнул Дамблдор и сцепил длинные тонкие пальцы в замок.

«Да, помню, — мысленно ответил ему Саша, — и поэтому мне намного сложнее напарить фигни». Но вслух он, конечно же, сказал совершенно другое.

— Так почему же?

— Мой юный друг, Блэки были достаточно ненадежным семейством и, к сожалению, Сириус, который сначала показался нам достойным доверия, оказался таким же, как и вся его семья. Жаль только, что это понимание досталось нам ценой жизней Лили и Джеймса…

— Профессор, я прекрасно помню, как вы советовали в Хранители некоторого Питера. Значит, предатель он. И вы это знали. Не нужно отпираться, вы прекрасно знали это.

— Ты не допускаешь, что Сириус успел продать вас Лорду раньше, чем мы поменяли Хранителя?

— Нет. Лорд был настроен решительно, он сознательно шел убивать меня. Думаю, он не стал бы ждать Хэллоуина, чтобы привести свой план в исполнение. Он примчался бы, как только Хранитель обмолвился о тайне. Значит, продал–то нас не Сириус, а Питер. Тогда почему Сириуса осудили? Почему не осудили Питера?

— Сириуса осудили не за предательство, а за убийство Питера и тех магглов, что случайно попали ему под руку.

— Послушайте, профессор, — Саша посильнее сжал в кармане шерстку Коросты, стараясь не нервничать сильно и не нагрубить профессору, хотя и очень хотелось, — все считают, что предатель Сириус. Вы ведь даже не оправдали его в глазах остальных!

Вы виделись с ним перед судом? Говорили с ним? Должны быть какие–то объяснения.

— Сириус, — Дамблдор понурил голову, — Сириус сошел с ума от горя. Он убил тринадцать человек и даже не попытался скрыться. Мы нашли его в практически невменяемом состоянии на том же месте, где он и совершил преступление.

— И вы даже не попытались его вытащить? — негодующе воскликнул Саша. — Вы ведь могли!

— К сожалению, не попытался, — признал Дамблдор.

— Значит, попытаетесь, — выпалил Саша. — Нам нужно добиться пересмотра его дела. Я не верю, что мой крестный — предатель и убийца. Нужно его выслушать. Нужно найти свидетелей.

— Уже слишком поздно, друг мой, — вздохнул профессор.

— Никогда не поздно, — поморщился Саша. — И что бы там про меня ни подумали, я считаю, что Петтигрю получил по заслугам.

— Петтигрю посмертно получил Орден Мерлина Первой степени.

— За предательство не положены ордена, — процедил Саша. — Я ведь все равно докопаюсь до правды, с вашей помощью или без нее.

— Я понимаю. Я понял это в тот день, когда ты появился на пороге моего кабинета.

Александр уже дошел было до двери, но вдруг его осенила еще одна мысль, и он повернулся к Дамблдору.

— Профессор, у меня сложилось ощущение, что все происходящее — это части какого–то вашего плана. Я не знаю, так ли это, я не знаю, какие цели этот план преследует, но я уже понял, что в нем слишком много крови. И, поверьте, я не допущу, чтобы крови стало еще больше.

— Если у меня и есть какой–то план, так это план поражения Волдеморта. Ты же не думаешь, что это плохой план?

— План хороший, а вот методы подкачали, — поморщился Саша. — Я хочу добиться того же, но меньшей кровью. Для начала добейтесь пересмотра дела Блэка, прошу вас. И помогите Хагриду с Клювокрылом, пожалуйста. Он безоговорочно верит вам, профессор, и если вам нужен этот человек, то спасением Клювокрыла, вы еще сильнее привяжете Хагрида к себе. Даже если и нет никакого плана, все равно. Хагрид очень тепло о вас отзывается.

— Я делаю все, что в моих силах, — Дамблдор вздохнул и откусил кусочек от имбирного печенья.

— Тогда желаю вам удачи. И вы мне пожелайте.

— Удачи, друг мой, — улыбнулся Дамблдор, и Саша притворил за собой дверь.

«Итак, что мы имеем? — размышлял Саша по пути в башню. — А по сути и ничего. Сомневаюсь, что Дамблдор рискнет подать прошение на пересмотр дела. Интересно, могу ли его подать я? Наверное, нет. По поводу того, знал он или нет, что

Питер окажется предателем, тоже непонятно. Вот же хитрый жук, не говорит ни «да», ни «нет». Только время зря потратил».

В гостиной обнаружились Гермиона с Роном, которые уже вернулись от Хагрида и, судя по их виду, у них были не самые радостные новости.

— Что слышно? — спросил Саша.

— Ее кот сожрал–таки мою крысу, — выпалил Рон, красный от возмущения.

— Ничего подобного! Я его вообще в комнате закрыла, как ты и просил, — вспылила Гермиона.

— Значит, ты его закрыла уже после того, как он сожрал!

— Рон, осади, — хохотнул Саша, — никто твою крысу не жрал.

И он жестом фокусника извлек Коросту из кармана мантии.

— Гарри, но как? — удивился Рон.

— Да вот как–то так. Я тут отдыхал, а она ползала у камина. Я ее поймал, а потом захотел прогуляться по замку и машинально сунул в карман, — пожал плечами Саша. — А вообще, я серьезно говорил насчет клетки. Меньше проблем будет.

Рон проворчал что–то нечленораздельное, забрал у Саши крысу и потопал в комнату.

— Не обращай внимания, — поморщился Саша, повернувшись к Гермионе.

— Гарри, у нас есть проблемы посерьезнее, чем Рон и его крыса, — грустно проговорила Гермиона. — Мы были у Хагрида.

— И что там? — Саша плюхнулся в кресло и закинул ноги на подлокотник. — Его оправдали, я надеюсь?

— Его — да, а вот Клювокрыла, — Гермиона вздохнула и поджала губы.

— Что — Клювокрыл? — не понял Саша.

— Клювокрылом будет заниматься Комиссия по обезвреживанию опасных существ. Хагрид считает, что они все в кармане у Малфоя, и что Клювокрыла казнят. Я, конечно…

— Только не говори, что ты туда влезла, — Саша закатил глаза и тяжело вздохнул. В принципе, Гермионе можно было ничего и не отвечать, и впервые за все их время, что они были знакомы, она так и сделала.

Когда Гермиона удалилась в свою комнату, Саша воровато оглянулся, проверяя, чтобы ни Рон, ни Грейнджер не вернулись в гостиную, и достал карту.

— Торжественно клянусь, что замышляю шалость и только шалость, — прошептал Саша, и на пустом пергаменте начала проявляться карта. Саша вздохнул, глядя на точку с подписью «Александр Н.», которая обнаружилась рядом с камином в

гостиной Гриффиндора, и начал бесцельно рассматривать замок. Точка Дамблдора маячила у камина в его же собственном кабинете, Снейп метался по своей лаборатории, профессор Люпин внезапно нашелся в Больничном крыле. «Что–то совсем плох стал», — подумал Саша, и тут его внимание привлекла одна надпись. Надпись, которой по законам логики, здравого смысла, рассудка — да Бог его знает, по каким еще законам — там быть не могло и не должно было. В спальне мальчиков третьего курса Гриффиндора расхаживал Рон, это было понятно. Но вот то, что на его кровати сидела точка, подписанная именем Питера Петтигрю, Саша объяснить не мог. Он торопливо свернул карту, даже не стерев ее, и со всех ног бросился наверх, в спальню.

Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.2

— Рон! — Саша вломился в комнату, захлопнул дверь и огляделся. Рон стоял у своей тумбочки и разворачивал свой новый свитер, присланный матерью.

— Что, Гарри? — Рон повернулся и недоуменно воззрился на Сашу.

Саша обежал взглядом комнату и пришел к выводу, что никого кроме него и Рона в комнате нет. Тогда он снова заглянул в карту — Петтигрю значился на кровати у Рона.

— Что там у тебя? — Рон заглянул ему через плечо, и Саша прикрыл пальцем свою точку, чтобы Рон ничего не заметил.

— Да так, карта. Показывает всех, кто есть в замке, — отмахнулся Саша.

Рон восхищенно вздохнул.

— Вот это да! — он посмотрел на тот край карты, в котором Дамблдор как раз отошел от камина и теперь расхаживал туда–сюда по кабинету.

— Да, Рон, смотри сюда, — Саша вернул его внимание к спальне. — Вот ты, вот тут я. А на твоей кровати… Прочитай сам, а то я не уверен в своих силах. Мало ли, вдруг у меня галлюцинации.

— Питер Петтигрю, — медленно прочитал Рон. — Кто такой Питер Петтигрю?

— Тварь, которая предала моих родителей, — проворчал Саша сквозь зубы, и тут точка Петтигрю пришла в движение. Она перемещалась в сторону двери.

— Стоять! — рявкнул Саша и повернулся к двери, поблагодарив самого себя за то, что захлопнул ее.

— Гарри, не шуми, тут никого нет. Только Короста. Кажется, это шуточная карта.

— Стоп, — Саша прищурился, глядя на Рона. — А ну–ка, возьми ее в руки.

Рон послушно поднял с пола свою крысу, а Саша взглянул на карту, где точки Петтигрю и Рона теперь накладывались одна на другую.

— Рон, это не крыса. Это Петтигрю. Вот только я не могу понять, как это может быть. Держи его крепче, я наколдую клетку.

Саша оглянулся по сторонам в поисках того, что можно было бы превратить в клетку. На глаза попалась только книга, оставленная Невиллом на тумбочке.

— Он расстроится, — предупредил Рон.

— Ой, да пофиг, — отмахнулся Саша. — Потом превращу обратно в книгу. Нет — новую ему куплю. Делов–то.

Саша отложил карту, схватил книгу с тумбочки и достал из кармана свою палочку. Прищурившись, он внимательно посмотрел на книгу, представляя, как она увеличивается в размерах, как ее страницы скручиваются, удлиняются, как становятся прутьями клетки, как между прутьями появляется расстояние, настолько небольшое, что даже столь худая крыса, как Короста, не смогла бы пролезть через прутья. Четко восстановив в голове процесс, Саша глубоко вдохнул и произнес заклинание. Книга замерцала и стала превращаться в клетку почти так, как Саша себе и представлял. Спустя полминуты в Сашиных руках вместо книги была клетка. Словно ставя последний штрих, Саша легонько повел палочкой, и в клетке появилась дверца, которая скрипнула и открылась.

— Сажай сюда крысу, — он протянул клетку Рону, и тот покорно сунул животное в клетку. — А теперь бегом к Дамблдору.

— Что у вас за шум? — дверь комнаты со скрипом отворилась, явив Саше и Рону стоящую на пороге Гермиону.

— Да так, крысу в клетку заточали, — хохотнул Саша.

— А у Гарри есть такая карта! Такая карта! — захлебываясь возбуждением принялся рассказывать Рон. — И на ней написано, что моя крыса — это не крыса, а Питер Петтигрю. Правда, я не знаю, кто такой этот Питер Петтигрю, но это детали.

— Что за карта? — Гермиона подозрительно прищурилась, и Саша мысленно проклял Рона и его неспособность держать язык за зубами.

— Карта как карта, ничего особенного, — отмахнулся Саша.

— Гарри, покажи ей!

— Ох, ну ладно, — вздохнул Александр, понимая, что ничем хорошим это не обернется.

«Еще никогда Штирлиц не был так близок к провалу», — прозвучало у него в голове, когда Грейнджер взглянула в карту с явным недоверием. Полагать, что ее выбьет из колеи фамилия Петтигрю и она не заметит, что еще одна точка подписана не тем именем, Саша даже не собирался. Однако когда Грейнджер с непроницаемым видом подняла на Сашу глаза, а потом вновь взглянула в карту, он понял, что пропал.

— Да, Петтигрю — это очень странно, — протянула она, возвращая Саше карту, и тот понял сразу две вещи: во–первых, Грейнджер его все же просекла, во–вторых, она не собиралась обсуждать это при Роне — что не могло не радовать.

— Идемте же к Дамблдору, — взмолился Рон, у которого в руках была клетка, где крыса так отчаянно скреблась и пищала, что он не мог этого больше выносить. Саша отчасти мог его понять, ведь с одной стороны, Ронова крыса оказалась левым мужиком, непонятно как оказавшимся в зверином тельце. С другой стороны, Рон довольно долго считал крысу своим любимцем, и теперь не мог смириться с мыслью о том, что его обманули.

В кабинет Дамблдора Рон чуть ли не бегом бежал. Оно и понятно, буквально пять минут назад он обнаружил, что у его крысы куда большие проблемы, чем Живоглот и необходимость пить крысиную микстуру. Гермиона и Саша неслись за ним с примерно одинаковой скоростью: Гермионе, видимо, не терпелось настучать Дамблдору на карту, Сашу и вообще в принципе на несовершенство мира, а Саша решил проконтролировать, чтобы Рон еще раз не сморозил лишнего. Крыса верещала на весь замок и просто металась по клетке, будто это могло ей помочь. Все вместе они создавали достаточно много шума, который эхом разносился по коридорам опустевшей на время Рождественских каникул школы.

На винтовой лестнице, что вела в кабинет Дамблдора, Рон умудрился запутаться в собственных ногах и грохнуться, благо, Саша успел выхватить у него из рук клетку с крысой. И если он успел перепрыгнуть через растянувшегося на ступеньках Уизли, то Грейнджер к такому повороту событий оказалась не готова, и, споткнувшись об ногу Рона, тоже упала. Саша же влетел в кабинет директора, сунул в руки опешившему Дамблдору клетку и выпалил:

— Сейчас сюда вломятся Грейнджер и Уизли и будут много говорить. В-основном, нести полную чепуху, но здравое звено в их рассуждениях есть. Просто не удивляйтесь.

Стоило Саше договорить и выдохнуть, как в кабинет влетели Грейнджер, потирающая локоть, видимо ушибленный во время падения, и Рон, держащийся за бок.

— Профессор Дамблдор, это не крыса! Это какой–то чужой мужик! — возопил последний, тыча пальцем в клетку.

— Мистер Уизли? — Дамблдор удивленно воззрился на Рона поверх очков.

— Да, человек по имени Питер Петтигрю! — вставила Гермиона.

— Мисс Грейнджер, я предупреждал, что ваша учебная нагрузка слишком велика, и что перенапряжение может привести к самым неожиданным последствиям, — усмехнулся Дамблдор, но тут перехватил взгляд Саши, качавшего головой, и уточнил, —

с чего вы вообще это взяли.

— У Гарри есть карта, и на ней написано, — в один голос выдохнули Рон и Гермиона.

— Карта? — Дамблдор сдвинул очки на самый кончик носа. Саша разложил карту на столе перед директором и одними губами прошептал: «Потом объясню, сэр». Дамблдор странно покосился на Сашу, но в карту все же взглянул. Долгих десять минут он молча разглядывал карту в целом и свой кабинет в частности, после чего наконец выпрямился и внимательно посмотрел на крысу, которая забилась в угол клетки и притихла, дрожа всем своим жалким облезлым тельцем.

— Мне нужно кое–что проверить, — протянул директор и принялся водить палочкой над картой, бормоча при этом какие–то заклятия. Видимо, о таких не слышала даже Грейнджер, потому что волосы ее буквально на глазах становились еще более растрепанными. Саша готов был поспорить, что будь у Гермионы короткая стрижка, волосы встали бы дыбом. Сам он не понимал, почему Грейнджер так взволнована, да, впрочем, и не пытался понять. Так же, как и он, Рон, смотрел на Гермиону с удивлением, потом бросил это неблагодарное дело — объяснений от нее он бы все равно не дождался — и принялся рассматривать директора с благоговейным ужасом в глазах. Тем временем Дамблдор закончил проверку карты и вздохнул.

— Видимо, мои юные друзья, ошибки тут нет. Карта не лжет, и, я боюсь, вы действительно заключили в клетку Питера Петтигрю, — при этом Дамблдор бросил на Сашу пронзительный, почти рентгеновский взгляд, и Александр понял, что директор пытался ему сказать.

«А что если Петтигрю на самом деле погиб, а его душа просто переселилась в крыскино тельце, так же как и я переместился в тело Поттера. Погодите, не хочет же он сказать, что я погиб там, дома. Так нечестно!» — подумал Саша, но вслух сказал совершенно другое.

— А нет никаких заклятий, которые бы могли проверить, крыса там или человек? — он задумчиво посмотрел на Дамблдора. — И как вообще может крыса оказаться человеком?

— Гарри, ты все прослушал! Снейп же рассказывал про анимагов, когда подменял профессора Люпина!

— Про кого? — удивленно переспросил Саша.

— Спал ты что ли? — возмутилась Гермиона. — Анимаги — это волшебники, которые способны превращаться в животных. Профессор МакГонагалл, например, анимаг, она превращается в кошку. Она даже должна быть занесена в реестр анимагов, который ведет Министерство.

— В — куда? — туповато переспросил Рон.

— Ох, Рон, — вздохнула Грейнджер. — Министерство ведет учет всех анимагов, оно собирает данные об их анимагической форме и об их особых приметах!

— Совершенно верно, мисс Грейнджер, пять баллов Гриффиндору, — Дамблдор легонько похлопал в ладони. — Вот только я уверен, мистера Петтигрю никогда в том реестре не было. Из этого следует что либо мистер Петтигрю является незарегистрированным анимагом, либо же мы столкнулись с очень древней и таинственной магией.

— Так, погодите, — мотнул головой Саша. — Можно ведь как–то проверить, анимаг эта крыса, или подверглась этой древней и таинственной магии.

— Можно, мой юный друг, конечно можно, — улыбнулся Дамблдор, поднимая палочку, — и именно это я сейчас и сделаю.

Пока Дамблдор водил палочкой над клеткой, Саша отчаянно старался не расхохотаться. А повода у него было целых три на выбор: Гермиона, выпучившая глаза, будто старалась запомнить каждое движение директора посекундно, Рон, который нелепо открыл рот и высунул язык, и собственно подопытная крыса, у которой был такой вид, будто она сейчас схватится за сердце — если только крысы умеют хвататься за сердце.

— Что я вам скажу, дорогие мои друзья, — Дамблдор выпрямился и повернулся к ученикам, и Саша с немалым удовольствием отметил, что лицо директора выражает одновременно заинтересованность и некоторую растерянность. — Перед нами действительно анимаг.

— А его можно расколдовать обратно? — спросил Саша с некоторой долей ехидства.

— Можно, А… — запнулся Дамблдор, но тут же поправился, — мистер Поттер, все можно. Вот только давайте проделаем это завтра. Сегодня нас ждут на Рождественском ужине.

— Ужин, — повторил Рон, еще не вышедший из своего потерянного состояния.

— Профессор Дамблдор, если это действительно Петтигрю, то тогда тот разговор, что состоялся у нас с вами днем, становится весьма актуальным. Может, стоит пригласить Министра?

— Стоит, однозначно стоит, — согласился директор. — А теперь ступайте, собирайтесь на ужин.

Рон с видимым удовольствием развернулся и потопал прочь из кабинета, а вот Грейнджер почему–то замешкалась.

— Мисс Грейнджер?

— Профессор, я хотела вам кое–что сказать. Гарри, можешь остаться.

— Ну, спасибо, разрешила, — сварливо протянул Александр, сворачивая карту.

— Нет, карту оставь, — повелительно проговорила Грейнджер, и Саша даже слегка опешил. — Профессор Дамблдор, вы не замечаете ничего странного на этой карте? Я имею в виду, помимо присутствия Питера Петтигрю?

— Ничего, мисс Грейнджер, — Дамблдор был в этот миг просто апологетом непоколебимости.

— И даже то, что на карте нет имени Гарри Поттера, не кажется вам подозрительным?

— Совершенно, — улыбнулся Дамблдор, а Саша закрыл лицо руками и горестно застонал.

— Так вы знаете? — Гермиона, казалось, готова была упасть от удивления.

— Знаю ли я, что в тело одного из моих учеников, переместилась душа другого человека? Вероятно, знаю, — хитро улыбнулся Дамблдор. — Идите, вас ждет Рождественский пудинг и вкуснейшая индейка.

— А. Да. Мы пойдем, — пролепетала Грейнджер и бочком вышла из кабинета.

— Смотри, опять не свались, — хмыкнул Саша и поддержал ее под локоть, когда они уже были на лестнице.

— Ты… Ты ненастоящий Гарри, — раздосадовано пролепетала она.

— И никогда им не был. Настоящий Гарри — лопушина, кстати, тот еще — сидит где–то не в этом мире и терпеливо ждет, пока я исправлю его косяки.

— И ты знаешь, что исправлять? — восхищенно спросила Гермиона.

— Если б знал, слинял бы от вас еще после первого года, — фыркнул Саша. — В смысле, в свой мир бы слинял. А так, я о том, что должно у вас тут произойти знаю не больше чем ты. И пожалуйста, Грейнджер, не трепли эту тему при Роне. Да и вообще ни при ком не трепли.

— Хорошо, — кивнула Гермиона. — У меня тоже есть маленький секрет, я умею хранить тайны.

— Маленький секрет? — хмыкнул Саша. — Ты случайно не о том, как тебе удалось заявиться на нумерологию, не прогуливая при этом прорицания и не выходя с них даже на секунду?

Гермиона густо покраснела — похоже, Саша попал в точку.

— Никому не говори, что ты заметил, Гарри. Точнее, не Гарри, а… Как тебя называть?

— Птичка, называй как раньше. Меньше вероятность провала, — фыркнул Саша и бодренько зашагал к башне Гриффиндора. Судя по звуку, Гермиона некоторое время простояла на месте, а затем побрела следом, шаркая подошвами по каменному полу коридора.

Часть III. Глава 14. Не самое счастливое рождество, ч.3

Когда Саша спустился в Большой Зал, Рон уже был там.

— Вы где потерялись? — спросил он, глядя на Сашу и на плетущуюся позади него Гермиону.

— Мне нужно было кое о чем переговорить с директором, — пожал плечами Саша. — А Грейнджер — ну, ты же знаешь Грейнджер, без ее длинного носа ни одно дело не выживет.

— Что же вы стоите, садитесь, — МакГонагалл подтолкнула обоих к столу, накрытому на двенадцать человек. Все ученики разъехались по домам на Рождество, так что факультетские столы были сдвинуты к стене, а в центре зала остался один–единственный стол, за которым, судя по всему, предстояло обедать как студентам, так и преподавателям. За столом уже сидело двое робких первокурсников, которые постоянно переглядывались и, казалось, порывались пуститься наутек, и мрачный пятикурсник со Слизерина, чей вид выражал полнейшее непонимание обстоятельств, по которым он тут оказался и незнание того, как себя вести дальше. Весь преподавательский состав за исключением профессора Люпина был тут же. Саша вклинился между первокурсниками и пятикурсником, дабы хоть за одним обедом не отвечать на вопросы Рона и не слушать Грейнджер.

— Будь другом, передай тарелку с пудингом, — повернулся Саша к Слизеринцу и на всякий случай легко толкнул его локтем. Слизеринец повернулся, смерил Сашу оценивающим взглядом и, вроде собирался что–то сказать, но потом передумал и молча передал тарелку с пудингом.

— Спасибо большое, — проговорил Саша, стараясь, чтобы в тоне было как можно меньше язвительности, но, видимо, это не удалось, поскольку пятикурсник с силой сжал вилку в кулаке, и Саша услышал, как хрустнули суставы пальцев.

«Лучше б Грейнджер слушал, — промелькнуло в голове у Саши. — Просто жуй и молчи, не нарывайся на спор, тем более за праздничным столом».

Впрочем, его мысли достаточно быстро переключились на предобеденные события, и слизеринец, хрустящий кулаками, перестал его занимать. Саша корил себя за то, что так неловко прокололся, да еще и перед Грейнджер. И за неимением возможности «отмотать» назад время и избежать прокола, Саша принялся размышлять, какую выгоду он может извлечь из своей

ошибки.

Грейнджер была невыносимо занудна, дотошна и упорна, но именно из этого Саша и собирался получить выгоду. Еще по дороге в Большой Зал он сообразил, что можно просто задать Грейнджер задачку по его возвращению домой в кратчайшие сроки, а потом усесться поудобнее и с удовольствием наблюдать, как она будет искать решение, перерывая тонны книг и стучась головой обо все стеллажи в библиотеке. Саша прекрасно знал, насколько энергична может быть Грейнджер в своем стремлении установить истину, поэтому прикинул, что как только Грейнджер начнет путаться у него под ногами, он просто подтолкнет ее в нужном направлении. Он–то знал, что пока всех ошибок Поттера не исправит, на возвращение можно не надеяться. Но этого не знала Грейнджер, так что это был хороший способ ее нейтрализации. Да и, чем черт не шутит, она могла бы найти более доступный путь возвращения домой.

Поток мыслей прервало появление в Зале еще одного персонажа. Саша никогда еще не видел эту даму, но — судя по реакции Рона и Гермионы — остальным она была знакома.

— Сивилла! Вот так сюрприз! — всплеснул руками Дамблдор, а Рон с Гермионой тем временем издали горестные стоны.

— Я глядела в магический кристалл, профессор, — прошелестела вошедшая, — и увидела себя, покидающую свое одинокое убежище.

— Захотелось прогуляться — так бы и сказала, — буркнул Саша, — а то разводит тут балаган.

Сашин сосед как–то странно фыркнул и низко опустил голову.

— Слышишь, а это кто вообще такая? — Саша толкнул соседа в бок.

— Профессор Трелони, преподаватель предсказаний, — шепотом пояснил сосед, слегка картавя, пока профессор предсказаний распиналась по поводу того, как много она увидела в своем кристалле.

— Но ведь нас будет тринадцать, — взвизгнула она под конец, и Саша повернул голову. Мысли моментально сложились в четкую цепочку: профессор предсказаний, из–за которой весь класс ходил как в воду опущенный, и о которой долго и упорно вещала в свое время Лаванда, тринадцать человек за столом, и собственно Саша, точнее Гарри Поттер. Который был бы просто идеальным объектом для пророчеств. «Беги!» — возопил в голове тоненький голосок, обычно просыпавшийся вместе с инстинктом самосохранения.

— Ради всего святого, присаживайтесь, — Саша встал из–за

стола и жестом указал ей на свое место. — Я уже наелся, так что схожу пока проветрюсь.

— Гарри, подожди меня, пожалуйста, — вдруг одернула его Грейнджер. — Я кажется, тоже уже сыта. Рон?

— А я еще поем, — Рон покачал головой и поставил перед собой полную тарелку сарделек. Гермиона странно дернулась и вышла из–за стола. — Еще раз Счастливого Рождества.

Она быстрым шагом направилась к выходу из Большого Зала, и Саше ничего не оставалось, кроме как махнуть всем рукой и тоже выйти прочь.

— Я просто не могу! Она невероятно, ужасно меня раздражает, — распалялась Грейнджер, идя по коридору.

— Так почему ты до сих пор не отказалась от ее предмета? Не ходишь на предсказания, не пересекаешься с Трелони, и жизнь прекрасна. Как у меня, например.

Грейнджер остановилась у окна.

— Да, ты прав, пожалуй. Завтра же откажусь.

— Завтра директор будет немножечко занят, тебе так не кажется? — улыбнулся Саша.

— Ну вот, как раз пойдем на разоблачение крысы, и я заодно откажусь от предсказаний.

— Ты собралась идти?

— Не говори глупостей, конечно, я собралась идти. Вспомни, как мой кот реагирует на эту крысу. Тем более, если это окажется не крыса, я буду требовать, чтобы Рон…

— Я понял, — оборвал Саша поток речи Грейнджер. — Я все понял. Хочешь идти — иди, но если тебя оттуда выдворят, не обижайся.

Он повернулся и посмотрел в окно, где неподалеку от Гремучей Ивы резвился огромный черный пес. Он катался по снегу, прыгал с разбегу в сугробы, вздымая в воздух белые облачка снежной крошки.

— Вот уж кто радуется Рождеству, — внезапно осипшим голосом проговорил Саша.

— А у тебя ведь раньше был другой дом, правда? — тихо спросила Гермиона.

— Грейнджер, ради всего святого, не здесь, — Саша мотнул головой и пошел к лестнице.

— Куда ты идешь?

— Туда, где нас точно никто не подслушает, — бросил Саша через плечо, и подумал: «Вскрываться, так вскрываться полностью. Она все равно не отстанет, пока все из меня не вытянет». Впрочем, Грейнджер заткнулась и весь путь до маленького кабинетика на пятом этаже проделала молча.

Гермиона даже не удивилась или сделала вид, что не удивилась — когда Саша почесал кота за ушком и картина с ним отъехала в сторону, открывая проход в комнатушку. Камин тут же вспыхнул, и поленья в нем уютно затрещали.

— Кофе будешь? — будничным тоном спросил Саша, наполняя чайничек водой с помощью заклинания Агуаменти и подвешивая его над камином.

— Нет, наверное, нет, — покачала головой Гермиона.

— А я выпью, — пожал плечами Саша и взял с каминной полки старую пачку с кофе и на всякий случай понюхал содержимое. — Так о чем ты хотела спросить?

— Обо всем. Почему ты не Гарри?

— Ну, наверное, потому что я не Гарри, — хохотнул Саша. — А если серьезно, то Дамблдор сказал, что это какая–то магия перемещения. Я по этому поводу ничего не нашел, да и, по правде говоря, не особо искал.

— То есть, ты из другой реальности? — уточнила Грейнджер.

— Скорее, времени, — кивнул Саша. — В моем времени вся эта история уже произошла, была вписана в книги, по ним сняли фильмы, ну, сама понимаешь.

Грейнджер кивала.

— Как же хорошо, что ты жила в маггловской семье. Второго пояснения о кинематографе я бы не перенес.

— И естественно, ты знаешь, что будет дальше и должен предотвратить какие–то события?

— Да, должен предотвратить, но не знаю, что именно. Книги прошли мимо меня, фильмы смотрел вполглаза, периодически засыпая.

Грейнджер цокнула языком и покачала головой.

— Какой же ты…

— Так, вот не надо! — Сашу аж передернуло от того, как сильно Грейнджер в этот момент напомнила его девушку, когда на ту нападало желание читать морали. — Так получилось. Все. Этого уже не исправить, прими как данность.

— Ладно, допустим. И когда ты у нас оказался?

— С самого рождения. Смешно звучит, но да.

Грейнджер с опаской наблюдала, как Саша снимает с огня чайник и наливает в чашку кофе.

— Нет, Грейнджер, я не псих, не буйнопомешанный и не страдаю раздвоением личности, шизофренией и прочей хренью, которую ты себе придумала.

— Тогда скажи, что будет дальше.

Саша застонал и закатил глаза.

— Грейнджер, говорю тебе: не знаю я.

— Но хоть в общих чертах ты должен знать. Какие–то знаковые моменты!

— Ну Волдеморт вернется, это я точно помню, — фыркнул Саша, и Грейнджер тихо пискнула.

— Как, при каких обстоятельствах? И что будет с Клювокрылом?

— Не помню. Клювокрыла как такового помню, что с ним будет — не помню. Грейнджер, пойми, я сначала не обращал на эту историю никакого внимания, а потом еще десять лет просидел в чулане под лестницей. Как думаешь, много я смог вспомнить? Особенно о том, чего и не знал никогда.

— Думаю, не очень, — Грейнджер поморщилась.

— Тогда теперь моя очередь задавать вопросы. Грейнджер, скажи, ты не знаешь, совершенно случайно, как можно обойти магию перемещения? Я тут и так тринадцать лет уже просидел, и дальше тут сидеть желанием не горю совершенно.

— Я не знаю. Я попробую найти, — неуверенно проговорила Грейнджер. — Я вот только одного не могу понять. Допустим, это правда, это не какая–то игра и не болезнь, ты действительно переместился к нам из другого мира. Но ведь ты же учишься магии и все такое.

— Да, потому что Гарри Поттер должен был ей обучиться.

— А когда ты вернешься, останутся с тобой твои умения или же потеряются? И что будет с настоящим Гарри, когда тебе придет пора вернуться домой? Он–то магии не учился!

— Поверь, птичка, это будут уже не мои заботы, — фыркнул Саша и отхлебнул кофе из чашки. — Я тут только ваши косяки исправляю, не более. А как вы тут дальше жить–быть будете, меня не волнует совершенно.

Он отвернулся к окну и принялся пить ароматный кофе, глядя на то, как резвится в снегу большой черный пес и стараясь не слушать грустных вздохов Грейнджер.

Часть III. Глава 15. Крыса или не крыса?

На следующее утро Саша проснулся с гудящей головой. Внутри черепной коробки как будто кипел спор множества голосов, но вычленить из этого гула хоть один голос и прислушаться, о чем же там речь было просто–таки невозможно. Саша потер виски пальцами и нашарил на тумбочке очки. Сев на кровати и свесив ноги, он обвел комнату мутным взглядом. Рона не было, вероятно, он уже пошел на завтрак. Саша и сам думал, что неплохо было бы подкрепиться в начале этого дня, который весьма однозначно обещал быть сложным и насыщенным. За время пребывания в магическом мирке Саша уже вполне уяснил для себя, что если день начинается с мигрени — это явный признак того, что с ним будет происходить очередная невообразимая ерунда. А раз уж он попал сюда без минимальной информационной подготовки, то хотя бы физически следовало настроиться. С этими мыслями он оделся, спихнув со своих вещей, горой сваленных на стуле у кровати, беспардонного Живоглота, который еще прошлым вечером заявился в комнату и всем своим видом дал понять, что теперь он будет обитать тут. Даже Рон, пришибленный вестью о своей крысе, не возражал. Он вообще не обращал внимания на кота, который еще буквально пару дней назад считался чуть ли не его кровным врагом. Рон, вообще, судя по всему, никак не мог перестать переживать из–за крысы — которая, вероятно, могла оказаться вовсе и не крысой — и поэтому ни на что не реагировал.

Спустившись в Большой Зал, Саша столкнулся в дверях с мрачным слизеринцем, который прошлым вечером сидел около него за Рождественским столом. Поздоровавшись с ним кивком головы, Саша прошел в сам Зал, где по–прежнему был один общий стол, за котором уминал пудинг Рон и задумчиво рассматривала кексик Гермиона. Что Рон, что Гермиона были крайне взволнованы предстоящим визитом к Дамблдору, хотя сам директор сидел рядом с ними и с самым невозмутимым видом что–то рассказывал профессору Люпину. Последний имел явно нездоровый вид, что, впрочем, объясняло его вчерашнее отсутствие на Рождественском ужине. Люпин слушал Дамблдора с самым сосредоточенным, даже напряженным видом и кивал. Саша занял место около Дамблдора и принялся слушать, о чем говорит директор. Впрочем, ничего нового он не услышал. Дамблдор просто пересказывал Люпину вчерашние события,

говоря о Петтигрю будто о старом знакомце, что только подтвердило Сашины догадки о том, что Люпин был знаком с Джеймсом и Сириусом.

«Петтигрю был вхож в дом Поттеров, — думал Саша, поглощая тосты. — Дамблдор говорит о нем с Люпином, как говорил бы со мной о Роне или Гермионе. Значит, Люпин таки был связан с Петтигрю, а значит и с остальными».

— Я уже связался с Министром, — долетел до Сашиных ушей обрывок фразы. — Он будет у нас к десяти, а это через десять минут. Надеюсь, профессор Люпин, вам будет интересно присутствовать на этой встрече.

— Да, профессор, конечно, — Люпин, казалось, был удивлен этим приглашением, но согласился с радостью.

— Тогда нам стоит поторопится, — Дамблдор одним махом осушил свой стакан с тыквенным соком и повернулся к Саше, — вы готовы, мой юный друг?

— Я? Да, конечно, — быстро кивнул Саша, допивая свой чай, и кивнул Рону с Гермионой. Грейнджер вернула кекс на блюдо, даже не притронувшись к нему, а вот Рон вскочил со своего места, на ходу дожевывая пудинг. В руке у него Саша заметил тост с джемом и горестно вздохнул. Видимо, Рон собирался есть на ходу. Впрочем, сумки при нем не наблюдалось, а это значило, что, по крайней мере, встреча с Министром пройдет без его чавканья на заднем фоне.

В кабинет поднялись быстро — Рон–таки жевал на ходу, но за гулом шагов, разносившимся эхом по коридорам пустого замка, это было не слышно. На столе в кабинете директора стояла клетка с крысой, которую, судя по реакции узнали не только Саша, Рон и Гермиона. Люпин подошел ближе и принялся рассматривать крысу слишком внимательно, отчего та забилась в угол клетки и снова принялась крупно дрожать.

— Кстати, очень хорошая работа, мой друг, — Дамблдор положил руку на Сашино плечо. — Трансфигурирующие чары ваших однокашников развеялись бы еще ко вчерашнему вечеру, а ваши пришлось только слегка подновить поутру.

— Спасибо, профессор, — Саша кивнул, и этот момент дверь кабинета отворилась, пропуская внутрь странного человечка в шляпе–котелке и зимней мантии. За спиной его маячили двое дементоров, которые — в Сашиному огромному изумлению — не двинулись с места, а просто остались стоять в дверном проеме. Феникс Дамблдора коротко вскрикнул и взлетел под потолок, Гермиона дернула Сашу за рукав и отошла в окну, подальше от дементоров. Рон отскочил туда, как только открылась дверь. Саша двинулся туда же, еле переставляя моментально ставшие

ватными ноги и стараясь не слышать разрывающий барабанные перепонки визг девушки и скрип тормозов.

— Итак, профессор Дамблдор, вы хотели мне что–то показать, — министр окинул взором всю собравшуюся в кабинете компанию.

— Да, Фадж, и я категорически не понимаю, по какой причине вы явились с охраной, если можно так выразиться, — Дамблдор смерил долгим сердитым взглядом дементоров. Министр коротко кивнул, повернулся к стражам и махнул рукой. Дементоры выплыли из кабинета, и Фадж затворил за ними дверь. Саша отметил, что в кабинете сразу стало как–то легче дышать.

— Тяжелые времена, Дамблдор, — прокряхтел Фадж. — Но вы правы, здесь, в столь милой компании мне совершенно ничего не угрожает.

Он почему–то задержал взгляд на Люпине, а тот предпочел повернуться к Саше, Рону и Гермионе. В кармане у профессора обнаружилась плитка шоколада, которую он извлек на свет и теперь разломил на три части.

— Все дело, дорогой мой министр, вот в этой крысе, — Дамблдор взял со стола клетку. — У меня есть все основания предполагать, что эта крыса на самом деле никто иной, как Питер Петтигрю, которого мы с вами до сегодняшнего дня считали безвременно почившим.

— Да вы спятили, Дамблдор, — фыркнул министр. — Петтигрю погиб, от него остался один лишь палец.

— Присмотритесь, у крысы на лапе не хватает пальца, — улыбнулся Дамблдор.

— Но Петтигрю не был анимагом!

— Петтигрю не был зарегистрированным анимагом, министр, — подал голос Люпин. — Однако превращаться в животное он умел и превращался именно в крысу. И поверьте, даже спустя тринадцать лет я узнаю в этой крысе Питера Петтигрю.

— Я прекрасно знаю, зачем вы это задумали, Дамблдор, — министр даже глаза закатил. — А пригласив сюда Люпина, вы только подтвердили мои догадки. Вы спекулируете на одном, давно погибшем члене вашей компании, чтоб спасти другого, живого, который сейчас находится в бегах. Да, Люпин, не смотрите на меня так. Магический мир очень мал, и в нем все друг друга знают. Вы хотите вытащить Блэка из волчьей ямы, это очевидно.

С лица Люпина сбежала всяческая краска. Если он и до этого выглядел не слишком здоровым, то теперь был просто–таки

мертвенно бледен. Саша почувствовал, что где–то в словах министра кроется намек, но где — понять было невозможно. Впрочем, Грейнджер, кажется, поняла, потому что смотрела на министра с явным неодобрением.

— Фадж, вы можете сами проверить, правы мы или нет. Вы ведь знаете заклинание, превращающее анимага обратно в человека. Давайте же, наведите палочку на эту крысу.

— Дамблдор, я, — Фадж замялся. — Право слово, это сущая ерунда.

— Ну так тем более, — Дамблдор сделал маленький шаг к министру.

— Если вы пригласили меня только за тем, чтобы играть тут в детские игры, я немедленно же ухожу, — вспылил Фадж.

— Похоже, наш дражайший министр просто–напросто забыл нужное заклинание. Что ж, я вам помогу, Фадж, — Дамблдор сверкнул глазами и наставил палочку на клетку.

Грейнджер даже рот открыла от восхищения, когда директор произнес сложнейшую формулу, и из палочки его выстрелил прямо в крысу огонек заклятия. Фадж тоже открыл рот от изумления, когда крыса вдруг стала увеличиваться в размерах, будто в нее послали Раздувающими чарами. Клетка с треском сломалась, и крыса упала на пол. Саша рванулся было к ней, опасаясь, что она может пуститься наутек, но ей было явно не до этого. Или ему. Спустя несколько минут на полу кабинета директора Хогвартса лежал толстенький человечек, на руке у которого не хватало пальца.

— Это что за фокусы? — взвизгнул Фадж совсем как девица.

— Это Питер Петтигрю, — грустно заключил Люпин, и человечек, услыхав голос Люпина, бросился к нему. Что, впрочем, показалось Саше странным. Он на месте Питера все же попытался бы штурмовать дверь.

— Ремус! Мой дорогой друг! — заговорил человечек, и Саша узнал его голос. Впрочем, если убавить ему года, даже его внешность была Саше знакома. Сомнений не было. Посреди кабинета стоял Питер Петтигрю. Точнее, пытался стоять, постоянно порываясь бухнуться на колени.

— Почему ты инсценировал свою смерть, Питер? — ласково спросил Люпин. — Почему двенадцать лет жил в облике крысы?

— Ты же знаешь Блэка! Он страшен, Ремус! Он готов был меня убить, — захныкал Питер, и Сашу вмиг затошнило.

— Но не убил, — выдохнул пораженный Фадж. — Мы посадили Блэка за убийство, но вас, мистер Петтигрю, он не убивал.

— Вот именно, — рыкнул Саша. — Может он и маггло не

убивал, а? Может это он, Питер Петтигрю, посчитал жизни доброго десятка ни в чем не повинных людей достаточной ценой за сохранность своей жизни?

— Мне, — Питер захлебнулся собственным волнением. — Мне надо было спасаться. Блэк грозился разорвать меня.

— И поделом, — в голосе Люпина прорезались рычащие нотки. — За что бы Сириусу разрывать тебя? Это ведь не ты продал Джеймса и Лили Волдеморту? Или все же ты?

Питер кинулся было к двери, но налетел на огорошенного Фаджа и незамедлительно рухнул перед ним на колени.

— Министр, поймите хотя бы вы! Сделайте хоть что–то!

— Да, мистер Фадж, — кивнул Люпин. — Например, заключите его под стражу.

— Отдайте его дементорам, — проворчал Саша, из последних сил боровшийся с мигренью, да такой сильной, что к горлу волнами подступала дурнота.

— Темный Лорд был так силен, — проблеял Петтигрю. — А я всего лишь маленький слабый человек.

— Фадж, давайте прекращать этот балаган, — Дамблдор спокойно смотрел на Петтигрю, корчившегося в ногах у Фаджа. — Забирайте Петтигрю в Азкабан, допрашивайте его всеми известными вам методами, а еще — мой вам дружеский совет — снимите с Блэка обвинения.

Фадж, все еще пребывая в прострации, открыл дверь, за которой ожидали дементоры, и кивнул, будто бы давая команду заходить в кабинет. И тут случилось невероятное. Петтигрю начал сморщиваться, уменьшаться. Дементоры, которые сначала потянули было к нему свои руки, теперь бестолково крутились на месте, чем серьезно рассердили Фаджа.

— Хватайте его! Вот же он! Это Петтигрю! Это он убийца!

Но было уже поздно. Петтигрю снова стал крысой и выскользнул из кабинета.

— Ловите его! Он превратился! Ловите! — орал Фадж. Дементоры бестолково кружили на месте и хватали руками воздух перед собой. Рон свалился в обморок. Феникс под потолком закричал высоким голосом. Сашу оглушил скрип тормозов, раздавшийся в голове, и его беспардонно стошнило прямо на директорский стол.

— Фадж, ради всего святого, — воскликнул Дамблдор. — Уберите отсюда дементоров, здесь же студенты.

— Пошли прочь! Вон! Поймайте эту крысу! — закричал Фадж уже заметно охрипшим голосом, и дементоры покинули кабинет. Люпин вызвался доставить Рона в Больничное Крыло и тоже ушел. Гермиона, которая на удивление тихо и спокойно себя

вела, принялась отчищать заклятиями директорский стол, отчего Саша густо покраснел.

— Простите, — буркнул он, и Дамблдор сочувственно похлопал его по плечу.

— Дамблдор, вы позволите воспользоваться школьной совой? — поинтересовался Фадж. — Нужно отправить письмо в «Ежедневный пророк». Будем объявлять Петтигрю в розыск.

— А еще неплохо бы снять с Сириуса обвинения, — улыбнулся Дамблдор.

— Да, конечно, — Фадж кивнул. — Пускай явится в Министерство, и там с него снимут и обвинение, и судимость. Ох, мы разоримся на моральных компенсациях. Это же Блэки, любители золота.

Дамблдор усмехнулся в бороду, а Саша еле сдерживался, чтоб не приняться хохотать от радости.

— А как Петтигрю превратился? Где он взял палочку? — спросила вдруг Гермиона. — Если бы у него палочка при себе, он мог бы на нас напасть!

Все тут же принялись хлопать себя по карманам. Кроме самой Гермионы, которая уже прибралась на столе и теперь взирала на всех вопрошающим взглядом.

— Вот гаденыш! Украл мою палочку! — вздохнул Фадж. — Видимо, вытащил из кармана, когда падал на колени. Дамблдор, я воспользуюсь еще и камином? Супруга расстроится, если я не явлюсь к ужину. Сегодня должна нагрянуть ее дражайшая сестрица, и с моей стороны будет крайне невежливо…

— Разумеется, министр. Но только после того, как вы снимете с постов всех дементоров и отошлете их обратно в Азкабан.

— Но ведь Петтигрю убежал! — возмутился Фадж.

— Такая трусливая, мерзкая тварь как Петтигрю ни за что не вернется в Хогвартс, — проворчал Саша.

— В словах мистера Поттера есть рациональное звено, — проговорил Дамблдор и подмигнул Саше. — Пройдемте в совятню, заодно снимем охрану вокруг школы, а потом, так и быть, я позволю вам вернуться домой, на ваш милый семейный ужин.

Дамблдор распахнул двери, и Фадж первым вышел из кабинета. Саша с Гермионой проследовали за ним. Сам директор покинул свою обитель последним и плотно затворил двери.

— Я же не спросила министра о гиппогрифе! — сообразила Грейнджер, когда они уже почти дошли до Гриффиндорской башни.

— Ну вот, только зря ходила, — хохотнул Саша. — А я почти

доволен.

— Почему «почти»? — удивилась Гермиона. — И вообще, почему ты доволен?

— Милая моя Грейнджер, — Саша остановился и пристально посмотрел на нее. — Если ты не поняла, я все помню. В том числе и младенческие годы. Ну разве не приятно, что моего дорогого крестного оправдают?

— Блэк твой крестный? Ох, мамочки, — выдохнула Грейнджер. — Ну тогда поздравляю. Вот только как Рону об этом сказать?

— Соврем, что проболтался Дамблдор, — пожал плечами Саша и продолжил путь к башне, где его ждала теплая мягкая кровать и уютный треск поленьев в камине.

Часть III. Глава 16. Беседы приятные и не очень

«Преступник или жертва?

Новые обстоятельства в деле Сириуса Блэка могут кардинально изменить ситуацию. Как стало известно журналистам «Ежедневного пророка», Сириус Блэк может быть невиновен в массовом убийстве магглов, за которое он был осужден двенадцать лет назад и до недавних пор отбывал заключение в Азкабане. Сенсационное заявление министра магии Корнелиуса Фаджа может придать делу неожиданный оборот. По словам министра, в ходе поисков Блэка открылись новые детали, способные пролить свет на произошедшее. В частности, обнаружен живым и практически невредимым Питер Петтигрю, считавшийся погибшим.

— Я видел его собственными глазами, — признается Корнелиус Фадж. — Все это время Петтигрю был жив и скрывался под личиной крысы. Мы склонны предполагать, что магический взрыв, унесший жизни магглов, был устроен не Блэком, а именно Петтигрю.

Министр также выказывает глубочайшее сожаление в том, что расследование по делу Сириуса Блэка не было проведено должным образом.

— Ох, ну такие были времена, да. Тот — Кого-Нельзя — Называть сгинул, и мы, естественно боялись появления последователей. Вполне вероятно, что мистер Блэк действительно был осужден несправедливо.

Министерство Магии убедительно просит мистера Сириуса Блэка явиться в Отдел Обеспечения Магического Правопорядка для дачи более подробных показаний. Кроме того, до окончания повторного следствия с мистера Блэка будут сняты все обвинения. В случае, если мистера Блэка оправдают, ему будет выплачена моральная компенсация.

Министерство Магии также обращается ко всему магическому сообществу: если вы располагаете сведениями о возможном местонахождении Питера Петтигрю, незамедлительно просим передать информацию в Министерство Магии. Вознаграждение в размере 5 тыс. галеонов гарантируется».

Саша сложил газету и усмехнулся.

— А они, оказывается, способны на здравые шаги, — пробормотал он, надеясь, что никто не услышит. Однако Гермиона явно проблем со слухом не знала.

— Ты о чем? — переспросила она, вперившись в него выжидающим взглядом.

— А вот о чем, — Саша бросил ей газету, и Гермиона пробежала взглядом по статье на передовице.

— Вот и прекрасно, — вынесла она свой вердикт после прочтения статьи.

— Кому прекрасно? — хмуро спросил Рон. С момента разоблачения и побега Петтигрю прошло уже три дня, и все это время Рон пребывал в крайне раздраженном состоянии и постоянно ворчал.

— Да всем прекрасно, Рон, — вздохнула Гермиона. — Ну неужели не понятно: настоящий преступник, скорее всего, Петтигрю, а мистер Блэк был невинно осужден. Чем плохо, если его оправдают и вернут ему доброе имя? Это же справедливо.

— Очень справедливо, — бросил Рон. — Мало того, что крыса мне досталась от брата, так теперь она еще и оказалась убийцей. Если для кого–то это и справедливо, то точно не для меня.

— Как ты можешь так говорить? — вскинулась Грейнджер. — Человек ни за что, ни про что отбыл в Азкабане целых двенадцать лет! Тебе от пяти минут с дементорами уже тошно, а тут — двенадцать лет! Рон, подумай! Неужели для тебя крыса важнее человека?

— Я пойду пройдусь, — Саша поднялся из–за стола, за которым уже намечался скандал, и принялся заворачивать в пергамент куриные ножки. Еще перед завтраком, выглядывая в окно спальни, он заметил черного пса у Гремучей Ивы, и подумал, что неплохо было бы подкормить его. Тем более, собака не скандалила, не ворчала и не несла отборного бреда, коим разразился Рон в ответ на выпады Грейнджер.

Свежесть морозного утра бодрила, и Саша даже почти чувствовал себя счастливым, пробираясь по снегу к иве и щурясь от света утреннего солнца, что отражался от снега и больно резал глаза.

— Эй, иди сюда! — окликнул Саша пса, как только тот появился в зоне видимости. — Смотри, что у меня есть.

Он достал куриную ножку из сумки и махнул ею. Пес со всех лап бросился к Саше, видимо, вольная жизнь таки не предусматривала постоянного питания.

— Держи, — Саша бросил ножку псу, и тот с радостным чавканьем принялся ее есть. Саша же положил на снег сумку, достал из нее ком пергамента, в который был завернут завтрак, и уселся на сумку сам.

— Слышал новости? — спросил у пса Саша, бросая ему вторую ножку. — Тут такое творится, мужик. Петтигрю нашелся,

но тут же потерялся. Министр объявил его в розыск, а с Блэка решил снять обвинения.

Пес повернулся к Саше и застыл, выронив из приоткрытой пасти недогрызенную ножку.

— Да ты жуй, жуй, — Саша потрепал пса по шее. — Прикинь, как будет круто, если Сириуса действительно оправдают. У меня будет настоящий крестный. Он же нормальный мужик вроде, ну если только в Азкабане у него крыша окончательно не поехала.

Пес радостно хрустел куриной ножкой и, как показалось Саше, кивал. Впрочем, сам Саша списал это на блики и отсветы, так что продолжил.

— Хоть бы он додумался прийти в Министерство. Если он продолжит скрываться и не даст показания, с него так и не снимут обвинения. Понимаешь, брат, в чем фишка? Министр видел Петтигрю своими глазами, тут уж он хрен отвертится. А, да, эта крыса мелкая еще и палочку упер. У самого министра.

Пес подошел к Саше, старательно обнюхал его, поставил лапы ему на плечи и вздохнул, практически как человек.

— Ну, чего ты, хвостатый? — Саша потрепал пса за ухо. — Нормально все будет. Ты–то откуда взялся? Хогсмидский или бегаешь просто так? Если просто так, прибился бы ты к Хагриду. Условия конечно аховые, но хоть в дом пустят, если сильно тяжко. Ну и при еде всегда.

Пес ткнулся Саше в шею мокрым носом и засопел.

— Ты прекращай это, — Саша похлопал пса по спине. — Ну, давай, прекращай. А насчет Хагрида я серьезно.

Пес убрал лапы с его плеч и уселся на снег, глядя своими огромными черными глазами прямо в глаза Саше.

— Ты чего? — Саша погладил его и вздохнул. Пес лизнул его руку, встал и побежал в сторону леса, и снег за ним взвивался маленькой метелью.

Только когда пес скрылся из виду, Саша понял, что начинает замерзать. Он поднялся на ноги, сжег заклинанием промасленные пергаменты и побрел к замку, искренне надеясь, что Рон с Гермионой уже закончили ругаться на пустом месте.

Но до гостиной Саша так и не дошел. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, он столкнулся нос к носу с профессором Люпином, который выглядел уже вполне сносно.

— Добрый день, — Саша вспомнил, что хотел кое о чем спросить. — Как ваше самочувствие?

— Хорошо, Гарри, спасибо, — Люпин слабо улыбнулся. Было в этой улыбке что–то болезненное, что–то нездоровое, но допытываться Саша не стал.

— Профессор, я бы хотел спросить вас о моих родителях.

— С чего ты решил, что я их знал? — тон Люпина был удивленно–веселым, и Саша понял, что, в принципе, догадка его была верна, и теперь нужно только выдать более–менее сносную логическую цепочку.

— С чего решил? Ну, наверное потому, что вы знали мистера Петтигрю. А мистер Петтигрю, насколько я понял, довольно близко общался с Пот… моими родителями. Точно так же, как и Блэк. Следовательно, вы знали Блэка, Петтигрю и — я склонен предполагать — что и родителей.

— Верно, Гарри, знал, — вздохнул Люпин. — Хотя, признаюсь, после твоего рождения мы несколько отдалились.

— Ну, не думаю, что вас бы кто–то в этом упрекнул. Я, должно быть, отнимал у них слишком много времени, — попытался пошутить Саша.

— Дело не в тебе, Гарри, — Люпин удрученно покачал головой, — а во мне. Я, как ты заметил, частенько болею, и, скажем так, опасался, что могу тебя заразить.

«Врет, — звякнул у Саши в голове колокольчик. — Определенно врет. Не болеет он. Тут что–то другое».

— Да, профессор, я понимаю, — кивнул Саша. — И все же, мне не понять одного. Почему отец согласился сделать Петтигрю Хранителем. Почему не вас и не Блэка?

— А почему он должен был сделать Хранителем Блэка? — хитро прищурился Люпин.

— Ну, он же мой крестный, значит — лучший друг отца. Да–да, профессор Дамблдор нечаянно проговорился, — вставил Саша, заметив недоумение Люпина, — и я теперь знаю, что Блэк — мой крестный. Но почему было не сделать его еще и Хранителем до кучи? И в чем вообще суть этого Хранителя? Зачем было городить огород, уж простите.

— Слишком много вопросов, Гарри, — улыбнулся Люпин. — Так на ходу и не ответишь. Как насчет чая?

Саша согласно кивнул и пошел за Люпином в его кабинет, не испытывая ни капли жалости по поводу того, что профессор явно намеревался заняться какими–то своими делами, и что пришлось его от этого бессовестно отвлечь. За те три дня, что прошли с момента побега Питера, Саша прокрутил в голове не один десяток догадок, и все они касались предназначения Хранителя. Он очень хотел разобраться в том, чем может ему грозить побег Петтигрю, а ради этой информации он готов был наплевать на всяческие приличия.

В кабинете Защиты от Темных Искусств все было уставлено клетками и аквариумами, в которых скреблись, рычали, бормотали разные существа. Половина из них была Саше уже

знакома по содержательным урокам профессора, вторая же половина — исключительно по книгам. Даже шкаф для боггарта был на месте, и Саша готов был спорить, что приблизься он шкафу, оттуда послышался бы далекий гудок автомобиля, ведь тварь даже через дверцу чувствовала, чего он боится больше всего на свете.

— Итак, Хранитель, — Люпин уселся за свой стол и сложил руки перед собой. На самом столе уже стояло две чашки, от которых шел ароматный дымок. Саша занял свое место и взял чашку в руки, приготовившись выслушать, наконец, ответы на свои вопросы.

— Заклятие Доверия позволяет защитить свой дом от любых врагов. Врагом твоих родителей, Гарри, был Волдеморт и его приспешники, думаю, это понятно, — проговорил Люпин, и Саша кивнул. — Так вот, Заклятие Доверия, наложенное на дом, защищало его от проникновения врагов. Для этого твоим родителям и нужен был Хранитель — человек, который берег бы тайну дома.

— Но ведь дом был расположен…

— Да–да, в этом–то и суть заклятия. Дом был расположен на виду и одновременно защищен ото всех, кто не знал адреса. Назвать местоположение дома и выдать его мог только Хранитель. Не зная адреса, Волдеморт со своими приспешниками могли хоть год кружить вокруг дома, но не увидели бы там ничего, даже загляни они в окно. Это очень сложная магия, Гарри, она лежит где–то между Трансфигурацией и Защитой, и она намного глубже и серьезнее, чем вам преподают в школе.

— И Хранитель может быть только один? — уточнил Саша.

— Да, разумеется. После того, как чары наложены на дом, в него могут войти только его обитатели или же Хранитель.

«Так вот почему Сириус перестал заглядывать к Поттерам», — подумал Саша, а вслух сказал:

— Но почему тогда все подумали, что нас предал Сириус Блэк? Ведь Хранителем был Петтигрю.

— Я беседовал об этом с Дамблдором. Дело в том, что тебя и твоих родителей защищало не только Заклятие Доверия, но и множество других чар, наложенные множеством человек.

— Мы были так важны? — вот тут Саша удивился.

— Да, Гарри, чрезвычайно важны. Точнее, важен был ты. О, не спрашивай почему, — быстро поднял он руки, предваряя вопрос, который уже вертелся у Саши на языке. — Я и сам не знаю, почему. Так сказал Дамблдор, а мы все просто выполняли его поручения.

«С таким же успехом Дамблдор мог бы приказать кидаться

головой в навоз, — подумал Саша. — Неужели вы бы пошли и на это, вопреки здравому смыслу. Надо бы прояснить у Дамблдора эту часть вопроса. И, кстати, кто такие эти «Все», я у него тоже спрошу. Мимоходом».

— Ладно, предположим. Но все же, почему вы решили, что предатель — Блэк?

— Потому что это логически верно, Гарри, — Люпин поморщился, очевидно, тема была ему глубоко неприятна. — Ведь я рассуждал точно так же, как и ты: Блэк был самым близким другом Джеймса, он был твоим крестным, и наиболее логично было бы сделать Хранителем именно Блэка. Поэтому когда я узнал о том, что на дом будет наложено заклятие, я тут же подумал, что Хранителем будет Блэк. К сожалению, я был занят немного другими делами, поэтому возможности уточнить этот вопрос у меня не было. Да это было и не нужно, я был нечеловечески убежден, что именно Блэк — Хранитель. А потом грянула новость о предательстве. Я сложил два и два.

Тут Саша даже и поспорить не мог. Все казалось настолько простым и логичным, особенно для легковерных идеалистов, коими, очевидно, были эти таинственные «Все», о которых заикнулся Люпин. И, в принципе, их можно было понять. Предательство обычно приходит оттуда, откуда его меньше всего ждешь.

— Предательство, Гарри, обычно приходит оттуда, откуда меньше всего ждешь, — грустно сказал Люпин, дублируя Сашину последнюю мысль. Саша, в свою очередь, пожал плечами и отхлебнул из чашки чай.

— Так вы рады, что Блэк оказался невиновным? — спросил он, прищурившись. Люпин меланхолично помешивал чай и, казалось, вопроса не слышал. Поэтому когда он заговорил, Саша слегка вздрогнул.

— Рад ли я тому, что один из моих лучших друзей оказался невиновен в убийствах? Думаю, да, Гарри. Я рад, что Сириус непричастен к этому. Но Питер… Признаюсь, меня это страшит.

— Почему же? — Саша сложил локти на стол и отхлебнул еще чая.

— Мы дружили еще со школьной скамьи. Мы были не разлей вода, все четверо. Я, Сириус, Питер и твой отец, Джеймс.

Саша кивнул и сделал крайне заинтересованный вид, хотя, в принципе, он знал это. Что–то помнил, о чем–то догадался, но в общих чертах был в курсе происходившего в те годы.

— Сириус был из чистокровной семьи, знатной и богатой. Джеймс — баловень судьбы, любимый и единственный ребенок своих родителей. Ох, Гарри, какой же неконтролируемой силой

они были, ты не представляешь.

— Как близнецы Уизли? — хмыкнул Саша.

— Да, достаточно емкое сравнение. Я же был болезненным и не думал, что меня примут в какую–то компанию. Но они стали со мной дружить.

— Так хорошо же, — Саша слегка вздернул бровь. — Так чего вы опасаетесь?

— Питер, — вздохнул Люпин и опустил глаза. — Петтигрю был всегда самым тихим, незаметным. Я мог бы ожидать такого от Сириуса — решил бы, что Блэковская кровь взяла свое. Я бы еще поверил, что Джеймс на такое пошел — мало ли, внедрение в стан Волдеморта. Но Питер… Питер не был похож на предателя. Никогда.

— То есть, вы не знаете, с какого момента Питер «сливал» вас Волдеморту? — Саша прищурился.

— Да, Гарри, именно. Питер всегда был таким тихим, практически незаметным, что невозможно точно сказать, в какой момент он начал сотрудничать с Волдемортом. И теперь я думаю, что смерти многих наших соратников могут быть и на его совести.

Саша и сам думал об этом. Он вспоминал тот день, когда видел Петтигрю в доме у Лили и Джеймса. Он говорил что–то о погибших людях, МакКиннонах, кажется, и весь дрожал. И теперь, после предположения Люпина, Саша подумал, что дрожать Питер мог и от осознания того, что они погибли именно по его вине. Давящее молчание затянулось. Люпин все так же помешивал чай, не сделав и глотка, а Саша грел руки о чашку. Наконец, чай окончательно остыл, и Саша выпил его одним глотком.

— Простите, профессор, что получился такой разговор, — он даже чувствовал себя виноватым.

— Гарри, я прекрасно все понимаю, — Люпин улыбнулся, вот только улыбка эта получилась какой–то грустной. — Тебе нужно это знать. Ты бы все равно узнал все это, рано или поздно.

— Думаю, вы правы. И я рад, что узнал это от вас, профессор. Еще раз извините.

Оставив Люпина наедине с чашкой и, судя по всему, тяжелыми думами, Саша бочком протиснулся в приоткрытую дверь и покинул кабинет Защиты от Темных Сил.

Часть III. Глава 17. Чужие секреты

Начался новый семестр, и все потянулось своим чередом. Вернувшиеся в школу студенты оживленно обсуждали новости о невиновности Сириуса Блэка, о Петтигрю, который внезапно оказался живым, но больше всего радости принесла им весть о том, что оцепление дементоров снято. Но больше всего этим фактом был удовлетворен, конечно же, Саша. Он даже оформил подписку на «Ежедневный пророк», чтобы не проворонить тот счастливый момент, когда Сириус явится в Министерство и даст повторные показания. Каждый новый выпуск он разворачивал трясущимися от предвкушения руками, но, пролистав все по диагонали и не найдя там вожделенной статьи, отбрасывал газету прочь и мрачнел. Из всех студентов, кому доводилось наблюдать этот утренний ритуал, истинная природа вещей была понятна только Рону, Гермионе и Джинни, которую Саша сам посвятил в детали событий, произошедших за время ее отъезда из Хогвартса. Глядя на неизменную реакцию друга, Рон лишь опускал глаза — будто бы в том, что Сириус еще не посетил Министерство, могла быть его вина — Гермиона пожимала плечами, а Джинни, всегда занимавшая место рядом с Сашей, гладила его по руке, от чего Рон еще сильнее опускал глаза и крепче сжимал вилку. Так продолжалось около недели или даже полутора, пока в одно утро все не изменилось.

Саша проснулся невероятно бодрым, с четким ощущением того, что мир вокруг него прекрасен и удивителен. Это, несомненно, было прекрасно, но Саша сам удивился такому настроению, еще и с самого утра. Он достаточно быстро собрался и спустился на завтрак. Даже обнаруженная на столе овсянка с кусочками фруктов показалась ему не гадостью — а именно такое мнение о ней он высказывал раз за разом, питая стойкую нелюбовь к этому блюду еще с прошлой своей жизни. Гермиона и Джинни, пришедшие в Большой зал сразу следом за ним, поразились такому непривычному состоянию.

— Все нормально? — на всякий случай переспросила Джинни, усаживаясь за стол рядом с Сашей.

— О, да, лучше не бывает, — безмятежно улыбнулся он.

Гермиона нахмурилась, судя по всему, подозревая, что его опять подменили.

— Ты уверен? — уточнила она, пристально глядя на Сашу, будто пытаясь просверлить его взглядом.

— Совершенно, птичка, — кивнул он, — посмотри, как прекрасен мир вокруг тебя. Неужели это не повод хоть разок

улыбнуться, а не сидеть букой?

Гермиона пожала плечами, но все же выдавила из себя жалкое подобие улыбки.

— Вот, так–то лучше, — удовлетворенно кивнул Саша, а Рон уставился на Гермиону так, словно видел ее впервые в жизни.

Над головами раздалось привычное уханье сов, и Саша не глядя поймал спикировавшую на него газету и с воодушевлением развернул ее. Прошло полминуты, прежде чем Большой Зал огласил его торжествующий вскрик.

— Есть, — Саша лихо махнул в воздухе кулаком и разложил газету на столе. Фотография Сириуса Блэка — прилично одетого, гладко выбритого, с аккуратно причесанными волосами — украшала передовицу «Пророка», а поперек фотографии плясали буквы, волшебным образом складывающиеся в слово «Оправдан», стилизованное под печать. Блэк улыбался и махал с волшебной фотографии, и Саша даже махнул ему в ответ, прежде чем успел сообразить, что Сириус его не видит. Бегло прочитав статью, Саша удовлетворенно кивнул, сложил газету и убрал ее в сумку.

— Ты не дал мне дочитать, — возмутилась Гермиона.

— А что там читать, птичка? Министерство признает поспешность выводов, извиняется перед благородным семейством Блэков, призывает общество принять Сириуса как одного из достойнейших людей, прочее в том же духе и — ай!

Вскрик был реакцией на то, что что–то болезненно ущипнуло Сашу за палец. Он повернул голову в поисках источника угрозы, и обнаружил сидящую около него сову, сжимавшую в клюве письмо.

— Наглая птица, — сварливо проговорил Саша и распечатал конверт. В следующий миг он почувствовал, как сердце забилось еще сильнее, а кровь в голове зашумела.

«Дорогой Гарри.

Надеюсь, ты уже читал «Ежедневный пророк» и знаешь, что я невиновен. Вчера я был полностью оправдан, и теперь могу с чистой совестью признаться: я твой крестный, Гарри, и мне очень жаль, что обстоятельства сложились таким образом, и я не смог поучаствовать в твоем воспитании. Это единственное, в чем я раскаиваюсь сильнее, чем в том, что не успел разоблачить Петтигрю раньше, чем он сдал твоих родителей Волдеморту. Я бы очень хотел встретиться с тобой, Гарри. Если ты готов принять крестного с таким тяжелым прошлым, сообщи мне дату вашей следующей вылазки в Хогсмид. Твой крестный, Сириус Блэк».

— Когда следующий поход в Хогсмид? — выдавил Саша, пытаясь сглотнуть комок из радостных воплей, который желал вырваться и разнестись по всему замку и его окрестностям.

— Зачем тебе? — Гермиона прищурилась.

— Просто. Когда следующий поход в Хогсмид? — по слогам переспросил Саша.

— На следующих выходных, а что? — удивительно, но ответил ему Рон. Саша ничего не сказал, лишь достал из сумки пергамент и принялся строчить ответ с невероятной скоростью, разбрызгивая вокруг чернила и протыкая бумагу в тех местах, где стояли точки. Джинни осторожно заглянула за плечо, и Саша даже не стал прикрывать письмо рукой — все равно он планировал все рассказать, поэтому не переживал за то, что кто–то прочитает это раньше времени. Дописав послание — при этом заляпав себя чернилами — он свернул его и прикрепил к лапе совы. Та довольно ухнула и вылетела прочь из зала.

— Сириус спрашивал, когда у нас вылазка в Хогсмид, — пояснил Саша, успокоившись. — Он теперь оправдан и очень хочет со мной встретиться.

Джинни, Рон и Гермиона понимающе кивнули и вернулись к своим тарелкам. Саше же от волнения кусок в горло не лез, но он все же сделал над собой усилие и прикончил свою тарелку овсянки, после чего одним глотком осушил свою чашку с какао и выжидающе уставился на Гермиону.

— У нас сейчас руны. Идешь?

— У Гермионы сейчас прорицания, — проворчал Рон.

— Я, — Грейнджер замялась. — Рон, я не пойду на прорицания. Я не могу. Этот предмет — я хочу сказать, он, конечно, полезен — но я от него отказываюсь. Передашь Трелони, что я больше не буду к ней ходить?

Рон от удивления пронес ложку мимо рта.

— Как это — не будешь? — тупо переспросил он.

— Наверное, ногами, — ехидно ухмыльнулся Саша. — Вот знаешь, Рон, бывает такое, что ты идешь — ногами, естественно — на какую–то встречу или занятие, и это автоматически подразумевает, что в это время ты больше никуда не идешь. Логика понятна?

— Но раньше же ходила, — стоял на своем Рон.

— А теперь не хочет, представь себе, — Саша развел руками, показывая, что тут он бессилен.

— Рон, Гермиона и так учит предметов больше, чем ты, — вклинилась Джинни. — И то, что она хочет отказаться от одного из них, вполне объяснимо. Скажи, вот ты устаешь?

— Да, я ужасно устаю, — кивнул Рон.

— Интересно, от чего, — съязвил Саша. — Скатывать домашку у меня и Гермионы, конечно, очень утомительно, но тяжелее всего, наверное, храпеть безмятежно, пока мы все

дописываем. А, еще плюй–камни. Очень большая нагрузка.

— Ты ничего не понимаешь, — взвился Рон.

— А, ну разумеется, — протянул Саша и повернулся к Гермионе. — На руны идешь?

— Да, сейчас. Ты иди, я догоню, — закивала Грейнджер. Саша встал со своего места и направился к выходу из Большого Зала. В дверях он обернулся и увидел, что Грейнджер так и сидит на месте, что–то говоря Рону с самым что ни на есть извиняющимся видом.

— Идиотка, — Саша подавил в себе желание сплюнуть на каменный пол и вышел из Зала. Его ждала наука толкования рун, а это было на пару порядков логичнее, чем толкование Роновых перепадов настроения.

Гермиона догнала его уже в коридоре, ведущем к кабинету профессора Бабблинг, преподавателя рун.

— И почему ты перед ним оправдываешься? — Саша как будто продолжал оборвавшийся разговор. — Сначала из–за кота, теперь из–за прорицаний. То он доказывает, что ты на себя много нагрузила, теперь — когда наконец–то к тебе вернулись мозги и ты решила немного разгрузиться — он опять что–то имеет против.

— Ох, ну ты же знаешь Рона, — вздохнула Гермиона. — Он честно пытается быть лучше.

— Значит надо перестать пытаться. Потому что получается не ахти.

За разговором они дошли до кабинета рун и расселись по своим местам. Профессор Бабблинг уже стояла за кафедрой — невысокая полноватая женщина с большими глазами и всегда румяными щечками, она крутила палочку в непропорционально длинных пальцах. Саша как раз выложил на стол пергаменты и перья, когда прозвучал удар школьного колокола, возвещавший о начале занятия.

— Итак, дорогие мои, — начала профессор Бабблинг своим бархатным с хрипотцой голосом, — вы все славно потрудились на прошлой неделе, составив именные рунескрипты и расшифровав их значения. На этом мы пока что закончим изучение Старшего Футарка и познакомимся с рядом, который нам намного ближе — с Нортумбрийским рядом. Кто может рассказать что–то о Нортумбрийских рунах?

Гермиона вскинула руку и замерла.

— Да, мисс Грейнджер, — преподавательница улыбнулась.

— Рунический ряд из тридцати трех знаков, называемый также Нортумбрийским, возник в Англии на рубеже восьмого и девятого веков. К трем аттам Старшего Футарка добавился

четвертый, который открывается руной «Ас». Иногда этот четвертый атт называют «аттом богов», посвященным богам скандинавского мира — асам. Руны этого атта ассоциируются с теми или иными деревьями, что говорит о кельтском его происхождении или, во всяком случае, о том, что, столкнувшись с друидами, мастера рун не избежали влияния кельтского учения. Расположение первых двадцати четырех знаков этого ряда совпадает с расположением рун Старшего Футарка, хотя названия их несколько изменены с точки зрения фонетики, что связано с влиянием староанглийского языка.

— Отлично, десять баллов Гриффиндору, — просияла Бабблинг. — А теперь нам с вами понадобится расширенный словарь рун, хотя бы по одному экземпляру на стол. В следующем году он войдет в рекомендованный список литературы, а пока что я попрошу мисс Грейнджер сходить в библиотеку и принести, — профессор на полминуты умолкла, подсчитывая, сколько экземпляров ей нужно, — двенадцать словарей.

— Профессор Бабблинг, — Гермиона выглядела испуганной, и Саша не мог понять, почему, — у меня болит нога. Подвернула на лестнице.

Саша ощутил тычок локтем в ребра, и сообразил, на что ему намекают.

— Давайте я схожу, — вскочил он со своего места.

— Благодарю, мистер Поттер. Двенадцать экземпляров «Расширенного словаря рун».

Саша кивнул и вышел из аудитории.

В библиотеке было светло и тихо. Кое–где за столами у стеллажей сидели ребята с шестого и седьмого курсов и писали, скрипя перьями. Мадам Пинс прохаживалась между рядами, следя за порядком, но в этом не было нужды: все были увлечены работой.

— Меня прислала профессор Бабблинг, — полушепотом проговорил Саша, стоило мадам Пинс подойти к нему. — двенадцать экземпляров «Расширенного словаря рун», на одно занятие.

Мадам Пинс кивнула и махнула рукой на один из шкафов. Саша немедленно направился туда. Шкаф действительно был уставлен разнообразными словарями, и вынуть из него двенадцать необходимых книг не составило труда. Он повел взглядом чуть вправо, и глаза его непроизвольно расширились. Чуть поодаль за столом сидела Грейнджер и что–то писала.

— Птичка, какими судьбами, — шепнул Саша над самым ее ухом, бесшумно преодолев расстояние до ее стола. Грейнджер вздрогнула и чуть не перевернула чернильницу.

— Гарри, — взгляд ее был умоляющим, — Гарри, пожалуйста, сделай вид, что ты меня не видел, а я тебе все объясню.

— Только честно, — Саша хитро прищурился, и Грейнджер съежилась под его взглядом.

— Честно, — шепнула она одними губами. Саша, удовлетворившись этим ответом, побрел прочь, а Гермиона, казалось, еще сильнее закопалась в свитки пергаментов.

До кабинета рун Саша дошел быстро, чему профессор Бабблинг весьма обрадовалась. Гермиона же, сидевшая на своем месте, посмотрела на него с самым виноватым видом.

— Ножка болит, говоришь? — издевательски шепнул Саша, усаживаясь рядом с ней. — Птичка подвернула крылышко, перебегая из библиотеки на руны быстрее меня? Или же это сестра–близнец?

— После урока, Гарри, — страдальчески прошептала Грейнджер, — я все объясню после урока.

— Да, ты уже говорила, — фыркнул Саша и раскрыл словарь, который профессор Бабблинг положила между ними. До конца занятия Гермиона просидела тихо, как мышь.

Стоило колоколу отбить конец занятия, как все потянулись к выходу. Саша собрал словари и понес их в библиотеку. Там второй Гермионы уже не обнаружилось, так что он быстро отдал книги мадам Пинс и отправился на следующее занятие, которым была трансфигурация. В кабинете МакГонагалл Грейнджер еще не было, так что Саша бросил сумку на стол и вышел в коридор, где оперся спиной о стену чуть поодаль от кабинета и стал ждать, скрестив руки на груди. Грейнджер показалась из–за поворота спустя какую–то минуту.

— Ну, — насмешливо выплюнул Саша, когда она подошла, — я жду объяснений.

— Гарри, это очень большая тайна. Если МакГонагалл узнает, что я проболталась хоть кому–то…

— Птичка, ты всерьез думаешь, что я побегу жаловаться нашему дорогому декану? — Саша кривовато ухмыльнулся. — К тому же, так нечестно: ты мой секрет знаешь, а я твой — нет.

— Ох, ну хорошо, — Гермиона вздохнула, доставая из–под мантии небольшой медальон на цепочке. — Это — маховик времени. МакГонагалл дала мне его, чтобы я могла посещать все занятия. Разрешение выдает Министерство Магии, и если бы ты только знал, каких трудов нам стоило убедить этих стариков, что я буду использовать его только для учебы.

— И что он делает? — Саша скептически покосился на медальон, который Гермиона уже торопливо прятала под мантию.

— Он перемещает назад во времени. Так я посещала

несколько предметов одновременно. Просто забегала в уборную, и там поворачивала маховик. Так одна я шла на руны, а другая я — на прорицания.

— Так же склеиться можно. Это же за час в мозг поступает в два раза больше информации. Завязывала бы ты с этим баловством.

— Ну, вот, например, от прорицаний я уже отказалась. Но сегодня решила все равно повернуть маховик, чтобы во время рун успеть позаниматься еще делом Клювокрыла. А то мне вечером нужно дописывать доклад по маггловедению. Понимаешь, почему я отказалась идти за книгами? Если бы мадам Пинс увидела двоих Гермион, она бы подумала, что спятила.

— Это понятно. Но зачем тебе маггловедение? — Саша пожал плечами. — Этот предмет нужен тем, кто зажигалку в глаза не видел. Ты–то там что забыла?

— С магической точки зрения маггловская культура представляется совсем по–другому, — возразила Грейнджер.

— Птичка, — Саша вздохнул, — серьезно. Ты спокойно можешь ответить на любой вопрос программы седьмого курса по этому предмету. Зачем давать организму такую перегрузку? Ты вон, на ногах еле стоишь, а семестра прошло чуть. Это, конечно, не мое дело, решение принимать тебе. Но будь я на твоем месте, я бы отказался.

Гермиона понурила голову и побрела на Трансфигурацию, а Саша так бы и остался стоять в коридоре, если бы не удар колокола, приведший его в чувство. Выкинув из головы Грейнджер, ее расписание и маховик времени, Саша поплелся в кабинет.

Часть III. Глава 18. Встреча века

Утро было морозным и солнечным. Саша проснулся рано, когда все еще спали, и повернулся на другой бок, к надежде еще чуток вздремнуть, но сна не было ни в одном глазу. Он взял с тумбочки очки и спустил ноги с кровати. Босые ступни коснулись чего–то теплого и мягкого, а с пола донеслось недовольное ворчание.

— Прости, парень, — Саша поднял с пола Живоглота, который с момента разоблачения Петтигрю завел привычку через день спать в спальне мальчиков. Рон утверждал, что кот таким образом пытается загладить свою вину — каким образом кот был виноват, что Ронова крыса оказалась человеком, было до конца непонятно, но никто особо не вникал — и раз по пятнадцать за ночь с недовольным ворчанием сбрасывал его со своего одеяла. В итоге кот окончательно разочаровался в идее поладить с Роном и перебазировался под Сашину кровать, где иногда устраивал игрища с носками. Саша усадил кота на свою кровать и принялся снимать с его усов комки пыли, которые тот неизвестно где умудрился найти. Кот довольно урчал и щурился, когда блики солнца, отраженные от снега на карнизе, попадали ему в глаза.

Саша чувствовал, что волнуется. Ему было радостно думать о предстоящей встрече с Сириусом, который, возможно, был самым родным существом. Он не знал, о чем говорить с ним, но думал, что Сириус сам найдет тему. А еще Саше безумно хотелось пригласить Сириуса на матч с Рейвенкло, к которому они с командой так старательно готовились. После того, как осенью Слизерин с треском продул Хаффлпаффу, а в первые же выходные после каникул провалился — правда, с не слишком громким треском — на игре с Рейвенкло, Вуд дошел до помешательства, понимая, что их команда вполне может стать фаворитом сезона и снова получить кубок. Из–за этого — а также из–за того, что Саша теперь мог тренироваться в любую свободную минуту, не опасаясь дементоров — Вуд довел число тренировок до пяти в неделю, и Саша на пару с близнецами учинили ему грандиозный скандал, выторговывая себе поход в Хогсмид. Вспомнив бурю, которая разразилась в гостиной предыдущим вечером, Саша даже поморщился.

— Вам лишь бы сладости и развлечения! — кричал Вуд так, что портреты зажимали уши. — Все уйдут в Хогсмид, и у нас будет уникальная возможность отработать новую тактику без посторонних глаз.

— Вуд, мы и так все отрабатываем без посторонних глаз, —

проворчала Анджелина. — Летаем дотемна. Вон, Кэти чуть в лес не улетела.

На последней тренировке Кэти действительно взяла уверенный курс на Запретный лес, не разобравшись в темноте, куда лететь. Хорошо, что Фред вовремя заметил это и схватил ее за прутья метлы, иначе команда бы долго искала свою охотницу.

Рон всхрапнул особенно громко, и кот под Сашиной рукой опасливо дернулся.

— Да ладно тебе, — усмехнулся Саша, сгреб кота под мышку и пошел в гостиную. Стоило ему спуститься, как камин весело вспыхнул и затрещал. Судя по часам, висевшим над каминной полкой, до завтрака оставалось еще полтора часа, и Саша удобно устроился в кресле, подмяв теплого мягкого кота под бок, и открыл учебник по нумерологии, чтобы как–то скоротать время.

Гермиона показалась на лестнице первой. Она спустилась в гостиную и почесала за ушком Живоглота, который даже покинул насиженное место под Сашиным боком.

— Эй, куда, — недовольно буркнул Саша, не отрываясь от книги. — Теплый кусок меха, иди сюда.

— Доброе утро, Гарри, — рассмеялась Гермиона.

— А, это ты. Привет, — он закрыл книгу, отметив закладкой страницу, на которой остановился. — Он меня грел.

— Волнуешься? — без обиняков спросила Гермиона.

— Ну, есть немного.

— Думаю, будет лучше, если мы не будем тащиться за тобой на эту встречу. Вам столько нужно друг другу сказать, а Рон как всегда что–то лишнее вставит.

— Да, наверное. Я тоже об этом думал, — кивнул Саша, а мысленно добавил: «Только не знал, как от вас отвязаться».

— Только не знал, как нам об этом сказать? — с улыбкой закончила за него Гермиона, и Саша кивнул.

— Вроде того. Нет, я, конечно, вас потом познакомлю. Но первая встреча, я думаю, должна пройти без, — он замялся, подбирая слово, — без третьих лиц. И вообще, как думаешь, можно мне пригласить Сириуса на матч с Рейвенкло. Наверное, он был бы рад видеть, как я летаю.

«Конечно, был бы рад, — продолжил он мысленно, — побежит, теряя ботинки. Хоть что–то сложится, как они с Джеймсом мечтали».

— Думаю, он был бы счастлив, — Гермиона присела на подлокотник возле него. — Тем более, он был другом твоего отца…

— Грейнджер? — Саша приподнял бровь.

— Ах, ну да. Другом Джеймса. И ему, наверняка, будет

приятно думать, что к тебе перешли его таланты.

— И не говори, Грейнджер, — вздохнул Саша. — Я вот вспоминаю тот год, что провел в доме у Поттеров. Сириус тогда подарил мне игрушечную метлу. Она не особо высоко летала, но они с Джемсом представляли, как приедут ко мне на игру. Они, понимаешь, были нечеловечески уверены, что я буду в школьной сборной.

— Ох, — Гермиона утерла с глаз выступившие слезы. — Тогда почему ты, зная это, помня это, еще сомневаешься, звать ли Сириуса на игру?

— Действительно, глупость спросил. Вот как раз на игре и познакомитесь. Он же будет с вами на трибунах, — Саша улыбнулся, и Грейнджер кивнула.

— Пойдем завтракать, — предложила она, и Саша поднялся из кресла.

— Я вообще думал Джинни дождаться еще, — пожал он плечами, снимая со свитера шерсть Живоглота.

— А я уже здесь, — раздался с лестницы звонкий голосок. Джинни стояла на верхней ступеньке и улыбалась

.

— Доброе утро, — Саша непроизвольно улыбнулся в ответ, когда луч солнца мазнул по ее волосам, на которых тут же заплясали огненные блики. — Тебе что–то купить в Хогсмиде?

— Нет, спасибо, Гарри, — Джинни чуть покраснела. — Правда, не надо. У меня еще перья не закончились.

— Тогда куплю то, что посчитаю нужным, — хохотнул Саша, окончательно вогнав Джинни в краску.

До Хогсмида Саша все–таки дошел с Роном и Гермионой, а там пришлось применять чудеса изворотливости, потому что Рон никак не желал понимать, почему Саша хочет встретиться с Сириусом в одиночку.

— Рон, как же ты не понимаешь? — вздохнула Гермиона, воздев очи к небу. — Это же крестный Гарри, им нужно много о чем поговорить. Мы там будем только мешать.

— Как мы можем мешать? — удивился Рон. — Мы же друзья.

— Рон, да пойми же ты, — простонала Гермиона. — Есть некоторые ситуации, в которых мы будем явно лишними. Вдруг Сириус не захочет при нас разговаривать. Или решит, что Гарри привел подмогу, потому что не доверяет ему. И при посторонних он не будет до конца честен и открыт с Гарри.

— Мы не посторонние, мы друзья, — упрямо повторил Рон.

— Рон, ты знаешь, что такое чувство такта? — одернула его Грейнджер. — И вообще, Гарри хочет идти один. Ведь так, Гарри?

— Рон, прости, но первое общение должно состояться

наедине, мне кажется. Я вас обязательно познакомлю, честно. Просто сегодня мы, скорее всего, будем беседовать о моих родителях.

Рон насупился и замолчал.

— Рон, успокойся, пожалуйста, — проговорила Гермиона, которая, казалось, готова была расплакаться. — Если хочешь, сходим в «Сладкое королевство». Или в «Зонко». Или посмотрим сов.

Рон молчал.

— Я даже не пойду в книжный.

— Рон, подумай, это серьезная жертва, — хохотнул Саша. — Кстати, Гермиона, если тебя все же занесет в книжный, прикупи «Расширенный словарь рун». Хотя бы один на двоих. Я тебе свою долю отдам.

— Хорошо, постараюсь, — кивнула Гермиона и снова повернулась к Рону.

Они уже вошли в Хогсмид, и теперь нужно было расходиться. Рон с Гермионой направлялись в центральную часть деревеньки, где уже делали покупки их соученики, а Саша, махнув им рукой, свернул вправо и побрел окольными путями к «Кабаньей голове», где — он надеялся — его уже ждал Сириус.

«Кабанья голова» была маленьким и, определенно, не самым чистым трактирчиком со скрипучей дверью. Открыв дверь, Саша первым делом чихнул от того количества пыли, которая витала в воздухе. Взгляд его уткнулся в барную стойку, на которой в беспорядке столпились мутные стаканы, рядом лежала засаленная тряпка, а за самой стойкой стоял трактирщик, чья одежда пестрела масляными пятнами, и вполголоса переговаривался с высоким стройным мужчиной. Собеседник трактирщика был его полной противоположностью: аккуратно причесанные темные волосы, новенькая, словно только из–под палочки кудесницы, мантия, начищенные до блеска ботинки.

— Мальчик, ты что здесь забыл? — неприветливо гаркнул трактирщик, едва заприметив Сашу. Тот уже открыл было рот, желая сказать, что у него тут запланирована встреча, но тут повернул голову его собеседник.

— Мерлин милостивый, — выдохнул он, — Гарри.

— Сириус? — на всякий случай уточнил Саша, но в этом нужды не было. Он узнал это лицо, которое рассматривал каждый вечер на газетном листе, будто стремясь заучить его наизусть, до черточки, до морщинки, до самых незначительных мелочей.

— Мерлин милостивый, — повторил Сириус, и в глазах его блеснули слезы. — Такой же. Совершенно такой же. Идеальная копия.

Он медленно двинулся к Саше, который уже окончательно растерял все предубеждения о беглых уголовниках, и теперь неуверенно сделал шаг навстречу крестному.

— Усядьтесь вы уже, — трактирщик протер тряпкой ближайший стол, насквозь пропитавшийся каким–то пойлом и заросший хорошим слоем воска от свечей. Сириус незамедлительно уселся за стол и жестом пригласил Сашу.

— Не стесняйся, Гарри, — добродушно проговорил он. — Расскажи мне все. Как ты жил? Как твои дядя с тетей к тебе относились? Как твоя учеба? Мерлин, Гарри, рассказывай все, что угодно!

— Ну, я, — Саша замялся, — я нормально, в общем–то. Тетя с дядей ворчат, конечно, куда без этого, но не сказал бы, что бедствую. В школе нормально, вроде пока все предметы мне даются. Ну, такое что–то.

— Точная копия, — проговорил Сириус, будто бы Сашин рассказ был как минимум описанием полета до Луны и обратно. — Такой же беззаботный, как Джеймс. Вечный оптимист. Всегда «Все в порядке», да, Гарри? А что не в порядке, то пойдем и победим, угадал?

Саша рассмеялся.

— Ну а что поделать, если и ходили, и побеждали.

— Ты серьезно? — Сириус явно был удивлен. И тут Сашу прорвало. Он говорил о первом курсе, о событиях вокруг философского камня, о том, как Рон с Гермионой подозревали во всех смертных грехах Снейпа, а Саша им не верил, как они с младшим Малфоем пробирались по подземельям, разгадывая загадки. Говорил о втором курсе, когда чудище Слизерина чуть не угробило половину школы. Ну и, разумеется, о последних событиях. О разоблачении Петтигрю с помощью чудесной карты, о его позорном бегстве и о том, как министр хлопал себя по бокам в поисках палочки.

— Одно только жаль, — подытожил Саша, тяжело вздохнув, — пес куда–то убежал. Хорошая была псинка, умная.

Тут настал черед Сириуса смеяться и хлопать себя по бокам.

— Гарри, дорогой мой крестник. Черный пес, который встретил тебя и того маленького жирного мопса в парке, тот пес, которого ты встретил в Хогсмиде, на квиддичном матче и которого кормил у замка, это, — Сириус достал палочку, — это был я.

Он не издал ни звука, но так же, как и Петтигрю принялся изменяться. Чуть уменьшился, вытянулся, и вот перед Сашей уже стоял старый знакомец. Вот только и пес изменился. Вместо побитой облезлой дворняги перед Сашей стоял холеный красавец

с мощными лапами и лоснящейся шерстью.

— Круто, — выдохнул Саша, и пес снова начал меняться. Через минуту Сириус снова стоял перед ним в человеческом облике. Отряхнув мантию и небрежно отбросив прядь волос, он вернулся за стол и широко улыбнулся.

— Это называется…

— Анимагия, да. Мы проходили анимагов. Профессор Люпин болел, и его подменял профессор Снейп. Делали сравнение анимагов и оборотней.

— Профессор Люпин? — Сириус улыбнулся. — Профессор Снейп? Да, мы не молодеем. Давно ли они были Лунатиком и Нюнчиком.

— Лунатик? — Саша вцепился в столешницу. — Бродяга, Лунатик, Сохатый и Хвост с той карты. Значит, профессор Люпин — один из ее составителей.

— А я второй, — подмигнул Сириус. — В школе меня звали Бродягой. Хвост — это Петтигрю, и я мечтаю поймать эту крысу за ее длинный хвост.

— А Сохатый?

— Сохатый, — Сириус грустно вздохнул и приложился к бутылке сливочного пива, которую трактирщик весьма кстати поставил на стол. — Сохатый — это Джеймс. Твой отец.

Саша кивнул и тоже отхлебнул сливочного пива.

— Так как ты сбежал? — Саша решил сменить тему, чтобы сейчас воссоединение родственных душ не превратилось в поминки.

— О, это просто. Многие сходят с ума в Азкабане. Ты сталкивался с дементорами, правда ведь?

Саша тяжело кивнул.

— Они не видят и не слышат, зато прекрасно реагируют на состояние души. На человеческие мысли. Многие заключенные со временем теряют ясность ума, их мысли становятся все примитивнее и примитивнее. Я же превращался в собаку. Они чувствовали, что мысли становятся проще, и не обращали на меня никакого внимания. Когда я отощал настолько, что смог пролезть между прутьями решетки, я убежал.

— Круто, — восхищенно улыбнулся Саша. — А меня научишь? А то у меня небольшие проблемы с дементорами. Видимо, из–за всех моих переживаний, я для них слишком уж лакомый кусок. Они тут разве что охоту на меня не открыли.

— Видел тогда, — кивнул Сириус, — правда, я тогда решил, что это из–за меня.

— Ну так что, научишь превращаться? — Саша поедал Сириуса жадно горящим взглядом.

— Эх, дружище, если у тебя проблемы с дементорами, то надо потолковать с Лун… то есть, с Рем… ох, прости, с профессором Люпином. У него есть в арсенале заклятия, отгоняющие дементоров.

— Это хорошо, — кивнул Саша, — поговорю с ним. Но в зверя превращаться очень уж хочется научиться.

Сириус одним махом влил в себя бутылку сливочного пива и посмотрел на Сашу.

— Попробуем, — махнул он рукой, — за попытку по шее не получишь. В конце концов, потом можешь сходить и зарегистрироваться.

— А ты зарегистрирован?

Вместо ответа на вопрос Сириус принялся заинтересованно рассматривать потолок.

— Сириус, надо, — строго проговорил Саша, — тем более что история твоего побега может заинтересовать Министерство. Вдруг в следующий раз сбежит кто–то и впрямь опасный? Например, если Петтигрю поймают.

— Ты прав, — кивнул Сириус, — и не смотри на меня так! А то я словно опять возвращаюсь в школьные годы, и твоя мама отчитывает меня за провинность.

Саша непонимающе посмотрел на крестного.

— Лили была старостой. Ох, сколько раз она распекала нас за шалости, — Сириус мечтательно закатил глаза и откинулся на спинку стула. — А что, дружище, не прогуляться ли нам по Хогсмиду? Интересно, помнят ли меня в «Зонко»?

— Думаю, помнят, — улыбнулся Саша и тоже допил свое сливочное пиво.

— Ну, тогда у нас большая программа! — Сириус хлопнул в ладони. — Грандиозная прогулка по Хогсмиду, а потом — если ты, конечно, позволишь — я схожу с тобой в школу. Очень уж хочется поздороваться со всеми.

— Конечно не против, — Саша просиял. — И еще. У меня к тебе будет маленькая просьба. У нас скоро игра. С Рейвенкло. Я ловец. Ты придешь?

Вместо ответа Сириус вскочил с места и обнял Сашу так, что у того аж ребра хрустнули.

Часть III. Глава 19. Тревожные звоночки

Ночь была беззвездной. Вокруг не было ни души, но он знал, что на самом деле это не так. Душ вокруг было предостаточно, но его волновали не души. Тела. Но на поляну, где он обосновался, ни одно тело не забредало уже давно. Два года. Два долгих года в окружении черных деревьев и пожухлой травы, будто бы она могла чувствовать тяжелое дыхание смерти, подстерегавшей всех, кто осмелится забрести сюда. На краю поляны показалась мышь, и он бросился к ней, пронзая тонкую шкурку, взмокшую от предчувствия неизбежного, заполняя маленькое тельце полностью. Он не успел даже отдать мозгу команду повернуть голову, когда почувствовал, что покидает тельце. Он завис над маленьким трупиком, скрючившимся на холодной земле. Он не был разгневан, он сам был гневом, и от этого даже ветер, скрипевший ветвями деревьев, унялся. Он метался между стволами, сгусток чистейшего зла, непобедимый и бессильный одновременно. Он жаждал разрушить до основания все вокруг — и не мог, врезаясь в деревья и проходя сквозь них темным облаком, невидимым в темноте леса.

Поглощенный своей яростью, он не сразу услышал шипение. Остановившись на миг, он вновь завис над поляной единственно за тем, чтобы увидеть огромную змею, что вонзила длинные зубы в тельце мыши. Она была огромной и величественной, блестящая и гибкая, свивала она свои кольца. С мышью было покончено быстро, и вот змея уже подняла голову, обратив свой взгляд точно на него. Невидимый долгие годы, он наконец почувствовал на себе взгляд живого существа, и гнев сменился ликованием. Он спустился чуть ниже, и змея отследила его движение, словно убеждая его в верности принятого решения.

Он прошел сквозь ее блестящую кожу привычным движением, но чувства, затопившие его, были непривычны. Холодная и скользкая, змея дарила ему внезапное ощущение тепла, будто мать, согревающая дитя, что вернулось к ней после долгой разлуки. Он не знал матери и не знал этого чувства, но ощущение цельности, законченности было восхитительным. Он повернул голову вправо, затем влево — и поразился тому, что ему не надо отдавать приказы мозгу. Змеиное тело слушалось его как собственное — давно забытое ощущение. Он изогнулся всем телом и зашипел, разрезая тишину ночи, радуясь тому, что наконец–то покинет эту проклятую поляну и отправится туда, где

его ждало величие и власть. Земля была холодной, и это невероятное, невообразимое чувство холода было почти так же приятно, как понимание собственного бессмертия. Он вновь открыл рот и…

— Да ну нахер, — рявкнул Саша на всю спальню, резко усевшись на кровати. На соседней кровати заворочался Рон, а с кровати Невилла донеслось невнятное бормотание.

— Гарри, ты чего кричишь? — голос Симуса был сонным, и Саше даже стало немного стыдно.

— Половина третьего, — сообщил Дин Томас. — С ума сошел?

— Ага. Кошмары снятся, крыша едет. Не обращайте внимания, парни, — Саша решительно встал с кровати, и спальню тут же огласил пронзительный кошачий вопль. Саша скосил глаза вниз: на полу сидел обиженный Живоглот и всеми силами пытался выдернуть пушистый хвост из–под Сашиной ноги.

— Глупый кусок меха, — проворчал Саша, сходя с хвоста. — Хочешь спать — спи уже на кровати, я не запрещаю.

— А ты куда собрался? — проворчал Симус, ворочаясь на кровати.

— А тебя с собой взять? Экскурсию провести? — фыркнул Саша. — Или ты меня проводишь? Я до уборной могу и без посторонней помощи добраться.

— Тьфу ты, — фыркнул Симус и завернулся в одеяло.

Саша вышел из спальни и спустился в пустую гостиную. В камине тлели угли, но при Сашином появлении они разгорелись, словно по волшебству, согревая остывший воздух гостиной. Саша опустился в ближайшее кресло и устремил взгляд в камин. Противный, липкий сон потихоньку отступал, уступая место раздумьям. Саша не мог понять, откуда в его голове мог взяться этот темный лес и эти образы.

— Если хорошо подумать, — сказал он сам себе, — любой сон — это переосмысление предыдущего дня, которое мозг интерпретирует в какие–то образы. То, что в начале сна я был каким–то духом, прямо связано с моим положением в этом магическом мирке. Я не принадлежу ему, здесь только моя душа. Во сне дух пытается вселиться в кого–то другого. Так же как и я, примеряю на себя чужую роль. Вроде все логично.

Он тяжело вздохнул и тупо уставился в камин.

— А теперь заминка. Мышь во сне сопротивлялась, будто бы в одном теле было два сознания. И в итоге погибла. Это мое подсознательное ожидание возвращения настоящего Гарри и вытеснения меня из его тела. Только что–то мне не очень хочется, чтобы он помер. Даром я что ли тут горбачусь на его благо?

Никто не ответил, и Саша снова обхватил голову.

— Ну и змея. Это мое внутреннее, еще не осмысленное сознание того, что по возвращению домой я могу измениться, стать другим. Ну, это и так понятно, — Саша стукнул кулаком по подлокотнику кресла и поднялся на ноги. Все–таки в той маленькой лжи Симусу о том, что его путь лежит в уборную, было рациональное звено.

Кафель неприятно холодил ноги, привыкшие к теплу гостиной. Саша открутил кран и опустил голову под струю ледяной воды. Головная боль отступила практически мгновенно, словно ее смыло потоком. Он тряхнул головой, как отряхиваются собаки после купания, и вернулся в гостиную. После холодного кафеля теплый ковер с длинным ворсом был просто наслаждением. Саша разлегся в кресле, блаженно улыбнулся, закинул руки за голову и провалился в полудрему.

Шаги, раздавшиеся около кресла, разбудили его. Саша открыл глаза и попытался сфокусировать зрение, чтобы узнать расплывчатую фигуру человека, который ходил кругами неподалеку.

— Оливер? — спросил Саша, согнав дремоту.

— Да, Гарри, мне тоже не спится. А ты что, волнуешься перед матчем с Рэйвенкло?

Саша хотел было сказать, что матч его заботит менее всего, но увидев лицо Вуда, предпочел соврать.

— Конечно, Оливер. Мы все волнуемся, — сказал он, и Вуд довольно улыбнулся от понимания того, что не его одного квиддич довел до бессонницы.

— Еще и Чанг, — вздохнул Оливер.

— Что такое Чанг и почему тебя это так расстраивает? — хмыкнул Саша.

— Чжоу Чанг. Ловец команды Рэйвенкло, — Вуд тяжко воздел глаза к потолку. — Достаточно сильный ловец, надо сказать. У нее была травма и я, честно говоря, понадеялся, что она не сможет выйти в этом сезоне.

Саша честно попытался вспомнить ловца Рэйвенкло, но образ в голове упорно не вырисовывался. То ли кошмар еще не до конца отступил, то ли ему просто было безразлично.

— Да ладно тебе, Оливер, — Саша махнул рукой. — Слизерин, вон, вообще весь на две тысячи первых «Нимбусах», а толку? Дуют как девчонки, причем девчонкам на «Чистометах». Прорвемся.

— Прорвемся, — кивнул Оливер. — У нас есть неделя до матча, тренироваться будем день и ночь.

— И ночь? — поморщился Саша. — И день? Ты что же это, со

всех уроков нас отпрашивать будешь?

— Если бы было можно, отпросил бы, — с азартом произнес Вуд, и Саша порадовался, что уж МакГонагалл на это точно не согласится. И Флитвик. И, вероятно, профессор Вектор. Реакцию Снейпа, с которым в этом году и так сложились достаточно напряженные отношения, Саша даже не рискнул бы предугадывать. Впрочем, Вуд и сам, похоже, понимал это, а потому лишь вздохнул и обошел еще пару раз вокруг кресла.

— Вместо занятий нам, конечно, никто не даст тренироваться. Но есть обед, которым можно пожертвовать, — задумчиво проговорил он.

— Ага, — хмыкнул Саша, — а еще завтрак, ужин и сон. Оливер, если мы будем тренироваться голодными и сонными, то много не налетаем, только хуже будет. Вымотаемся и на матче будем как тряпки.

— Согласен, — насупился Вуд. Ну и что делать?

— А зачем что–то делать? — ответил Саша вопросом на вопрос. — У нас и так достаточно неплохой режим тренировок. Должны вытянуть. Еще, конечно, все зависит от морального настроя команды. Постарайся хоть иногда не кричать, а хвалить. Я-то понимаю, что ты на взводе, но у нас в команде все–таки есть девчонки.

Вуд согласно кивнул и уселся в соседнее кресло.

— Слушай, я тут думал над новой тактикой, — проговорил он спустя пару минут молчания.

— Рассказывай, — махнул рукой Саша. — Все равно не спится.

За обсуждением тактики Саша и Оливер просидели до самого утра. Когда в гостиную начали спускаться первые ученики, Саша даже пожалел, что ночь так быстро закончилась. Обсуждение получилось действительно интересным, хоть он особенно и не болел квиддичем — играл себе, пока играется, прекрасно понимая, что квиддич в его жизни — явление временное. Пройдет еще пара–тройка лет, он исправит все ошибки и вернется домой, где вся магия будет казаться лишь сном. Веселым, интересным, чуточку опасным, но все же сном. Поэтому–то Саша и не видел для себя резона слишком уж чем–то увлекаться, и даже одергивал себя, когда какой–то предмет или занятие слишком затягивало его.

— Ты тут так всю ночь и просидел? — раздался у кресла недовольный голос Рона.

— Ну да, — кивнул Саша. — Не думал, что обязан перед кем–то отчитываться.

— Перебудил всех и свалил. Очень по–твоему, — проворчал

Рон.

— Что значит — «Очень по–моему»? — Саша заметно напрягся.

— А то, что ты у нас слишком хорош: индивидуальные занятия с преподавателями, квиддич с первого курса, метла из новых моделей. Полгода общения с дементорами только потому, что они, видите ли, твою персону от Блэка защищали. Конечно, можно орать среди ночи. Конечно, можно уйти, ничего не сказав.

— Да ты что? — саркастично выплюнул Саша. — В чем я еще виноват? Может, в твоей лени?

— Да пошел ты, — Рон развернулся по направлению к выходу.

— Я-то пойду, не переживай. Но сначала ты меня выслушаешь. Дементоров я ставить не просил — это инициатива министра. И — если ты не забыл — у меня с ними отношения, мягко говоря, не сложились. Кстати, как тебе тот факт, что опасным для общества оказался не Блэк, а кое–кто другой? Кое–кто, достаточно тебе знакомый. И ты, по крайней мере, рос с родителями. Так что если у тебя ко мне есть претензии, я их с радостью выслушаю и отвечу на каждую.

— Что за крики? — раздался с лестницы сонный голос Джинни.

— Крики? Какие крики? — деланно удивился Саша. — Никаких криков, дорогуша, просто оживленная дискуссия.

— И прекрати так общаться с моей сестрой!

— О, ты и впрямь так считаешь? — Саша криво усмехнулся. — Хорошо, больше не буду. Хотя я все–таки думал, что Джинни сама может сказать, если ее что–то не устраивает.

— Я могу! — подала голос Джинни.

— А вы можете кричать еще громче? А то не на всех этажах слышно, — Грейнджер, явно не особо выспавшаяся, спустилась по лестнице и теперь стояла рядом с Джинни.

— О, птичка, доброе утро. Серьезно не везде слышно? Какая жалость. А теперь я, пожалуй, пойду, пока не оказался виноват в том, что у Ронни не завязаны шнурки. Грейнджер? — он посмотрел на Гермиону, намеренно игнорируя стоящую рядом Джинни. Безусловно, последняя была ни в чем не виновата, но Саша подумал, что она может неплохо нажать на Рона, а потому изобразил безразличие. Впрочем, он не мог не заметить, что глаза у Джинни подозрительно начали краснеть, а это значило, что Саше впору смыться из гостиной, дабы не стать участником семейной ссоры. Тем более, что зачинщиком он уже стал.

— Да, иду, конечно, — огорошенная Гермиона спустилась по лестнице и первая вышла из гостиной. Саша выскользнул в

портретный проем сразу вслед за ней, но все же успел услышать громкий и злобный крик Джинни.

— Рональд Уизли, а ну–ка, стоять!

Портрет Полной Дамы встал на свое законное место, отрезав Сашу от происходящего в гостиной.

— Я полночи не спала, — сказала Гермиона, когда они спускались на завтрак. — Читала книги, которые могут помочь Клювокрылу.

— Ну–ну, — Саша кивнул, намеренно делая вид, что ссоры с Уизли только что не было.

— Так вот, мне кажется, тебе нужно письмо, — Гермиона сонно потерла глаза. — Письмо от дяди Вернона, что он не имеет претензий к Клювокрылу. Все–таки Малфой–старший абсолютно противозаконно сует нос в это дело. Хоть со стороны все выглядит довольно мило: меценат, заботящийся о благе героя–сироты. Но мы же оба знаем, каковы его истинные мотивы.

— Отлично. Когда надо это письмо? — кивнул Саша.

— Чем раньше, тем лучше.

— Тогда мне чем раньше, тем лучше нужна большая коробка сладостей.

— Но Хогсмид только через пару недель, не раньше, — вздохнула Грейнджер.

— Не забывай, птичка, у меня есть карта и мантия–невидимка, — Саша подмигнул и продолжил свой путь.

— Погоди, не поняла, что ты собираешься делать?

— Я рассматривал карту, на ней есть пара–тройка проходов из замка в Хогсмид. Проберусь туда, куплю пару коробок сладостей и отправлю дорогому Дадлику вместе с письмом. Письмо напишем сами, дядюшке Вернону останется только поставить на нем автограф, — Саша хохотнул. — Правда, изящное решение?

— Вполне, — согласилась Грейнджер, явно успокаиваясь. — Кстати, из–за чего вы с Роном поругались?

— Наверное, из–за того, что он идиот, каких поискать, — фыркнул Саша. — Так легко найти виноватого и свалить ответственность за свои неудачи на него.

— Ну, постарайся его понять, — мягко, но с легким нажимом произнесла Гермиона. — Живут они не слишком хорошо, он мечтает играть в команде.

— Его игра в команде от меня не зависит, — отрезал Саша. — У нас сыгранная сборная. Как можно выгнать кого–то ради того, чтобы взять Рона?

— Я это понимаю, — Гермиона вздохнула.

— Ну, тогда донеси это до него. У меня лично сил не хватит.

А насчет денег — знаешь, если бы не предусмотрительность Лили с Джеймсом, я бы таскал мантию еще хуже, чем у него и занимался бы по подержанным книгам. Если родителям Рона хочется дать ему магическое образование, то мои родственнички вообще не видели в этом смысла и планировали пристроить меня в самую обычную маггловскую школу. И желательно подешевле.

— Ладно, давай подумаем лучше о письме, — Гермионе явно не нравилось то, в какие дебри завел ее вопрос.

— А что тут думать? Ты наверняка видела в книге пример такого письма. Вот и напишешь, я отправлю, получу подпись Вернона, и передадим бумаженцию в Министерство. А то, что я сваливаю написание на тебя — так прости, у тебя почерк намного приятнее, чем мои каракули.

— Ох, надеюсь, это поможет, — улыбнулась Гермиона.

Саша выполнил свое обещание сразу же после вечерней тренировки. Правда, пришлось немного поднапрячься, особенно учитывая то, что Вуд отпустил команду практически за полчаса до отбоя. Зато еще перед тренировкой он все же выяснил у близнецов, каким ходом лучше воспользоваться, чтобы побыстрее добраться до Хогсмида — и получил больше, чем рассчитывал. Ход под статуей одноглазой ведьмы вел прямиком в «Сладкое королевство», чему Саша оказался несказанно рад.

Как только тренировка закончилась — а закончилась она достаточно позитивно, потому что Вуд принял рекомендации Саши и потратил добрых десять минут на то, чтобы расхвалить девчонок — Саша рванул в замок, даже не переодевшись. Набросив мантию–невидимку на грязную спортивную форму, он чуть ли не бегом добрался до нужной статуи. Оставив метлу у стены в самом начале потайного коридора, он засветил огонек на кончике палочки и торопливо пошел по коридорчику, искренне надеясь, что не переломает ноги. Впрочем, он даже умудрился ни обо что не споткнуться. Так что через каких–то десять минут он уже открывал люк «Сладкого королевства».

Потайной ход привел Сашу не в сам магазин, а, по всей видимости, в его подсобное помещение. Тут и там были расставлены коробки с товаром. Саша выбрал две ближайших коробки и быстро переставил их в потайной ход, после чего вытряс из кармана несколько звонких монет и положил их на то место, где стояли коробки. Саша не был вором, даже напротив — иногда он был слишком уж честным и принципиальным. Он представил реакцию хозяев магазина, когда они обнаружат пропажу, и докинул сверху пару сиклей. «За испорченную нервную систему», — сказал он сам себе. Хотя Саша и так оставил немного больше, чем стоили сладости. Он бы даже написал

записку, но ни пера, ни пергамента с собой не взял, да и времени у него было в обрез: рисковать, блуждая по замку после отбоя, да еще и с коробками из «Сладкого королевства» не очень хотелось. Хоть мантия–невидимка и не подводила его ранее, Саша решил, что не рисковать лучше, чем рискнуть и не попасться. Закрыв люк в полу подсобки магазинчика сладостей, он подхватил коробки и двинулся обратно.

В гостиную взмыленный Саша влетел буквально за минуту до отбоя и водрузил коробки перед Гермионой, которая нервно подскочила на месте.

— Я уж думала, ты не успеешь, — выдохнула она.

— Точность расчета, Грейнджер, — проговорил Саша, чувствуя, что слегка запыхался. При этом он вовсе не собирался ставить Грейнджер в известность о том, что пришлось слегка пробежаться. — Что с письмом?

— С письмом все прекрасно, — Гермиона продемонстрировала ему исписанный аккуратным почерком свиток пергамента. — Дело за подписью.

— Будет подпись, — махнул рукой Саша, и тут же на его плечо уселась сова. — О, ты уже и за Совуньей сходила? Я думал, до утра дело подождет.

— Я просто прикинула, — уверенно произнесла Грейнджер, — если она потратит ночь на дорогу, то успеет застать Дадли прежде, чем он отправится в школу. А значит, он успеет подписать наше заявление с утра и отправить его обратно.

— Согласен. Тогда в школу она вернется после уроков, перекусит, передохнет, и вечером мы отправим ее в Министерство.

— Да, и к следующему утру наше письмо будет уже там, как раз к началу рабочего дня. Если бы оно пришло к обеду или вечером, его рассмотрение отложили бы на один, а то и два дня. Так что мы выигрываем время.

— Отлично, Грейнджер. Хорошо прикинула. Я бы так не смог, — похвалил ее Саша и тут же услышал странный всхлип.

— Это Джинни, — проговорила Гермиона, наклоняясь к нему через стол, — они с Роном ужасно повздорили, и он опять запретил ей с тобой общаться.

— Детский сад какой–то, — фыркнул Саша. — Ладно, дай еще какой–нибудь кусок пергамента, надо изложить Дадлику наши требования.

Гермиона быстро протянула ему кусок пергамента и перо, а сама принялась стягивать коробки волшебным скотчем.

— Хоть бы это помогло, — пожал плечами Саша, дописав послание для Дадли.

— Я уверена, что поможет. Они должны принять во внимание мнение твоего законного опекуна.

— Там шуршит Малфой, не забывай, — Саша нахмурился, — так что в законности происходящего я сомневаюсь.

— Я тоже, Гарри, я тоже, — вздохнула Гермиона, выпуская в окно нагруженную сверх меры сову.

Часть III. Глава 20. О квиддиче, весне и сливочном пиве

Две недели пролетели как один день. Несмотря на достаточно выматывающий график тренировок и резко возросшее количество домашних заданий, он чувствовал себя довольно бодрым, и мог бы даже сказать, что все прекрасно, если бы не одно «но»: тот сон взял манеру повторяться как минимум каждую третью ночь. Саша никому об этом не рассказывал, чтобы окружающие не решили, что он окончательно съехал с катушек. Просыпаться он старался как можно тише, чтобы соседи по комнате ничего не поняли, тихо выскальзывал из спальни и коротал остаток ночи в гостиной, почитывая какую–нибудь книгу, догоняя домашнее задание, а то и вовсе читая материал, который им только предстояло пройти. Впрочем, он планировал наведаться в библиотеку после матча с Рэйвенкло. Вуд уже сказал, что после этого матча даст команде неделю передышки, и эту неделю Саша планировал посвятить изучению сновидений. Не с предсказательной точки зрения, разумеется.

Вечером накануне матча он отчетливо чувствовал, что в команде витают в некоторой мере панические настроения. Стук по стеклу окна гостиной прогремел, будто набат, и все вздрогнули.

— Это просто моя сова, было бы от чего дергаться, — проворчал Саша, открывая створку. Совунья принесла ему письмо от Сириуса, которое он тут же распечатал, забыв даже закрыть окно.

— Дует, — недовольно проговорила Анджелина и поежилась. Саша не обратил на это ни малейшего внимания, пробегая взглядом по строкам.

«Дорогой Гарри. Спешу сообщить тебе, что я уже приехал в Хогсмид и с нетерпением жду завтрашнего матча. Надеюсь, ты не слишком переживаешь. Сириус».

Саша хмыкнул, быстро нацарапал ответ и выпустил сову, после чего наконец закрыл окно.

— Извиняюсь, — ехидно проговорил он. — Так нормально?

— Да, спасибо, — кивнула Анджелина и снова повернулась к Фреду, с которым они вполголоса что–то обсуждали.

Саша кивнул и вернулся в свое кресло. Рон проводил его недобрым взглядом. С того момента, как они высказали друг другу претензии, ничего не изменилось. Рон так и продолжал на него злобно зыркать, Саша же, погруженный в свои дела, не

замечал этого. Мириться первым он не собирался. На Роне круг его общения не замыкался: он по–прежнему был в хороших отношениях с Дином и Симусом, частенько беседовал с Невиллом, Грейнджер насела на него с делом Клювокрыла и, похоже, не собиралась отставать. Кроме того, на нумерологии ему поручили проект, который нужно было выполнять с парнишкой–рэйвенкловцем, кажется, Терри. Так что от потери компании Рона Саша ни капельки не пострадал. Зато страдала Джинни. Ее вздохи уже порядком раздражали, вызывая желание пойти и настучать Рону по голове. Саша не знал, что именно ей наговорил братец, но Гермиона в очень приблизительных чертах это разведала, и была, мягко говоря, не в восторге. Однако в последнее время ее мысли были полностью заняты Хагридом и Клювокрылом, так что разбираться с семейными проблемами Уизли ей было попросту некогда.

— Птиц, что у тебя с заданием по нумерологии? — спросил Саша, оторвавшись от пергамента. Гермиона подняла на него задумчивый взгляд.

— А что с ним не так? — устало переспросила она.

— Ну вот, десятый номер. Не сходится с ответом, — Саша подавил в себе желание сплюнуть. Он бился над задачей уже полчаса, но она ему не давалась.

— В десятой? — Гермиона подтянула к себе учебник и пробежалась взглядом по десятой задаче. — Так здесь же Халдейская система. Девятка не считается.

— Черт, не обратил внимания, — Саша выдохнул и воздел глаза к потолку.

— Неудивительно, что после тренировки нумерология не идет. И вообще, шел бы ты спать, завтра матч.

— Вот нумерологию доделаю и пойду. Что там еще на неделе сложного планируется?

— У тебя — ничего, — проворчала Грейнджер. — Еще руника. Кто придумал это задание с разбором имени по рунному кругу? У тебя хоть имя небольшое, а у меня — просто беда. Еще и буква О.

— Ну, обозначь О как руну Одина, — пожал плечами Саша. — Ничего умнее мы все равно не придумаем.

— Точно! — Грейнджер хлопнула себя по лбу и с новой силой принялась водить пером по бумаге.

— Ладно, я отнесу книги в библиотеку, — Саша встал со своего места и поднял стопку книг, которую он принес днем ранее, когда готовил реферат по зельям. — Есть еще время до отбоя?

— Полчаса, — бросила Грейнджер, не отрываясь от работы. Саша кивнул и двинулся в сторону выхода, старательно избегая

взгляда Джинни.

Путь до библиотеки не занял много времени. В последние полчаса перед отбоем в школе было немноголюдно, что уменьшало возможность встретить кого–то, кто задержит разговором. Саша вошел в библиотеку и сложил книги на стойку к мадам Пинс.

— Я хочу отдать книги, — тихо проговорил он, и мадам Пинс сощурилась, придирчиво глядя на него. Видимо, подозревая Сашу в осквернении всех ее драгоценных книг, она пролистала каждый том, изучая его на предмет порванных страниц, чернильных пятен, жирных отпечатков пальцев и прочих улик, свидетельствовавших бы о непотребном обращении с книгами. Не найдя таковых, мадам Пинс удовлетворенно кивнула и отпустила Сашу. Он уже двинулся к выходу из библиотеки, когда заметил девочку, которая тащила к выходу непомерно большую стопку книг. В библиотеке было уже пусто, так что Саша терпеливо дождался, пока мадам Пинс перепишет книги в свой ветхий журнал и распахнул перед девочкой двери.

— Ох, спасибо, — выдохнула та.

— Да, в общем–то, не за что. Помочь?

— Пару книжек, если не сложно, — на лице у нее странным образом сочеталось желание принять помощь и стеснение. Саша забрал у нее практически всю стопку, оставив две самые тонкие книжки, и посмотрел на нашивку с орлом на ее мантии. Ни слова ни говоря, он направился вниз по лестнице.

— Эй, ты куда? — удивилась его новая спутница.

— В гостиную Рэйвенкло, куда ж еще. До отбоя совсем немного, так что сомневаюсь, что у тебя урок.

Девочка звонко хихикнула и пошла за ним следом.

Разговаривать с ней Саша не собирался, знакомиться тоже. Ему было о чем подумать. Прошло уже два дня без кошмаров, так что — если система, которую он вычислил, действительно работала — его ждала веселенькая ночка перед матчем. Впрочем, Сашина спутница и сама не собиралась нарушать молчание, что делало ей честь в определенном смысле.

Через несколько минут они уже стояли перед входом в гостиную Рэйвенкло.

— Спасибо, дальше я сама, — она мило улыбнулась и забрала у Саши книги. — Спокойной ночи.

— И тебе, — Саша пожал плечами и пошел в свою гостиную, засунув руки в карманы. Как она будет разбираться со входом в гостиную, его не волновало. Самой большой заботой был кошмар, возвращение которого Саша уже предвкушал.

К его вящему удивлению, ночь прошла спокойно. Видимо,

сознание настолько было загружено нумерологией и матчем, что вытеснило всяческие кошмары. Всю ночь Саше снилось, что он гоняется за снитчем, а его преследуют бородатые халдеи с криками: «Девятка не считается!»

— Ну, хоть не Пифагор, — выдохнул Саша, проснувшись поутру. Если бы во сне к нему явился сам основоположник нумерологии, он бы точно вместо квиддича направил стопы в больничное крыло, и даже причитания Вуда его не остановили бы.

День выдался достаточно погожим. Светило солнце, ветра почти не было, и Саша пружинисто шагал вместе со своей командой к раздевалке. Вуд был на удивление спокоен, и все единогласно сочли это хорошим знаком.

На трибунах Саша первым делом заметил Сириуса. И не он один.

— Это что, Блэк там, на наших трибунах? — удивленно спросила Анджелина.

— Ну да. Он вроде как мой крестный, вот я и пригласил его посмотреть игру, — Саша попытался придать голосу максимально равнодушную интонацию, хотя сам он непонятно почему ликовал. В кои–то веки кто–то на трибунах болел не за факультет в целом, а за него лично. Около Сириуса обнаружилась Гермиона, что–то увлеченно рассказывающая, и — к немалому удивлению — Рон с Джинни. Саше даже захотелось оседлать метлу раньше свистка, подлететь к трибунам и попросить Рона убраться подальше. Но он сдержался и перевел взгляд на стадион, чтобы не нервничать лишний раз. Но тут его тоже ждало удивление. Из раздевалки Рэйвенкло уже выходила команда, и Саша увидел среди них ту девчонку, которой помогал вчера с книгами. Она шла на месте ловца и, когда команда остановилась перед мадам Трюк, оказалась аккурат напротив Саши.

— Это и есть та Чанг, о которой ты говорил? — спросил Саша у Вуда.

— Да, — шепотом ответил Оливер. — Именно она. Нехорошо так говорить, но лучше бы она не успела восстановиться.

Саша кивнул и отвернулся от Вуда, снова встретившись взглядом с Чжоу, которая тут же ехидно подмигнула ему. Он, в свою очередь, коротко усмехнулся и впился взглядом в золотой снитч в руках у мадам Трюк.

Раздался свисток, и команды взмыли в воздух. Саша пару раз облетел поле кругом, понимая, что еще рано ловить снитч. Как они с Вудом и говорили, нужно было получше пройти по очкам, так что Саша пока просто выжидал, давая команде набить побольше голов. Так или иначе, он вмиг раскусил приемчики

Чжоу. Эта хитрая дамочка явно не собиралась искать снитч сама, а просто пристроилась за Сашей и с самым непринужденным видом нарезала круги над стадионом.

— Не хочешь сама попробовать поискать снитч? — крикнул Саша через плечо. Чжоу только хихикнула.

— А может, я хочу просто полетать? — лукаво усмехнулась она.

— Полетать? Ну хорошо, давай просто полетаем, — согласился Саша и набрал скорость. Чжоу устремилась за ним.

«Полетать хочешь? — смеялся Сашин внутренний голос. — Думаешь, я сделаю круглые глаза и исполню на метле ритуальный танец индейцев, когда увижу снитч? Ну–ну».

Но вслух он этого, конечно, не сказал, вместо этого он сначала долго и нарочито медленно летал вдоль трибун, пару раз махнул Сириусу, пару раз насладился тем, насколько кислая физиономия у Малфоя. Золотая вспышка сверкнула у ворот и пропала, но Саша не торопился, разворачивая метлу туда.

— Что это ты развернулся? — хитро прищурилась Чжоу.

— Меняю направление круга, — улыбнулся Саша. — А то у тебя еще голова закружится.

— Только не говори, что ты обо мне заботишься, — она улыбнулась, обнажая белые зубки.

— Ладно, не скажу, — пожал плечами Саша, медленно приближаясь к кольцам Гриффиндора. Ли Джордан, бессменный комментатор всех матчей, уже разливался в восторгах по поводу Кэти Бэлл и девятого гола гриффиндорской команды, а это значило, что с псевдоромантическими прогулками на метлах пора заканчивать. Снитч мелькнул у самого основания колец, и Саше совсем не нужно было, чтобы Чжоу его заметила.

— Прекрасная погода, мисс, не так ли? — улыбнулся он, широко поведя правой рукой и придерживая древко метлы только левой.

— Смотри не упади, — со смехом проговорила Чжоу, отбросив назад хвост волос.

— Как не упасть? Вот так? — Саша резко вильнул вправо, от чего Чжоу дернулась. — Или вот так? — такой же маневр, только влево, застал ее врасплох, и она нервно вздохнула.

— Никак не упади.

— Почему? — Саша пространно повел рукой и описал круг около Чжоу. — Прекрасная погода. Солнце, легкий ветерок. Почему бы не поваляться на травке?

Чжоу рассмеялась, запрокидывая голову назад.

— Дурак ты, Поттер, — сказала она, но весь ее сияющий вид говорил об обратном.

— Конечно, дурак, — широко улыбнулся Саша, облетев её еще раз. — А теперь еще и дурак со снитчем.

Он продемонстрировал Чжоу маленький золотой мячик, и увидел, как очаровательная улыбка сползает с ее лица.

— Он крутился у тебя за ухом, — добродушно пояснил Саша. — Я не говорил, что увязываться за мной — не самая лучшая идея, нет? Так вот, это была действительно не самая лучшая идея.

Где–то на трибунах разливалось ликование, Ли Джоржан объявлял счет, а Чжоу так и смотрела на Сашу обиженным взглядом.

— Прекрасный день, мисс. Мое почтение, — Саша отсалютовал ей снитчем, развернулся и поспешил к своей команде, которая уже приземлилась на стадионе и теперь ждала только его.

— Гарри, что ты с ней сделал? — удивленно спросил Вуд.

— Не слишком этично, зато действенно, — хохотнул Саша. — Немного заговорил зубы, не более.

С трибун уже бежали Гермиона, Рон и Джинни, а за ними свободной походкой шагал Сириус.

— Гарри, как ты его поймал? — выдохнул Рон.

— Я бы предпочел сначала услышать извинения, — безразлично проговорил Саша, стараясь не смотреть на него.

— Да хватит вам уже, — простонала Джинни, и бросилась обнимать Сашу. — Гарри, ты чуть не упал, я видела!

С другой стороны Сашу обняла Гермиона, а за ней на него налетела вся команда.

— Да он финтил, — усмехнулся подоспевший Сириус. — Финтил ведь, признайся.

— Да я как–то и не скрываю, — кивнул Саша.

— А что, дорогой крестник, будет у вас завтра поход в Хогсмид? — спросил Сириус, когда Саша наконец выпутался из объятий Джинни, Гермионы и всей команды. — А то я мог бы задержаться тут еще на вечерок.

— Будет, — кивнул Саша. — Как раз завтра мы должны идти в Хогсмид, так что если ты к нам присоединишься, буду только рад.

Все зрители потихоньку брели в замок, а команда пошла переодеваться. На поле оставались только Саша, Рон, Гермиона, Джинни и Сириус.

— Слушайте, такая погода. Давайте хоть у озера посидим, — предложил Сириус. — Тем более, у меня кое–что припасено.

Саша только теперь заметил пакет в руках у крестного, и поспешил заглянуть туда.

— Нормально так, — кивнул он, увидев около десятка бутылок сливочного пива. — Посидим. Сейчас только переоденусь.

Через полчаса они уже расположились на какой–то коряге у озера. Рон изо всех сил пытался казаться хорошим другом, отчаянно шутил и смеялся. Впрочем, победа и сливочное пиво привели Сашу в благостное расположение духа, так что его это почти не раздражало.

— Гарри, как ты думаешь, — начал вдруг Сириус. — Как твои дядя с тетей посмотрят на то, чтобы ты лето — или хотя бы большую его часть — провел у меня в гостях?

— О, весьма положительно, — улыбнулся Саша. — Думаю, мне придется зарулить к ним как минимум на недельку, а там уже хоть к черту в зубы. Очень уж мы друг друга любим.

Сириус рассмеялся, и смех его был похож на лай собаки.

— О, Сириус, а у вас есть камин? — спросил Рон.

— Есть, конечно, — кивнул Сириус. — И давай–ка на «ты», я все–таки еще не такой беспросветный старик.

— Я просто подумал, что нам с Гарри было бы намного проще ходить друг к другу в гости летом, ну, через камины. У меня около дома есть большое поле, где можно хоть целый день играть в квиддич. Ну, я имею в виду, — Рон замялся.

— Я сказала ему, что Вуд учится последний год, — призналась Гермиона, видя, что у Рона, покраснели уши и шея. — И поэтому он решил, что попробует попасть в команду. И он намекает, что хотел бы потренироваться, наверное.

— Отличная идея, — кивнул Саша. В конечном счете, если бы Рон попал в команду, то хоть от этого предмета зависти он бы уже избавился. — Погонять тебя? Без проблем. Привлечем еще Фреда с Джорджем. Думаю, они против не будут.

— Вы доучитесь сначала! — погрозила им пальцем Гермиона. — Гарри занимается, а вот у тебя, Рон, есть все шансы завалить экзамены.

Вся компания звонко рассмеялась, глядя на покрасневшего до корней волос Рона, а Саша подумал, что хорошо было бы всегда сидеть вот так, на старой коряге, пить сливочное пиво, смеяться над шутками Сириуса, подкалывать Рона и не думать ни о сбежавшем Петтигрю, ни о ночных кошмарах со змеей.

Часть III. Глава 21. Приговор

То ли то, что Гермиона пристыдила его в присутствии Сириуса, сыграло свою роль, то ли у Рона прорезалась совесть вперемешку со страхом быть отчисленным, но он взялся–таки за учебу. Вечером Рон уселся между Сашей и Гермионой и принялся за уроки, при этом пыхтя от натуги и вздыхая, что предметы слишком сложные, а объем заданий — неподъемный.

— Не поверишь, Рон, они всегда такими были, — фыркнул Саша. — Если бы кто–то меньше гонял в плюй–камни, мы бы сейчас этого не выслушивали.

— Да, Рон, — кивнула Гермиона, — давно пора было кроме развлечений подумать и об учебе тоже.

Рон с тоской посмотрел на стол в углу гостиной, за которым как раз развернулась партия игры в плюй–камни, и подчеркнуто сосредоточенно уставился в книгу, словно закрывая ту картину, что могла столкнуть его с праведного пути.

— И как должна выглядеть эта формула? — вздохнул он, возведя глаза к потолку и украдкой покосившись на Гермиону, которая ничего не заметила, увлекшись своими вычислениями по нумерологии. Зато — на его беду — заметил Саша.

— Отличный прием, Рон. Ты думаешь, кто–то тебе принесет схему трансфигурации на блюдечке с золотой каемочкой?

— Было бы неплохо, — рассмеялся Рон, и Гермиона, оторвавшись от своих рукописей, смерила его недоброжелательным взглядом.

— Жаль, что не прокатит у тебя этот фокус, — Саша покачал головой, — Гермиона этого еще не делала, а я не собираюсь давать тебе списывать. Просто из вредности.

Рон открыл было рот, чтобы возмутиться, но был прерван раздавшимся стуком. На карнизе окна сидела школьная сипуха и методично стучала клювом по стеклу.

— Кто это не мог до утра подождать? — буркнул Саша, а Гермиона встала со своего места и подошла к окну. Сова незамедлительно перелетела к ней на плечо, стоило только открыть створку. Гермиона отвязала письмо от лапы совы и распечатала конверт.

— Это от Хагрида, — удрученно проговорила она, пробежав взглядом по строкам, и в тоне ее Саша почуял неладное.

— Что там? — спросил он, уже предчувствуя ответ, и Рон тоже выжидающе уставился на Гермиону.

— Наша хитрость не сработала, — с горечью в голосе проговорила она. — Клювокрыла казнят.

— Что? В один голос переспросили Саша и Рон.

— Наше письмо, Гарри, — Гермиона грустно опустила голову.

— Да–да, я понял, что письмо, — перебил ее Саша. — Но почему оно не сработало?

— Ох, я не знаю, — Грейнджер издала звук, похожий на всхлип. — Хагрид не написал, почему.

— Тогда что он вообще написал? — Рон поморщился.

— Рон, не тупи, — простонал Саша, предчувствуя реакцию Грейнджер.

— Клювокрыла приговорили к казни! — взвыла та на всю гостиную, и все присутствующие неодобрительно на нее покосились.

— Так, успокоилась, живо, — Саша схватил ее за плечи и встряхнул. — Ты привлекаешь ненужное внимание.

Грейнджер захлебнулась рыданиями и уткнулась носом в Сашино плечо. Рон недоуменно смотрел на нее, не зная, что делать.

— Ронни, не стой столбом, — тихо бросил Саша. — Найди Джинни, она нам сейчас нужна.

Рон задумчиво обвел гостиную взглядом. Джинни обнаружилась в дальнем конце гостиной корпящей над докладом по зельям. По крайней мере, Саша видел в ее руках книгу по зельеварению, так что решил, что Джинни занята докладом. В любом случае, ей на это занятие оставалась отведенной ровно одна минута, потому что ее дражайший братец, Рон, уже двигался к ней, не видя ничего на своем пути. Об этом свидетельствовало то, что он сшиб пару кресел на своем пути. Саша чувствовал, как мантия на его плече стремительно намокает от слез Грейнджер. Он забрал из ее руки письмо и прочел строки, чернила на которых расплывались. Видимо, Хагрид и сам пролил над этим листом пергамента немало слез, а потом еще и Грейнджер добавила сырости. Но слова хоть и расплывались, саше удалось сложить их в предложения.

«Клювокрыла решили казнить. Спасибо, что пытались нам помочь. Лондон Клювику очень понравился».

— Гермиона, что случилось? — Джинни буквально силой оторвала ее от Саши.

— Клювокрыл, — коротко ответил вместо нее Саша, а Рон только мелко закивал, не прекращая при этом вздыхать.

— Пойдем, Гермиона, — Джинни взяла ее за руку. — Тебе надо успокоиться. Пойдем. Хочешь умыться? Я знаю, ты хочешь умыться.

Гермиона не отвечала, но вздрогнула и пошла за Джинни.

Саша рухнул в кресло и обхватил голову руками.

— Но почему, черт возьми? — пробормотал он, напрочь забыв о том, что Рон стоит рядом. — У них было письмо от моих опекунов. Так почему вынесен такой приговор? И вообще, почему никто даже не удосужился взять у меня показания?

— Я не знаю, Гарри, — Рон озадаченно почесал в затылке. — Я не силен в магическом законодательстве. Может, попробовать спросить у Сириуса?

— Сириус и магическое законодательство? — Саша расхохотался, вновь привлекая внимание остальных учеников. Теперь все, кто был в гостиной, смотрели на него, как на сумасшедшего. — Какая тонкая ирония, Ронни. Я от тебя не ожидал.

— Нет, Гарри, я серьезно, — Рон то ли надулся, то ли просто был настроен решительно.

— Правда? — Саша на миг призадумался. — Слушай, а ведь и реально. Можно попробовать. Сыграть на репутации несправедливо осужденного, например?

Рон смотрел на него с восхищением в глазах, и это вернуло Сашу к реальности.

— Нет, Рон. Это конечно все круто — то, что мы тут напридумывали, но во взрослом мире все может оказаться далеко не так радужно.

— Но спросить у него, что делать, мы можем? Просто спросить.

— Можем, — мысли в голове упорядочились. — Даже странно, что мы не сделали этого раньше. Почему мы вообще решили написать Дурслям? Ведь у меня же теперь есть еще и Сириус.

— Ну, думаю, ты еще не привык к этому, — у Рона неожиданно прорезалась рассудительность. — Дурсли были твоими опекунами целых двенадцать лет, а Сириус вошел в твою жизнь пару месяцев назад Естественно, что в первую очередь ты подумал о Дурслях.

— Для тебя нетипично, но в целом логика присутствует, — хмыкнул Саша. — И тем более, я что, зря покупал расположение Дадли?

— Ты просто веселился, играя на его жадности, — раздался над головой голос Гермионы.

— О, птичка, — Саша улыбнулся и обернулся. За его спиной стояли Гермиона с Джинни, мокрые, будто попали под ливень, но уже спокойные.

— Тебе лучше? — Рон заглянул в заплаканные глаза Грейнджер.

— Немного, — Гермиона выдавила слабое подобие улыбки.

— Знаешь, птиц, собирай–ка вещички и топай спать. Завтра сходим к Хагриду, поговорим с ним и выясним, что именно не понравилось судьям. Потом у нас запланирована встреча с Сириусом Блэком — ну, ты знаешь, он в курсе современной судебной системы. А еще он мастер по побегам, но, думаю, до этого не дойдет.

Гермиона вымученно рассмеялась и принялась собирать со стола свои вещи. Джинни на минутку отлучилась, но вернулась, сжимая в руках свою сумку, из которой беспорядочно торчали перья и пергаменты: видимо, Джинни просто ссыпала все в сумку, не особо заботясь о порядке.

— Пойдем, Гермиона, — она мягко взяла Грейнджер за руку.

— Спокойной ночи, девочки, — Саша слишком бодро махнул им вслед рукой.

— Ты напишешь Сириусу сейчас? — спросил Рон, когда девчонки удалились.

— Нет, Ронни. А смысл? Поговорим, как только станет понятно, почему письмо от Дурслей не возымело должного эффекта, — Саша захлопнул книгу по нумерологии и устало потер виски. — А теперь я пойду спать.

— Я посижу еще немного, — пробормотал Рон и уткнулся в учебник по трансфигурации.

В спальне мальчиков третьего курса Гриффиндора было тепло. За день солнце хорошо прогрело большую круглую комнату, а теперь здесь горел камин, поддерживая тепло и уют. Саша забрался под мягкое одеяло и моментально вырубился, стоило только его голове коснуться подушки.

Утро наступило раньше, чем думал Саша. Во всяком случае, по ощущениям прошло не более пяти минут. Казалось, он только–только откинулся на подушку, а вот уже настырный Рон стоит над душой и трясет за плечо.

— Гарри! Гарри, вставай. Нужно идти на завтрак, а сразу после него — к Хагриду.

— То есть варианта «Дать Гарри выспаться спокойно» не предвидится? — буркнул Саша, садясь на кровати.

— Но ты же обещал, — недоуменно развел руками Рон.

— Когда я обещал, я не говорил, что ради этого меня надо будить в восемь утра.

— Гарри, не будь занудой, — отмахнулся Рон. — Тем более, ты и сам прекрасно знаешь, что Гермиона не успокоится, пока мы все не выясним.

— Разбудил меня в восемь часов утра в воскресенье и требует не быть занудой. Логика есть? — Саша воздел руки к потолку и

сам же ответил на свой вопрос. — Логики нет.

Поворчав еще немного, он все же встал с кровати и принялся собираться на завтрак. Джинни и Гермиона уже ждали в гостиной.

— Почему вы так долго копались? — накинулась на них Грейнджер. — Скоро поход в Хогсмид, а нам еще надо наведаться к Хагриду.

Саша смерил ее самым недовольным взглядом и молча пошел к выходу из гостиной.

В Большом Зале еще никого не было, даже за преподавательским столом были свободные места. Саша с товарищами был чуть ли не первым, кто вошел в зал. Впрочем, сразу за ними вошла пара первокурсников с Хаффлпаффа, несколько незнакомых слизеринцев и Чжоу с подругой. Она махнула Саше рукой, и он ответил тем же, после чего занял всое место за столом и принялся сверлить взглядом пустую тарелку.

— Еще даже еды нет, — недовольно проворчал он. — Какой был смысл просыпаться в такую рань?

Стоило ему сказать это, как стол стал наполняться блюдами.

— Теперь доволен? — усмехнулся Рон.

— Вполне, — Саша взял кусок пудинга с общего блюда и даже подумал, что в ранних пробуждениях нет ничего дурного, когда Гермиона вдруг толкнула его в плечо. От неожиданности Саша выронил вилку и недовольно воззрился на Грейнджер.

— Птичка, блин! Мало того, что вы не дали мне поспать по–человечески, так теперь еще и поесть спокойно не даете. Чего тебе?

— Хагрид пришел, — выпалила Гермиона, кивнув в сторону преподавательского стола. Хагрид и впрямь протискивался к своему месту, стараясь не сшибить ничего на своем пути и не поднимая глаз.

— Ну и вид, — Саша покачал головой. — Такое ощущение, что он всю ночь напролет пил или плакал.

— Зная Хагрида — и то, и другое одновременно, — вздохнул Рон.

— Да как же вы не понимаете, — перебила их Гермиона. — нам не нужно никуда идти! Мы можем улучить момент и поговорить с Хагридом после завтрака. Сэкономим время.

— Ну да, логично, — Саша кивнул. — А теперь можно, я все–таки позавтракаю?

— Да, конечно, Гарри, — Гермиона улыбнулась и принялась набирать еду в свою тарелку.

Завтрак затянулся, только укрепив мысль Саши о том, что не было никакой необходимости так рано вставать. Сами они уже

позавтракали и теперь выжидали, пока трапезу закончит Хагрид. А он, судя по всему, с этим не торопился.

— Как бы нам его не упустить, — вздохнула Гермиона, и Саша с Роном бессовестно расхохотались в ответ на это заявление.

— Я бы еще понял боязнь упустить Флитвика, — простонал сквозь смех Рон. — Но Хагрида!

Саша и вовсе ничего не мог выдавить, хохоча почти истерически и разве что не икая от смеха.

Наконец, Хагрид встал со своего места и поплелся к выходу. Тут пришла Сашина очередь толкать Гермиону локтем. Все четверо быстро поднялись со своих мест и поспешили к выходу из зала.

В коридоре было не слишком людно. Те, кто позавтракали с утра пораньше, уже ушли собираться, а основная масса народа все еще была в Большом Зале, так что Саше и его компании не пришлось даже толкаться, пока они догоняли Хагрида.

— Хагрид, нам так жаль, — бросилась к нему Гемриона. За ней поспешили и Джинни с Роном, а Саша чуть замедлился, стараясь придать лицу как можно более скорбное выражение.

— Спасибо, друзья, спасибо, — Хагрид уже начинал всхлипывать. — Вы мне так помогли!

— А давайте все успокоимся и выйдем на свежий воздух, — громко предложил Саша, завидев выходящего из Большого Зала Малфоя. Вся компания, на удивление, его послушала, и через пару минут они уже выходили во внутренний дворик школы.

— А теперь объясни. Почему не подействовало мое письмо? — Саша внимательно рассматривал Хагрида, щурясь от яркого весеннего солнца.

— Судьи сказали, что Дурсли твои не понимают всей опасности, — всхлипнул Хагрид. — Мол, магглы они, гиппогрифов не видали, не осознают все опасности. А Люциус–то Малфой еще и такую волынку завел, дескать, я тебя и Дурслей твоих запугал.

— Ладно, разберемся, — Саша поморщился.

— Когда разберемся? Клювокрыла решено казнить, — взвыл Хагрид так громко, что с ближайших деревьев вспорхнули птицы.

— Насколько я знаю, — робко начал Рон, — точнее, ну, отец рассказывал. Есть такая штука, как апелляция.

— Вот именно, — Саша хлопнул Рона по спине, от чего тот закашлялся. — Подадим апелляцию, найдем более весомые аргументы.

— И когда вы их найдете? — с безнадежностью в голосе спросил Хагрид.

— А вот сейчас и начнем искать, — решительно произнес Саша. — Иди, отсыпайся, а мы за аргументами.

Хагрид на радостях обнял всех четверых до хруста костей и потопал к своей хижине.

— Ну, и где ты собрался брать аргументы? — недоверчиво покосилась на Сашу Гермиона.

— Как это — где? В Хогсмиде, разумеется. Если ты не забыла, нас ждет мистер Сириус Блэк, так что марш собираться.

Рон с Гермионой наперегонки припустили к замку, а Джинни так и осталась стоять посреди внутреннего дворика.

— Опять раскисаешь? — Саша строг посмотрел на нее. — Не куксись, Джинни. Осталось всего ничего, и будешь ходить в Хогсмид с нами. Хочешь, я тебе что–то куплю?

— Да я туда не за покупками хотела ходить, — проговорила Джинни, еле сдерживая слезы. — Не за покупками, а с вами!

Саша посмотрел в глаза, начинавшие наполняться слезами, приобнял Джинни за плечи и медленно повел к замку.

— Слушай, серьезно, я бы тоже не пошел, но сегодня надо встретиться с Сириусом. Это поможет Хагриду, понимаешь? Но я обещаю, что в следующий раз останусь в школе. Идет?

Джинни просияла и кивнула.

— А теперь пойдем. Меня уже ждут Рон с Гермионой, а тебе, — он замялся, — а тебе нечего тут самой стоять, мало ли какая слизеринская гадость выползет.

В Хогсмид шли бодрым шагом. Саша даже подумал, что чересчур бодрым, и постоянно одергивал Гермиону, которая, казалось, готова была бегом бежать. Поэтому к «Кабаньей голове» они пришли весьма взмыленными и запыхавшимися.

— Все, Грейнджер, можешь не лететь, — выдохнул Саша. Погода была уже весенней, и он жалел, что надел лишний свитер. Но Гермиона его будто не слышала, решительно распахнув двери. Саше и Рону ничего не оставалось, кроме как следовать за ней.

Сириус уже сидел за одним из столиков. Перед ним стояла чашка ароматного кофе. Трактирщик, протиравший грязной тряпкой засаленную стойку, смерил вошедших неодобрительным взглядом, но смолчал.

— Доброе утро, — улыбнулся Сириус, сверкнув белозубой улыбкой. — Долго рассиживаться не будем, а то старина Аб опять начнет бубнить, что я развращаю молодежь. И, в принципе, я с ним согласен: его заведение хоть и отличается лояльностью к посетителям, это все же не лучшее место для юных волшебников вроде вас.

— Но здесь никому нет дела до того, что мы хотели бы с тобой обсудить, — прищурился Саша. — А наш вопрос как раз

требует минимального количества осведомленных в нем лиц.

— Гарри? — Сириус удивленно воззрился на него.

— Все законно! — Саша поднял руки в предупреждающем жесте.

— Тогда рассказывай, — сдался крестный.

Саша, Рон и Гермиона заговорили наперебой, и чем больше они рассказывали, тем сильнее мрачнел Сириус.

— Узнаю руку Малфоев, — рычащим голосом проговорил он, когда Гермиона рассказала о письме Хагрида и о грядущей казни.

— Что думаешь, Сириус? Можно что–то сделать? — Саша переклонился через стол.

— Можно–то оно можно, — покачал головой Сириус. — Я только одного в толк не возьму, почему вы мне сразу не написали? Почему обратились к Дурслям.

— Не подумали, — Гермиона понурила голову и всхлипнула.

— Ну, полноте, — махнул рукой Сириус. — Казнь не сегодня, можно еще побороться.

— Так ты поможешь? — обрадовано спросила Гермиона.

— Конечно. В конце концов, с Хагридом дружите не только вы. У нас с ним долгая история, — Сириус подмигнул и одним глотком осушил свою чашку. — А теперь — гулять.

Саша, Рон и Гермиона бросились к выходу, а Сириус немного задержался у стойки, рассчитываясь за кофе.

— Что я говорил, птичка? — усмехнулся Саша. — Сириус мировой мужик, он поможет.

— Хотела бы я на это надеяться, — вздохнула Гермиона. — Хотела бы я на это надеяться.

Часть III. Глава 22. Последний матч Оливера Вуда

После заверений Сириуса в том, что он поможет с Клювокрылом, Гермиона заметно успокоилась и снова с головой ушла в учебу. Тем более, что близились пасхальные каникулы, которые были для нее своеобразным маяком. Саша уже заметил, что после пасхальных каникул Грейнджер начинает сходить с ума по поводу экзаменов. А в этом году, когда у нее добавилось предметов, сумасшествие грозило стать еще сильнее. Уже за неделю до каникул напряжение при общении с Грейнджер начинало ощущаться. Она зарылась в нумерологические таблицы с головой, и Саша думал, что на остальных предметах ее ждет провал, и даже приготовился прикрывать ее задницу. Но Гермиона принесла на зельеварение настолько длинный и подробный реферат, что Саша заподозрил неладное. Самым логичным, что он смог сделать, чтобы подтвердить или опровергнуть свои догадки — это перехватить Герйнджер после занятия, когда Рона на пару с Симусом оставили отмывать кабинет зелий: они умудрились взорвать котел, и Саша счел это достаточно справедливым взысканием.

— Грейнджер, дорогая, — проговорил Саша, осторожно беря ее под локоток. — Ты угробила вчерашний вечер на нумерологию, я сам видел. Откуда доклад по зельям?

Грейнджер ничего не ответила, только ускорила шаг.

— Кто–то не сдал маховик?

— Ох, пожалуйста, не здесь, — полушепотом проговорила Гермиона, кивнув на идущих правее Лаванду и Парвати.

— Но я прав, — Саша улыбнулся. — Где пряталась?

— В библиотеке, — нехотя призналась Гермиона.

— Почему ты его не сдала? — Саша настаивал на своем. — Ты развязалась с предсказаниями, почему ты его не сдала?

— У меня совпадали не только предсказания, — пояснила Гермиона. — По времени у меня пересекались еще рунология и маггловедение.

— Зачем тебе маггловедение? — Саша поморщился.

— Понимаешь, — начала Гермиона.

— Понимаю, приятно быть самой умной, — фыркнул Саша. — Ты и так на каждом предмете самая умная. А на маггловедении ты, наверное, разбираешься в предмете лучше преподавателя. Приятно, да? Или Дамблдор дал тебе ставку и ты бегаешь на маггловедение в качестве преподавателя?

— Глупостей не говори, — Гермиона прыснула от смеха.

— Так откажись от маггловедения, — Саша пожал плечами.

— Наверное, придется, — вздохнула она. — С этими прыжками во времени голова совсем не варит. Но есть один плюс.

— Можно возвращаться во времени и доделывать домашку, — подсказал Саша.

— Точно, — Гермиона улыбнулась.

— Ты представляешь, как ты перегружаешь мозг? Грейнджер, это не шутки.

— Знаю, — она вмиг посерьезнела. — Я обещаю, что откажусь от маггловедения. Сразу же после экзамена пойду и откажусь.

— Грейнджер, мне глубоко фиолетово, откажешься ты или нет, это твои мозги и твой будущий нервный срыв. Но если ты попадешься, влетит не только тебе. Маховик ведь не в свободном доступе, я угадал? Или их можно запросто купить в Косом Переулке?

— Ты прав, — Гермионе этот разговор явно не нравился. — Маховики выдаются в Министерстве. МакГонагалл выбила один для меня. Ты даже не представляешь, сколько сил мы потратили на то, чтобы убедить Министерство в моей исключительной благонадежности.

— И тем серьезнее будут проблемы, если ты на чем–то проколешься, — пропел Саша прямо ей в ухо. Гермиона вздрогнула.

— Да–да, я знаю. Я откажусь после экзамена, честно.

— Рад, что ты это понимаешь, — Саша улыбнулся и ускорил шаг. У него были и свои заботы.

Кроме надвигающихся экзаменов, о которых Саша предпочел бы вовсе не думать, близился матч со Слизерином, из–за которого Вуд просто взбесился. А взбесившийся Вуд кого угодно мог довести до нервного срыва. Не ранее, чем перед зельеварении, Вуд поймал его в коридоре и заговорил разве что не до смерти. Именно поэтому вместо игл дикобраза он по ошибке растолок в ступке иглы нагла. А потом по глупости подставил эту ступку Рону под руку. И, конечно же, Рон перепутал ступки. Саша понимал, что должен чувствовать себя виноватым. Но совесть молчала. Напротив, он искренне считал виноватым Вуда, и только его. Хотя какой–то неприятный червячок все же грыз его изнутри. От этого у Саши категорически испортилось настроение, и он нашел единственный доступный выход для своего раздражения — прочитал нотацию Грейнджер. Впрочем, к тому моменту, как Саша вышел из подземелий, он уже и об этом жалел. В конце концов, Грейнджер могла подумать, что для него это имеет значение.

— Гарри! — раздался откуда–то слева голос, и он вздрогнул.

— А, Кэти, это ты, — выдохнул Саша.

— Нервничаешь, да? — Кэти криво усмехнулась. — Вуд совсем допек?

— Поймал меня перед зельями, рассказывал про распасовку. Я не думал, что меня можно перепутать с Анджелиной.

— А мне советовал тренировать удар левой рукой, — хихикнула Кэти. — Я больше похожа на Фреда или на Джорджа?

— Сама у него спроси. А вот и он, — Саша указал рукой в конец коридора, где уже замаячила макушка Вуда. — Было приятно поболтать, но мне пора.

Саша бегом бросился в сторону Большого Зала.

— Нет уж, мистер ловец, подожди меня! — крикнула Кэти и бросилась за ним следом.

— Гарри! Кэти! — донесся до них крик Вуда, но они уже мчались со всех ног по лестнице и останавливаться не собирались.

Впрочем, на вечерней тренировке Оливер отыгрался на всех. Как оказалось, в разное время от него спаслись позорным бегством все без исключения члены команды, за что Вуд устроил долгий и крайне детальный разбор полетов, а под конец еще и показательно обиделся. Хотя долго его обида не продлилась: как может капитан молча летать около ворот, когда команда, оказывается, может играть и без его ценных указаний. Это уже потом, после тренировки к Оливеру пришло осознание того, что они точно следовали его же собственной тактике.

— Ладно, ребят, извините, — сказал Оливер уже в гостиной, когда они вернулись со стадиона. — Вы все молодцы. Просто это моя последняя игра, и мне очень хотелось бы окончить ее победой.

— Не переживай, Оливер, — рассмеялся Фред.

— Мы тебе устроим такую последнюю игру, что ты ее вовек не забудешь, — поддакнул Джордж.

— В хорошем смысле, — подытожил Саша, заметив, как побледнел Оливер от таких слов. Девчонки–загонщицы бросились его обнимать, от чего Вуд уже через минуту сиял, как новенький галеон.

Всю оставшуюся до матча неделю было решено посвятить тренировкам. Оливер фактически озверел, и это озверение передалось команде. Не иначе как воздушно–капельным путем. Тренировались до упаду, до полного изнеможения, до ломоты в мышцах. Саша поначалу думал, что до добра это не доведет: они все умотаются за неделю, и к матчу будут походить на вареные овощи, не способные пошевельнуть ни рукой, ни ногой.

Самая ужасная тренировка у Гриффиндорской команды получилась в четверг. Саша вымотался настолько, что не нашел в себе сил спешиться с метлы. Гудящие ноги его просто не слушались. Тогда он снова поднялся в воздух и просто полетел к замку. Найдя окна своей гостиной, он завис на месте и несколько раз стукнул по стеклу, при этом моля всех существующих и несуществующих богов, чтобы этой выходки не заметили преподаватели: Саша запамятовал, является ли вход в гостиную через окно грубым нарушением.

Окно открыла Джинни и недоуменно уставилась на Сашу.

— Открой пошире и отойди, — бросил он, выходя на разворот.

Джинни распахнула створку настолько, насколько позволяла обстановка, и послушно отошла. Саша прямо на метле влетел в окно, завис над одним из кресел, перевернулся спиной вниз, разжал руки и упал прямиком в плюшевые объятия подушек.

— Ну ты даешь, — выдохнул Рон, оторвавшись от какого–то эссе. — Ничего, что дверь есть?

— Рон, иди ты, — огрызнулся Саша. — Эти тренировки меня доконают.

— Может, чем–то помочь? — участливо спросила Джинни.

— Да, спасибо, что спросила. Будь добра, отрежь мои ноги и положи на полочку. Я потом заберу.

Джинни и Рон уставились на него, как на ненормального, и даже Гермиона оторвалась от работы.

— У тебя нездоровый вид, — заключила она. — Может, стоит сходить в Больничное Крыло?

— Милая Грейнджер, для меня слово «идти» и любые его производные сейчас являются ругательными, — Саша смог изобразить улыбку. — Угадай, как далеко я тебя пошлю, если еще раз такое услышу.

— Ну, если хочешь, я схожу, — предложила Джинни. — Попрошу у мадам Помфри какое–нибудь зелье от боли в мышцах.

— Буду премного благодарен, — Саша свесил руку с кресла.

Джинни бегом выскочила из гостиной, но в этот момент вернулась вся команда. Анджелина и Алисия непонимающе уставились на Сашу.

— И как ты умудрился? — задала Кэти вопрос, который читался в глазах у остальных членов команды. — Ты еще летал, когда мы уходили со стадиона.

— Через окно, — пояснил вместо Саши Рон. — Влетел через окно, будто так и надо.

— Чего мы–то не сообразили? — удрученно спросил Фред и рухнул в одно из кресел.

— То есть, ты думаешь, это нормально? — вскинулся Рон.

— Вполне, — хохотнул Фред.

— Если бы ты только что тренировался с нами, ты бы вообще влетел сразу в спальню, — добавил Джордж. — Кто как, а мы завтра так и сделаем.

— Это вряд ли, — подал голос Вуд. — Завтра сделаем передышку перед матчем. В субботу мне нужна сильная команда, а не тряпки на метлах.

— Вот за что я люблю Оливера, так это за умение вовремя, — простонал Фред и забросил ноги на спинку кресла, свесив голову вниз.

Через несколько минут Джинни вернулась из Больничного Крыла с большой банкой согревающей мази для мышц. Она никак не ожидала того, что к этому моменту в гостиной будет очень много желающих запустить руку в спасительную баночку. Так или иначе, ее ждал невероятно теплый прием.

Как бы ни парадоксально это было, Вуд действительно отменил пятничную тренировку. В силу этого вместо того, чтобы выкладываться на стадионе, вся команда устроила в Башне форменное бесчинство. Особенно старались Фред с Джорджем, которые просто орали как ненормальные, цеплялись ко всем подряд и вообще бесцельно перемещались по гостиной. Вуд просто ушел к себе в комнату, когда начался балаган. Анджелина, Алисия и Кэти хохотали надо всем, что видели, и в этом смехе было что–то истерическое. Весь факультет вслед за командой решил предаться безделью. Даже Гермиона отложила в сторону огромный том «Современной рунической науки» и с улыбкой наблюдала за остальными. Рон, почуяв вседозволенность, рванул к игрокам в плюй–камни. И только Саше было не до веселья. С самого утра его мучила невероятно противная головная боль. Посидев в гостиной с полчаса для проформы, он поднялся в спальню, разделся, лег в кровать и вырубился.

Трава была высокой. Она гладила холодную кожу, она ласкала живот теплом, накопленным за день. И все же она шелестела, и этот звук выдавал Его в ночной тиши. Но и в этой густой траве были прогалины. Иногда на такую прогалину выскакивала мышь, и тогда Он замирал, давая ей возможность почувствовать угрозу. Но глупые создания не видели и не чувствовали притаившейся в траве угрозы. Он выжидал еще миг, а затем делал молниеносный бросок, гибельный для глупых зверушек. И тогда над травой звучал коротки отчаянный писк. Последний писк бесполезной угасающей жизни, после которого наступала тишина. И лишь шорох травы звучал под бездонным весенним небом. Он не чувствовал ни отвращения, ни сожаления,

лишь необходимость. Жестокая, несущая боль необходимость, требование этого тела — не более. И Он упивался этими маленькими, незначительными смертями, не чувствуя ни жалости, ни раскаяния, лишь удовлетворение. Эти мучения теплых беззащитных комочков делали Его еще более безжалостным, еще более хладнокровным, и к тому же, они приносили чувство сытости этому телу. А уж за сохранность этого тела Он пока что переживал.

Неподалеку раздался шорох, и Он вновь замер. На очередную прогалину выскочила мышь. Даже не мышь, а крыса. Он уже приготовился к броску, но этот зверек, очевидно, Его заметил. Повернувшись туда, где затаилась ее верная смерть, крыса повела носом и внезапно поднялась на задние лапы, выставив перед собой передние. На одной не хватало пальца. Он никогда еще не видел, чтобы жертва смогла не только почувствовать Его присутствие, но и точно определить, где Он. Ему подумалось, что с этой крысой происходит что–то странное, и решил проверить свою догадку. Он вырвался из тела и бросился к крысе бесплотным облаком, желая завладеть этим юрким маленьким тельцем, но наткнулся на незримый блок.

Этого просто не могло быть. Невозможность такого развития событий ввела Его в ступор, и Он завис над поляной в полном недоумении. И только раздавшееся тихое угрожающее шипение вырвало его из этого состояния. Змея, оставленная без Его контроля, поддалась своим инстинктам и теперь готовилась к броску. Он налетел на нее подобно дуновению ветра, овладевая ее сознанием, вынуждая ее успокоиться и отложить нападение до тех пор, пока Он не выяснит, враг перед ним или друг. Он распахнул змеиную пасть, вынуждая того, кто был перед ним, раскрыть свою истинную суть. Крыса вытянулась на задних лапах и начала расти. Прошло чуть больше минуты, и посреди поляны стоял человечек с бегающими глазками.

— Я нашел вас, мой Лорд, — проговорил он, опускаясь перед змеей на колени.

— Ебучий случай, — выдохнул Саша и резко сел на кровати. Недовольное мяуканье и глухой удар оповестили о том, что Живоглот рухнул на пол.

— Совсем с ума сошел? — проворчал Рон сквозь сон, и Саша молча встал с кровати.

В гостиной было тихо. Камин лениво разгорелся, плюнув в воздух искрами. Саша сел в кресло и нехотя посмотрел на часы.

— Половина четвертого, — выдохнул он. — Вот и выспался перед матчем.

Тепло камина успокаивало после кошмарного сна. Саша

проваливался в тягучую полудрему. Мозгом он понимал, что если он задремлет сейчас в кресле, к утру спину будет сводить болью, и он не то, что на метлу — за стол сесть не сможет. Если, конечно, вообще доползет до Большого Зала. В спальню же возвращаться не хотелось еще сильнее, чем терпеть боли в спине. Как будто подушка могла хранить остатки того жуткого сна. Не придумав ничего лучше, Саша собрал со всех кресел пледы и маленькие декоративные подушки, соорудил на полу пере камином лежанку и уснул в этом своеобразном «гнезде».

Проснулся он, как ни странно, в приподнятом настроении и сразу встал, не дожидаясь, пока кто–то из студентов об него споткнется. Как оказалось, вовремя.

Он даже не успел разложить по местам все пледы и подушки, когда в гостиную начали спускаться его товарищи по команде.

— Быстро завтракаем и идем на поле, — скомандовал Вуд вместо приветствия. — Выясняем погодные условия — и в бой.

Судя по лицам, остальные игроки старательно делали вид, что разделяют его энтузиазм.

— Дайте только одеться, — бросил Саша и поплелся в свою спальню.

К его радости все еще спали. Саша здраво рассудил, что не хочет сейчас оправдываться за ночные выкрики, а посему до игры им с соседями по комнате лучше не пересекаться. А после матча, чем бы он там ни завершился, про Сашины крики все равно никто не вспомнит: в случае победы в гостиной должны были закатить бурную вечеринку. В случае поражения про Сашины истерики тоже никто бы не вспомнил. Скорее всего потому что в случае поражения все бросились бы спасать Вуда от самоубийства. В любом случае, до игры с соседями пересекаться не стоило. И Саша успешно с этим справился: он оделся так быстро, что получил бы высший балл от заведующего военной кафедры, если бы конечно, был в институте. Но он был в Хогвартсе, и оценить его скоростной сбор было некому.

Впрочем, это оценил Вуд.

— Молодец, а ты быстрый! — воодушевленно проговорил он, когда Саша спустился в гостиную в квиддичной форме и с метлой наперевес. — Все учитесь у Гарри!

Команда тяжело вздохнула и поплелась к выходу из гостиной.

Погода выдалась невероятно удачной. Солнечный и почти безветренный день был идеален для квиддича.

— Налетать лучше со стороны солнца, я думаю, — бросил Саша Оливеру.

— Молодец, Гарри, только хотел сказать, — Вуд широко улыбнулся и повернулся к команде. — Все поняли? Подлетаем со

стороны солнца.

— Да, Оливер, мы поняли, — протянули хором Фред и Джордж, и их тон подозрительно был похож на то, как они разговаривали с матерью. Девчонки–охотницы промолчали, но их красноречивые взгляды сказали все лучше самых громких слов.

Впрочем, на скандалы времени не оставалось: шум на стадионе нарастал, становился все громче, прокатывался волнами по трибунам. Зрители стекались из замка, и матч должен был вот–вот начаться. Саша осторожно выглянул из раздевалки и потерял дар речи: казалось, на стадионе полыхал пожар — столько красного было на трибунах. По случаю финального матча другие факультеты облачились в цвета поддержки, и красный явно превалировал. Зеленый островок смотрелся жалко в бушующем море красного.

— Все готовы? — голос Оливера дрогнул.

— Готовы, — одновременно выдохнули все остальные.

— Ну, Мерлин нам помогай, — выдохнул Вуд, решительно распахнул двери и вышел на стадион.

— Сборная Гриффиндора выходит на поле, — прокатился над стадионом магически усиленный голос Ли Джордана. Возможно, он хотел еще что–то сказать, но конец фразы утонул в реве болельщиков. В орущей и беснующейся толпе Саша нашел своих. Это было несложно на трибуне около них сидел Хагрид. Рядом обнаружились Рон, Невилл, Дин и Симус с флажками, Джинни и Гермиона, размахивающие факультетскими шарфами, а еще — Сашино сердце сделало кульбит — Сириус. Увидев крестника, он взмахнул палочкой, и над их трибуной развернулось неимоверных размеров алое полотнище с золотым львом. Толпа взвыла еще громче.

На поле вышла команда Слизерина, но Саша даже не смог расслышать, как Ли объявляет их выход — такой шум создавали болельщики Гриффиндора.

Четырнадцать метел поднялись в воздух по свистку, и Саша занял свою привычную позицию, зависнув выше других игроков. Он прекрасно помнил наставления Вуда: не трогать снитч, пока отрыв в пользу Гриффиндора не будет равен хотя бы пятидесяти очкам.

— Спиннет, Уоррингтон, бладжер Джорджа Уизли, Джонсон! — от голоса Ли Джордана Саше было немного не по себе. — Джонсон выходит один на один с вратарем, и… Есть! Десять ноль в пользу Гриффиндора.

— Давайте, набейте побыстрее, я поймаю снитч и покончим с этим, — проворчал под нос Саша.

В следующие несколько минут на поле творилось что–то

невообразимое: охотники учинили самую натуральную бойню за квоффл, причем если охотницы Гриффиндора еще держались в рамках правил, то слизеринцы обнаглели вкрай, в пылу борьбы хватая девчонок то за руки, то за ноги, то за головы, то за метлы. Загонщики не отставали, «путая» с бладжерами игроков. Мадам Трюк назначала пенальти за пенальти, толпа ревела так, что комментарии Ли Джордана расслышать было просто невозможно. Саша пытался сам подбивать счет, но необходимость следить за тем, чтобы Малфой не обнаружил снитч раньше него, здорово сбивала с толку. Впрочем, у Саши был запасной план. Малфой висел в воздухе аккурат напротив него, выжидая, когда же он заметит снитч. Саша усмехнулся. «Ничему его не учат поражения других команд», — мелькнула в голове шальная мысль, и Саша сорвался с места. Малфой тут же бросился за ним. Все финты, которые Саша отрабатывал на тренировках, нашли теперь свое применение. Он резко входил в пике, разгонялся и резко разворачивался прямо у трибун, проносился перед бладжером в последний момент. И все это с единственной целью: до предела вымотать Драко Малфоя.

— Что ты делаешь, Гарри? — крикнул Вуд, когда Саша на бешеной скорости облетел кольца ворот.

— Снитч ловлю, — достаточно громко крикнул Саша, надеясь, что Малфой его услышал.

Судя по тому, как неотрывно за ним следовал Малфой, все было понятно и без слов. Сашин ответ его раззадорил еще сильнее, и теперь глаза Малфоя горели просто–таки бешеным огнем. А Саше только этого и хотелось. Он уже давно заметил, что Малфой, потеряв самообладание, начинает допускать ошибки.

Мадам Трюк назначила еще пенальти за то, что кто–то из слизеринских загонщиков «перепутал» Кэти Бэлл с бладжером. Бедняжка выполнила бросок, держась за ребра, после чего побледнела и начала медленно опускаться на поле. Саша краем глаза увидел мадам Помфри, сбегающую с трибун и озверел. А в моменты злости он, в отличие от Малфоя, становился невероятно собранным, а действия доходили до автоматизма. Саша прищурился, вглядываясь вдаль, а затем рванул на всех парах к слизеринским кольцам. Малфой пристроился ему в хвост, а на подлете к кольцам и вовсе поравнялся с Сашей. Лицо его выражало злобное удовлетворение своим превосходством, а глаза блестели от предвкушения триумфа. Однако он допустил одну большую ошибку: поравнявшись с Сашей он смотрел ему в глаза, скаля зубы в издевательской улыбке и совершенно не глядя при этом вперед. Поэтому он не сразу понял, почему в какой–то

момент Саша хитро подмигнул и вильнул вправо. Когда же он сообразил, что что–то нечисто, было уже поздно. Этот хруст Саша услышал даже сквозь вопли болельщиков. Он поднял голову, чтобы кивнуть Сириусу, и чуть не ахнул. Аккурат над центром поля кружила его добыча — маленький золотой мячик. Анджелина пробила по воротам Слизерина, и Саша наконец–то услышал счет: сто двадцать — шестьдесят. Он стремительно рванул вверх.

Казалось, мир содрогнулся от торжествующего крика, донесшегося с трибун, когда пальцы ловца Гриффиндора сомкнулись на золотом мячике. А затем Саша словно оглох. Остался только гул крови в ушах и бескрайнее ослепительно–синее небо. В таком оцепеневшем состоянии он и начал спускаться в бушующее красно–золотое море болельщиков.

Часть III. Глава 23. От сессии до сессии…

Эйфория от завоевания кубка по квиддичу не спадала еще долгих три дня. Особенно долгими они показались Саше, который сбросил квиддич со своих плеч и теперь вознамерился ударно потрудиться на благо своего магического образования. Но, видимо, остальные его соученики не разделяли этого мнения, а потому каждый обитатель башни Гриффиндора, будь то первокусник, семикурсник или, прости, Мерлин, призрак считали своим святейшим долгом отнять минимум десять минут времени рассказом о том, как именно они восхищены Сашиным талантом ловца. Если в вечер после матча это еще было уместно, то на следующий день, это немного стало неприятно, еще через день начало раздражать, а на третий откровенно взбесило.

— Слушай, а ты нумерологию на третьем курсе как сдавал? — спросил Саша, особо не пытаясь скрыть злости, когда здоровенный шестикурсник выхватил у него учебник, захлопнул его и принялся живописать все прелести пикирования.

— Я не помню, — пацан почесал в затылке и на секунду задумался, после чего на него снизошло озарение. — А, так я же не сдавал нумерологию.

— Понимаешь, в чем фишка, друг? — Саша прищурился, что любому, кто достаточно долго его знал, этого было бы достаточно для того, чтобы закрыть рот и убраться подальше. В идеале — на соседнюю планету.

— В чем? — пацан явно не осознавал своей ошибки.

— А в том фишка, дружище, — голос Саши сочился ядом, — что если я сейчас не дочитаю этот чертов параграф про неопифагорейцев, у меня есть все шансы тоже не сдать нумерологию. Но с той маленькой поправочкой, что если ты этот курс не проходил как таковой, то у меня он есть. И, черт возьми, я совершенно не собираюсь оставаться на второй год или отрабатывать то взыскание, которое тут положено за несданные экзамены, только по той простой причине, что какому–то хмырю приспичило со мной потрындеть!

Шестикурсник недовольно посмотрел на него, но все–таки отдал Саше учебник и пошел по своим делам.

— Как ты с этим живешь? — спросила Джинни, глядя на Сашу поверх длинного реферата по трансфигурации.

— Ужасно, если честно, — признался он. — Если б я знал, я бы обходил квиддич, Вуда и вообще метлы десятой дорогой.

— А не жалко зарывать такой талант? — пробормотала Гермиона, не отрываясь от словаря рун.

— На другой чаше весов мое душевное спокойствие, — напомнил Саша.

— Нет, вы посмотрите на него, — Рон швырнул на стол учебник по зельеварению, — он еще и жалуется. Да если бы у меня была такая популярность, я бы точно не страдал.

Он откинулся на спинку кресла и мечтательно закатил глаза.

— Напоминаю, большая популярность — большие проблемы, — устало выдохнул Саша. — Мне не давали покоя три дня. Три чертовых дня, Рон!

— Мне б твои проблемы, — злобно процедил Рон и пнул стол ногой.

— Не психуй, — Саша чувствовал, как на него накатывает злоба. — Как хотите, а я пошел работать в библиотеку. Там хотя бы есть мадам Пинс, которая не дает разговаривать.

Он поднялся и сгреб вещи в сумку. Джинни тоже засобиралась, видимо, желая пойти с ним, но Рон ухватил ее за мантию.

— Сядь. Хватит за ним бегать, — рявкнул он, и Джинни замерла, а в глазах ее застыли слезы. Саша стиснул зубы, чтобы не раздувать скандал, и молча вышел из гостиной.

В библиотеке было тихо, и ему наконец–то удалось поработать. Где–то через полчаса дверь скрипнула, пропуская Гермиону. Она бесшумно прокралась между стеллажами и села рядом с Сашей.

— Совсем допек? — одними губами спросил тот.

— Сил нет, — кивнула Гермиона. — Джинни ушла в спальню, говорит, видеть его не может.

— Надо как–то выбить из Рона эту зависть, — Саша недовольно поморщился. — Понимаешь, мне завидовать особо поводов нет.

— Ну, он зацепился за квиддич, — пожала плечами Гермиона.

— Птичка, а посмотри на всю мою жизнь. В комплексе, так сказать, — он ехидно прищурился. Гермиона с минуту смотрела на него не говоря ни слова, после чего понимающе вздохнула.

— Я это понимаю, Гарри.

— А теперь постарайся еще вложить это понимание в его бестолковую рыжую голову, — Саша сложил руки перед собой и уткнулся в них лбом.

— Мало того, что судьба Гарри сама по себе незавидна, так ты еще и должен исправлять какие–то ошибки, чтобы вернуться домой, — проговорила она, наклонившись к Саше.

— Вот именно, — он повернул голову, чтобы видеть Грейнджер. — И все это усугубляется тем, что я нихрена из этой истории не помню. Если б я еще знал, что исправлять. А так я просто делаю непонятно что, и в последнее время мне кажется, что я косячу еще сильнее, чем настоящий Гарри.

Он вздохнул и снова повернул голову вниз, глядя то ли на свои колени, то ли в пол, то ли в никуда.

Впрочем, после этого случая с шестикурсником от Саши наконец–то отстали, и он смог зарыться в учебу. Все пасхальные каникулы он посвятил тому, что подгонял образовавшиеся за время подготовки к финальному матчу хвосты. Если древние руны, нумерологию и зелья он выполнял будучи даже в самом разбитом состоянии, то по остальным предметам он позволил себе немного филонить, надеясь, что ловцу команды–победителя все простят. Хагрид особо ничего и не задавал по своему предмету, будучи занятым с делом Клювокрыла, по астрономии и хвостам–то не было откуда взяться — карты звездного неба они заполняли прямо на занятиях. Профессор МакГонагалл пребывала в самом благостном расположении духа. Саша зашел к ней в первый день каникул. Декан Гриффиндора сидела за своим столом и любовно поглаживала квиддичный кубок, стоявший перед ней.

— А, мистер Поттер, — она улыбнулась, — проходите. Я как раз согрела чай.

Саша застыл там, где стоял: МакГонагалл, обычно строгая и холодная, светилась счастьем, как юная девчонка.

— Спасибо, профессор. Я хотел поговорить об учебе, — он осторожно присел на краешек стула напротив МакГонагалл. Она одарила его самой теплой улыбкой, чего от строгого профессора Саша никак не мог ожидать.

— У меня по вашему предмету завал. Может, вы назначите мне темы для дополнительной работы? Мне нужно как–то выходить на экзамен.

— Никаких тем, Поттер, я назначать не буду, — отрезала МакГонагалл. — Вы в последнее время и так перегружены.

— Но я ведь не выйду на экзамен!

— Выйдете, — в лице профессора промелькнуло что–то кошачье. — Хватит мне ваших дополнительных рефератов. Вы в первом семестре наработали на два года вперед. А если вы, Поттер, так переживаете об экзамене, я дам вам список тем, которые могут оказаться в вашем билете.

Саша ничего не ответил, просто достал пергамент и приготовился записывать.

— И еще, Поттер, — МакГонагалл посмотрела на него поверх

очков. — В мисс Грейнджер я не сомневаюсь, но проконтролируйте мистера Уизли, чтобы он готовился к экзаменам.

Саша молча кивнул и принялся записывать первый билет.

Такой же теплый прием ждал его также у профессора Стебль и профессора Флитвика. Последний был в совершеннейшем восторге от Сашиного пилотажа, и поэтому довольно долго не мог получить ответов на свои вопросы, выслушивая дифирамбы — он искренне надеялся, что последние в этом сезоне. И терпение его было вознаграждено сполна: Флитвик не просто выдал ему список заклинаний, которые решил вынести на экзамен, но еще и подробно рассказал, что он хочет увидеть и как этого достичь. В общем, если пришел к нему Саша в полдень, то ушел так поздно, что в Башню можно было уже не подниматься, а сразу спускаться на ужин. Что он, собственно, и сделал.

— Где ты был? — накинулась на него Грейнджер.

— Потом расскажу, — заговорщицки подмигнул Саша. — Тебе точно будет интересно.

Гермиона накинулась на еду так, будто ее не кормили неделю.

— Мне просто хочется поскорее узнать, что там, — пояснила она, увидев удивленные взгляды остальных.

После ужина они отправились в Башню, где Саша, наконец, поведал Гермионе — и Рону, все равно он ошивался рядом — великую тайну о том, что ждет их на экзамене.

— Конечно, они тебе все сказали, — протянул Рон. — Мне бы МакГонагалл ни за что вопросы не дала.

— Может потому что надо хотя бы делать вид, что учишься? — предположил Саша. Гермиона же, не говоря ни слова, выхватила у него лист с вопросами и бросилась переписывать себе.

— Если составить план и готовиться по плану, — мечтательно протянула она, — то мы прекрасно все успеем.

— Грейнджер, развею твои мечты: это вопросы по двум экзаменам. Остальное я добыть не в состоянии, уж прости, — Саша пожал плечами.

— Да ладно, остальные подготовим по программе, — пожала плечами Гермиона.

Остаток семестра прошел под знаком подготовки к экзаменам. Саша не замечал уже, сколько он ест и спит, делает ли он это вообще, и уж тем более ему было не до запоминания снов. А может, ему просто ничего и не снилось. Время пролетело просто как в тумане, дни слились в один большой день. И этот один день оказался посвящен учебе.

К моменту выхода на экзамены все возможные, а также парочка невозможных вопросов были отработаны почти до автоматизма. Поэтому первый экзамен, которым была трансфигурация прошел без сучка и задоринки. По крайней мере, у Саши с Гермионой. В процессе подготовки они превратили с десяток чайников в черепах, так что еще одно подобное превращение прошло достаточно легко.

— Но я же готовился! — завывал Рон от бессилия. — Почему на панцире моей черепахи остались цветочки?

— Ты не сосредоточился, — пожала плечами Гермиона. — Но ты все равно молодец. Уж куда лучше, чем у того мальчика с Хаффлпаффа. Его черепаха плевалась паром.

Все трое расхохотались и отправились на обед. После обеда их ждал экзамен по заклинаниям, и Саша искренне надеялся, что его не поставят в пару с Роном. Днем ранее, готовя этот вопрос, Рон довел его Веселящими Чарами до истерики, и бедняге Джинни пришлось бежать в Больничное Крыло за Умиротворяющим Бальзамом. Так что на самом экзамене Саша от греха подальше встал в пару с Гермионой. Рону достался Невилл, и все, на удивление, обошлось без происшествий, если не считать легкой икоты у обоих, которая к вечеру прекратилась.

Следующий день начался с экзамена по Уходу за Магическими Существами. Вот тут–то никто подвоха не ожидал, потому что Хагрид был слишком подавлен, чтобы придумывать хоть сколько–нибудь сложные вопросы, а потому просто вынес классу большой таз флоббер–червей, которые к концу экзамена должны были просто остаться живы. Вот тут–то у Лаванды и случилась истерика, так что Саше пришлось снова тащить ее в Больничное Крыло. Впрочем, экзамен им все равно засчитали. Об этом за обедом сообщили Гермиона и Рон.

— А еще он сказал, что ему написал Сириус, — рассказывала Гермиона. — У Хагрида же послезавтра суд, и Сириус уже выдвигается в сторону Хогсмида.

— Отлично. Тогда пойдем все вместе, — отрезал Саша. — Ни меня — главного пострадавшего, ни свидетелей так и не опросили. Надо исправлять это вопиющее упущение.

— Да, согласна, — Гермиона кивнула и отставила тарелку. — На салат даже смотреть не могу после этих флоббер–червей.

После обеда всех уже ждал в подземельях профессор Снейп. С морочащей закваской Саша справился без проблем, и профессор, очевидно, был этим крайне недоволен. Судя по его дернувшемуся глазу, он был бы не прочь перевернуть котел и вылить все зелье то ли на пол, то ли самому Саше на голову, после чего поставить ему ноль за невыполненное задание билета. Саша до сих пор не

понимал, почему впал в немилость. Вроде бы он ничего такого не говорил, если не считать вопроса о патронусе, но Снейп как раз после этого и взбеленился. Весь год он присматривал за Сашей с маниакальной бдительностью, словно желая найти хоть что–то, что позволит выдворить его из школы, опорочить в глазах других студентов или хотя бы элементарно снять баллы. Но Саша был кристально чист и поводов не давал, что еще сильнее злило Снейпа. Вот и сейчас на экзамене он выполнил задание билета так, что придраться было невозможно. После безупречного зелья Гермионы, Сашина закваска, похоже, резанула Снейпа не хуже разделочного ножа. Зато следующим на его пути был Рон и его полный провал. Вот там–то Снейп и отыгрался.

Через пятнадцать минут Рон, пунцовый до корней волос, чуть ли не бегом покинул подземелья под хохот и свист студентов Слизерина.

— Это непедагогично, — возмутилась Гермиона, когда они вышли с экзамена.

— Зато дешево, надежно и практично, — пожал плечами Саша. — У дядечки комплексы, дядечке надо отыгрываться. Если при полнейшем попустительстве Дамблдора ему это сходит с рук, то ничего ты не поделаешь. И не пытайся, птичка. Сожрет и не спросит, как звали.

Рон обнаружился в башне, расстроенный сверх всякой меры.

— У Гойла вообще окаменело зелье. И что? Ни слова ему не сказал. А у меня оно, видите ли, недостаточно прозрачное.

— Знаешь, Рон, что я тебе скажу? Гойл безнадежен, а из тебя еще может выйти толк. Может, он думает, что надо тебя немного разозлить, чтоб ты начал нормально работать? — предположил Саша.

— Сейчас уже поздно, — кивнул Рон. — А вот на следующем курсе, честное слово, возьмусь за зелья всерьез.

Саша сдержался, чтобы не засмеяться.

— Надо повторить астрономию, — проговорила Гермиона, ставя галочку напротив зельеварения в списке экзаменов.

Ночной экзамен по астрономии Саша счел удачным для всех троих. Ночь была звездная, небо было хорошо видно, карты заполнили достаточно быстро и Рон даже особо не истерил — однозначно хороший знак.

Зато следующий день выдался просто невозможным: до обеда третий курс томился на экзамене по истории магии в душном кабинете. Профессор Бинс, будучи призраком, не ощущал духоты и не видел практической ценности в открывании окон. А вот живым людям пришлось пострадать. После экзамена Саша с Гермионой затеяли обсуждение содержания и количества

написанного, от чего Рон загрустил. После обеда все отправились на экзамен по травологии в оранжереи, где было так жарко, что прямиком с экзамена пришлось направиться с Больничное Крыло за мазью от ожогов. Перед ужином Саша с Гермионой еще сбегали на экзамен по рунологии, где всем раздали по табличке с руническим текстом, которую нужно было перевести. Саша управился за сорок минут, а Гермионе понадобилось на пять минут меньше. После экзамена они побрели в Большой Зал, чувствуя себя вымотанными до предела.

На следующий день первым была Защита от Темных Сил, которую Саша чуть не завалил. Профессор Люпин устроил целую полосу препятствий, конечным пунктом которой было дупло старого дуба. Если всех тварей, что поджидали его на этом диковинном пути, Саша поборол с легкостью — недаром Люпин всех их приносил на уроки — то в дупле чуть не вышла беда.

Он с легкостью подтянулся на ветке и влез в отверстие. Сначала было темно и тихо, а затем мир огласил автомобильный гудок, а мрак разрезал свет фар. Саша даже не сразу понял, что это боггарт. Первым делом он инстинктивно закрыл руками голову. В следующий миг он сообразил, что огромному грузовику просто не поместиться в дупле дерева, и наставил на него палочку.

— Ридикулус, — машина начала уменьшаться в размерах, пока перед Сашей не появился детский автомобильчик, мигающий лампочкой под противную электронную мелодию.

— Отлично! Ты смог побороть свои страхи, — Люпин, возникший непонятно откуда, хлопнул его по плечу. Саша выбрался из дупла, где уже ждал своего часа следующий участник импровизированной гонки — Гермиона. Она не без труда залезла в дупло, но вылетела оттуда уже через десять секунд с диким визгом.

— Там профессор МакГонагалл! — Грейнджер, казалось, вот–вот расплачется. — Я все завалила! Меня отчисляют!

— Это боггарт, дуреха, — Саша сгреб ее в охапку и потащил к замку.

— Эй, вы видели? — Рон, закончивший полосу препятствий еще перед Сашей, плелся за ними, но теперь внезапно остановился, указывая куда–то на склон холма.

На холме стоял министр магии и рассматривал окрестности Хогвартса.

— Я хочу поскорее отсюда убраться, — проговорил Саша.

— Поскорее? — возмутился Рон. — Мы и так уже почти бежим.

— Значит, придется бежать, — он припустил к замку, и его

спутники еле успевали за ним.

— И зачем тебе только вздумалось убегать от министра? — когда они вбежали в холл замка, Рон держался за бок.

— А затем, что мы все равно сегодня увидимся, а разговаривать с ним сейчас у меня нет совершенно никакого желания. Дурное предчувствие, что ли.

— Ох, не говори о предчувствиях, — попросил Рон. — У меня прорицания после обеда.

— А у нас нумерология, — пожал плечами Саша. — Так что я бы поспорил, кому из нас хуже.

Гермиона при этом вела себя подозрительно тихо, словно вообще старалась казаться незаметной.

Обед пролетел быстро, и они разделились. Рон отправился на предсказания, а Саша с Гермионой — на нумерологию.

— Птиц, я чего вспомнил, — Саша посмотрел на нее, журя правый глаз, — а ты маггловов когда сдавать будешь? Сегодня же последний день экзаменов.

— Магглы совпадают с нумерологией, — прошелестела Гермиона, стараясь, чтоб ее никто не услышал. — После нумерологии раскручу маховик и пойду на маггловедение.

— Может, тебя подстраховать где–то? — спросил Саша с тревогой в голосе. — У тебя голова еле работает, можешь и накосячить.

— Если ты не против, я воспользуюсь той твоей комнаткой на пятом этаже, — Грейнджер виновато улыбнулась.

— Да, на здоровье, — отмахнулся Саша и зашагал в сторону кабинета нумерологии.

Грейнджер прибежала за пару минут до начала экзамена, и Саша понял, что маховик уже раскручен. На щеке у Грейнджер красовалось чернильное пятно, которого после полосы препятствий там быть не могло.

— Птиц, палишься, — бросил он после экзамена.

— Что? — не сразу поняла Грейнджер.

— Мы якобы пришли с экзамена по защите, который проходил на свежем воздухе. Письменных заданий там не было, так откуда, позволь спросить, эта очаровательная клякса?

Гермиона потерла щеку, а в глазах ее мелькнуло что–то, отдаленно напоминавшее страх.

— Я перепутала, — проговорила она, — я пошла сначала на маггловедение, а потом уже на нумерологию. Черт, надеюсь никто не заметил.

— Всем, мягко говоря, пофигу, — усмехнулся Саша. — Но подумай, птичка, вынесешь ты еще один такой годик, или нет?

— Нет–нет–нет, — Грейнджер взмахнула руками. — Сегодня

же несу маховик МакГонагалл.

— Завтра уже отнесешь, — отмахнулся Саша. — Сегодня еще к Хагриду, да и перекусить надо. Ты и так уже разве что не вареная.

— Это точно, — вздохнула она.

На подходе к гостиной их нагнал Рон.

— Сейчас на прорицаниях такое было! — выдохнул он. — Ни за что не поверите!

— Ну–ну, — Саша скептично ухмыльнулся и наклонил голову.

— Я забыл сумку, — начал рассказывать Рон. — Так бежал от нее и от ее дурацких шаров, что забыл сумку. Спустился уже до самого низа башни и понял, что сумки нет. Поднимаюсь обратно — а там она!

— Удивительно, — хохотнул Саша.

— Нет, ну она всегда странноватая. А тут стоит — глаза вращаются в разные стороны, вся застыла. И говорит такая, что, мол, Лорд! Встретился со слугой! Ищет путь к возвращению! Я ее тронул — а она вся холодная! Представляете, настоящий транс был. А потом она как–то так вздрогнула и спрашивает: «А что, я задремала?»

— Да уж, — Гермиона цокнула языком, — на обычный ее спектакль это непохоже.

— Вот и я говорю — может она прорицать. Когда хочет. А то заладила «Один из нас на Рождество нас покинет», — а сама смотрит, боимся мы или нет.

— Бред какой–то, — подытожил Саша. — Точнее, сейчас–то может и не бред. Петтигрю ведь только и может теперь, что Лорда искать и с ним быть, потому что сам Министр знает, что он анимаг.

— Кстати, о министре, — спохватилась Грейнджер. — Кидаем вещи и бежим к Хагриду.

Они оставили вещи в спальнях и бросились со всех ног на опушку Запретного Леса.

Часть III. Глава 24. Справедливость торжествует

На опушке Запретного Леса их уже ждал Сириус.

— Ну что, готовы? — он весело усмехнулся. — Я, правда, не знаю, стоит ли Рону и Гермионе туда идти?

— Они свидетели, они были на том уроке, — со всей возможной серьезностью ответил Саша.

— Да, точно, — Сириус почесал в затылке и рассмеялся. — Ладно, тогда — вперед, спасать безвинных зверей.

Безвинный зверь, привязанный позади них на грядке с тыквами, заклекотал и захлопал крыльями.

— Все будет в порядке, — Грейнджер повернулась к нему. — Просто поверь нам.

Клювокрыл снова заклекотал, уложил голову на передние лапы и приготовился терпеливо ждать.

— Дамы вперед, — Саша распахнул дверь хижины, пропуская Гермиону. Следом зашел Рон, затем сам Саша. Последним вошел Сириус и закрыл за собою дверь.

В хижине не то, что яблоку, огрызку упасть было некуда. За столом сидел расстроенный Хагрид с красными глазами, за спиной его стоял профессор Дамблдор, напротив них — Министр магии, а в углу, опираясь на огромную секиру, слегка покачивался палач.

— Добрый день, — Саша лучезарно улыбнулся.

— Ребята, если вы по поводу экзаменов, то сейчас не самый подходящий момент, — грустно проговорил Дамблдор.

— Нет, профессор, сэр. Мы не по поводу экзаменов, — Саша улыбнулся еще шире.

— Здравствуйте, мистер Фадж, — улыбка Сириуса по ширине не уступала Сашиной. — Простите, что вмешиваюсь, но, кажется, вы кое–что забыли.

— И что же?

— Опросить моего дорогого крестника. В ходе расследования вы не запротоколировали его показания, а на суд его и вовсе не вызвали. Хотя он как раз является одним из ключевых фигурантов происшествия.

— Да, мистер Фадж, сэр, — кивнул Саша. — А письмо моего дядюшки почему–то было проигнорировано.

— Пойми, Гарри, — Фадж пытался произвести впечатление добродушного, но очень уставшего человека. — Твои родственники — магглы, и они не понимают всей опасности

гиппогрифов. Они даже не могут представить, что такое гиппогриф.

— Зато я могу, — встрял Сириус. — А я являюсь официальным опекуном Гарри наравне с Дурслями. Так что, мистер Фадж, вам придется нас выслушать. Или судебная система не претерпела никаких изменений с далекого восемьдесят первого?

Фадж быстро замотал головой.

— Что вы, мистер Блэк. Конечно же, все изменилось. Мы готовы разобраться в деле, мы готовы потратить на это столько времени, сколько нужно для установления истины.

— Да? Именно по этой причине вы пригласили на апелляцию палача? — язвительно поинтересовался Сириус.

Рон испуганно икнул. Он, наверное, и представить не мог, что можно так дерзко разговаривать с самим министром. Но Сириус–то был немного на других правах, поэтому особо не стеснялся.

— Хорошо, мистер Блэк, — Фадж устало вздохнул и вытер лоб платочком. — Ужасно жарко сегодня, вы не находите?

— Итак, вы выслушаете показания Гарри и его однокурсников, после чего вынесете действительно справедливое решение.

— Разумеется, — министр вздохнул, и тут Саша заметил, что Дамблдор улыбается. Судя по всему, он однозначно одобрял происходящее. Хагрид оторвал взгляд от стола и теперь с надеждой смотрел на Сириуса.

— Отлично, — тот хлопнул в ладони. — Итак, Гарри, расскажи министру, что произошло в тот день.

— Мы пришли на урок по Уходу за Волшебными существами. Профессор Хагрид, — Саша подчеркнул слово «Профессор», — провел лекцию о гиппогрифах, в которой неоднократно подчеркнул, что эти создания требуют уважительного отношения, что обращаться с ними нужно очень и очень осторожно, и что они не потерпят грубости. Мистер Малфой в этот момент стоял с мистером Крэббом и мистером Гойлом и о чем–то разговаривали. Они не слушали профессора Хагрида.

— Хорошо, — Фадж кивнул. — Что было дальше?

— Дальше профессор Хагрид спросил, не хочет ли кто–то попробовать на практике пообщаться с гиппогрифом. Я вызвался добровольцем, потому что мне очень понравился этот зверь. Я выполнил все указания профессора Хагрида, и гиппогриф по имени Клювокрыл спокойно дал себя погладить.

— И даже покатал тебя. Клювик такой хороший мальчик, — всхлипнул Хагрид.

— Что было дальше, Гарри? — спросил Фадж.

— Увидев, что гиппогриф не несет опасности, если, конечно, соблюдать все указания профессора Хагрида, остальные студенты также захотели пообщаться со зверями. Я увидел, что в загон вошел мистер Малфой и вспомнил, что он невнимательно слушал профессора, поэтому пошел за ним, чтобы подсказать ему, что делать.

— Гарри всегда помогает нам на уроках, — ввернул непонятно зачем Рон.

«И когда такое было?» — мысленно удивился Саша, но вслух ничего не сказал.

— Итак, вы с мистером Малфоем оказались в загоне. Что дальше?

— Дальше мистер Малфой допустил грубейшую ошибку и назвал Клювокрыла глупым зверем.

Фадж округлил глаза.

— Быть того не может, — выдохнул он. — Мистер Малфой воспитывался в чистокровном семействе и с детства знал, что гиппогрифов злить нельзя.

— Мы сами слышали, — громко сказала Гермиона. — Малфой действительно назвал Клювокрыла глупым зверем.

— Вот именно, — Рон часто закивал. — Какой дурак будет ругаться с гиппогрифом?

— Мистер Уизли, — Дамблдор погрозил пальцем, но улыбку скрыть был не в силах.

— Что было потом?

— Потом я оттолкнул Малфоя и подставился под когти гиппогрифа.

— Очень по–гриффиндорски, — улыбнулся министр, бросив быстрый взгляд на нашивку на Сашиной мантии.

— Но я не имею претензий к гиппогрифу по имени Клювокрыл, потому что он сделал это не нарочно. У него был повод так реагировать.

— Мистер Поттер, иметь или не иметь претензии может только ваш опекун, поскольку вы еще не понимаете всей опасности для вашей жизни и здоровья.

— Хорошо, министр, — кивнул Сириус. — Я опекун Гарри. Я его крестный. Я реабилитирован перед законом. Если я скажу, что оценил нанесенный здоровью вред, счел его незначительным, и поэтому не имею претензий к гиппогрифу, вы зачтете это?

— У меня нет другого выхода, — Фадж снова промокнул лоб платочком.

— Отлично. Тогда я скажу: я не имею претензий к гиппогрифу. Мой крестник быстро восстановился после

нанесенной травмы, а потому я прошу отменить казнь и назначить за гиппогрифом министерский надзор. В случае необходимости я готов внести за него залог.

— Мистер Блэк, можно вас на пару слов?

— Да, разумеется, — Сириус открыл дверь, выпуская министра. Как только они вышли, Саша, Рон и Гермиона бросились к открытому окну и затаились. Хагрид снова поник, а Дамблдор качал головой, будто и сам все прекрасно знал.

— Понимаете, Блэк, Люциус Малфой, — донесся до них тихий голос министра.

— Малфой, конечно, — протянул Сириус. — Я не сомневался в том, что Малфой неспроста вцепился в это дело.

— Просто представьте, в какой ситуации я оказался, — Фадж явно был расстроен и не знал, как выкрутиться.

— Давайте будем честны, — отрезал Блэк. — Сколько вам заплатил Малфой, чтобы вы казнили гиппогрифа? Поверьте, золотые запасы у Блэков не меньше, чем у Малфоев. Я дам вам больше, чем Малфой за то, чтобы Клювокрыл остался у Хагрида. И добавьте мое разочарование тем, что система не поменялась. Справедливость у нас по–прежнему продается и покупается. Не без ваших усилий, Фадж.

Саша ликовал. Он был бы рад сам растереть вот так вот самого министра, да не дорос еще. А вот Сириус, с учетом его прошлого, имел на это негласное право.

— Если вас ничему не научила моя история, я могу оплатить вам этот урок.

— Дело не в деньгах, — Фадж пытался юлить.

— А в чем? В вашем слове?

— Мое слово и моя честь, — практически простонал Фадж.

— Честь? Честь, видимо, состоит в том, чтобы поверить клевете и казнить зверя, которого попросту подставили? — прорычал Сириус.

— Возвращаемся, — прошептал вместо ответа Фадж и сам открыл дверь хижины. Саша еле успел отскочить от окна.

Министр выглядел подавленным, взгляд его блуждал по потолку, словно ища там простой и красивый выход, который удовлетворил бы всех. Но ответа там не было. Молчание затягивалось. Палач перестал раскачиваться и теперь смотрел на Фаджа, не мигая.

— Именем министерства, — начал министр, и голос его звучал надтреснутым. — Выслушав все стороны конфликта, а также принимая во внимание ходатайство официальных опекунов, постановляю.

Он закашлялся. Хагрид всхлипнул. Дамблдор прикрыл глаза.

Саша и Сириус были похожи на две натянутые струны, Рон, кажется, мечтал оказаться как можно дальше от хижины Хагрида, а Гермиона уже приготовилась рыдать.

— Постановляю, — продолжил министр. — Гиппогрифа по имени Клювокрыл признать невиновным в умышленном нанесении телесных повреждений Гарри Джеймсу Поттеру. Произошедшее классифицировать как несчастный случай. Отменить казнь и сменить меру пресечения на арест под надзором министерства. В случае, если министерский сотрудник сочтет гиппогрифа по имени Клювокрыл безопасным в рамках его классификации и не обнаружит отклонений от нее, он будет реабилитирован.

Казалось, мир взорвался от торжествующего рева Хагрида. Если бы не стоявшие перед дверью гости, он рванул бы на улицу, сшибая все на своем пути. У Саши заложило уши. Гермиона плакала от радости. Дамблдор улыбался, похлопывая Хагрида по плечу. Недоволен был только палач. Он вышел из хижины, и злобно бросил топор на землю.

— Кстати, я могу поздравить вас с окончанием экзаменов, мистер Поттер? — Фадж выдавил улыбку.

— Теперь можете, — Саша усмехнулся. — Думаю, ваш палач близок к тому, чтобы зарубить кого–то от расстройства.

— Да, мы пойдем, пожалуй, — министр вышел из хижины и посмотрел снизу вверх на палача. — Идемте, Макнейр.

— Отличный денек, правда? — Саша пожал Хагриду руку. — Мои поздравления Клювокрылу.

Мимо них в направлении тыквенной грядки промчалась Гермиона. Она остановилась перед Клювокрылом, поклонилась, и он потянулся к ней.

— Как я рада, — она обвила шею зверя двумя руками. — Как я рада, что все так хорошо закончилось.

— Никто не хочет выпить сливочного пива по такому поводу? — спросил Сириус, когда они уже шли от хижины к замку. Дамблдор остался с Хагридом, видимо, присматривать за тем, чтобы он не слишком лихо праздновал.

— Хорошо бы, да кто нас пустит в Хогсмид, — пожал плечами Рон.

— Есть тут у меня одна идейка, — подмигнул Блэк. — Вы со мной?

Он резко развернулся и зашагал в сторону Гремучей Ивы.

— Эй, ты серьезно? — воскликнул Рон. — Она нас чуть не убила, эта чертова ива. Я не настолько безрассуден, чтобы мило прогуливаться возле нее!

Ива, видимо, тоже была не в восторге от гостей, потому что

принялась размахивать ветвями–плетями. Однако Сириус знал какой–то секрет. Что он сделал, так никто и не понял, но ива вдруг замерла, словно замороженная.

— Идем, — бросил Сириус и направился к дереву.

— Мне это не нравится, — простонал Рон. — Мне это совсем не нравится. А вдруг она отомрет в самый неподходящий момент?

— Не отомрет, — Сириус подошел к стволу, наклонился и полез в какую–то нору у самых корней дерева. Саша толкнул Рона, и тот тоже принялся протискиваться в нору.

— Дамы вперед, — второй раз за день проговорил Саша, — мисс Грейнджер, извольте проследовать в нору.

— Благодарю вас, мистер Поттер, — рассмеялась она. Саша полез вслед за ней.

Нора оказалась входом в довольно высокий коридор.

— Ничего себе, — выдохнула Грейнджер. — И куда ведет этот тоннель?

— Сейчас узнаешь, — крикнул Сириус, засветил огонек на кончике палочки и пошел вперед. Остальные последовали за ним. Саша шел последним и корил себя за то, что не взял с собой Карту. Он точно помнил, что этот проход на ней есть — он еще гадал тогда, какому дураку в здравом уме придет в голову лезть к Иве. Но вот куда он ведет, Саша запамятовал. Оставалось только довериться Сириусу.

Коридор закончился комнатой, которая выглядела просто ужасно: перевернутая мебель, стены все в глубоких царапинах, окна заколочены. Грейнджер подошла к одному окну, заглянула в цель между досками и выдохнула:

— Мы в Визжащей хижине!

— Да, ты права. Мы в Визжащей Хижине, — Сириус широко улыбнулся. — Сидите тут, не показывайтесь, а я сейчас сбегаю за сливочным пивом.

Саша с Роном перевернули диван и уселись на него. Гермиона так и стояла у окна.

— Как думаете, что тут происходило? Кто или что учинило такой погром?

— Ой, Грейнджер, да пофигу. Хотя соглашусь, местечко жутковатое.

— Говорят, что в Визжащей Хижине живут призраки, — Рон шмыгнул носом.

— Ага. Один сейчас вылезет из–под дивана и цапнет тебя за ногу, — криво

ухмыльнулся Саша. — Рон, ты три года провел в Хогвартсе и до сих пор боишься призраков?

— Ну, наши призраки, школьные — это одно. А здешние —

совсем другое дело. Рассказывают, что они воют, кричат, визжат. Недаром же хижина называется Визжащей.

— Рон, а как бы они перевернули диван? — скептически поднял бровь Саша. — Если ты не забыл, привидения проходят через предметы. Да и стенку они бы вряд ли поцарапали. Ну и самое главное: они бы не ограничивались только хижиной, но и блуждали бы по Хогсмиду. Так что никаких призраков тут нет. Сиди спокойно.

— Очень логичное рассуждение, Гарри, молодец, — раздался из коридора знакомый голос.

— Профессор Люпин, здравствуйте, — все трое приветственно улыбнулись. — А что вы тут делаете?

— Долгая история, — поморщился Люпин. — Лучше расскажите, как там Клювокрыл. Сдается мне, что вы трое точно в курсе дел.

— Да лучше некуда, — рассмеялся Саша и принялся пересказывать произошедшее в доме Хагрида. К нему подключились Рон с Гермионой, и через каких–то двадцать минут Люпин уже знал все подробности происходящего.

— А потом Сириус Блэк привел нас сюда, а сам пошел за сливочным пивом. Он и вас пригласил? — простодушно закончил рассказ Рон.

— Нет, он меня не приглашал. Я тут по делам, — профессор улыбнулся.

— Будете призраков исследовать? — восхищенно выдохнул Рон. — А можно с вами?

Где–то в доме раздались шаги, и в комнату вернулся Сириус с полным пакетом бутылок.

— Ремус, здравствуй, — Сириус пожал ему руку и полушепотом добавил, — я уже понял, что мы не вовремя. Сейчас уйдем.

Саша, стоявший ближе всех к ним, был единственным, кто это услышал.

— Ты же знаешь, Сириус, зачем я сюда прихожу.

В глазах Блэка мелькнуло нечто, похожее на беспокойство.

— Ребят, чего сидеть в этой пыльной конуре? Такой день! Идемте к озеру! — преувеличенно бодро заявил Сириус.

— К озеру? Звучит просто замечательно, — подхватил Саша и махнул рукой.

— Почему мы оставили профессора Люпина там? — недоумевал Рон, идя вместе с ними по коридору. — Зачем ему там сидеть, если можно гулять и наслаждаться жизнью.

— Как–нибудь потом объясню, — шепнул ему Саша.

— Нет, объясни сейчас, — настаивал Рон.

— Дай только из норы выберемся, я сразу тебе все объясню.

Они расположились под деревом на берегу озера, открыли свои бутылки и Рон выжидающе уставился на Сашу.

— Рон, все в порядке? — спросил Сириус.

— Почему профессор Люпин с нами не пошел?

— Это очень тяжело понять, — осторожно начал Блэк.

— Да просто потому что он оборотень, — в один голос заявили Саша и Гермиона.

— Вы знаете? — пораженно уставился на них Сириус.

— Судя по всему, ты тоже, — хохотнул Саша. — Лично я понял это на Рождество, когда он не пришел на ужин. Тогда я подумал, что он частенько болеет. Вот взять даже тот матч, когда на поле пришли дементоры. Люпин тогда тоже был нездоров. Я прикинул — заболевает раз в месяц. А потом я добыл лунный календарь. И все встало на свои места.

— Молодец, — Сириус кивнул. — А ты, Гермиона?

— Когда Снейп задал нам реферат про оборотней.

— Сволочь, — процедил Сириус. — Снейп хотел, чтобы кто–то догадался и рассказал всем. Тогда Люпина бы уволили.

— Я никому не говорила, — тихо сказала Гермиона. — Только вам сейчас — и все.

— Я тоже.

— Один я не понял этого, — вздохнул Рон.

— Погоди–ка, Сириус. Вы ведь дружили, да? Вы вчетвером?

— Ну да.

— А скажи–ка, Сириус, твои анимагические способности никак не связаны с болезнью Люпина?

— Догадливый. Весь в отца, — довольно кивнул Сириус. — Конечно, связаны. Мы точно так же, как и ты, в свое время догадались о причине, по которой Ремус иногда пропускает занятия. Он признался, что его уводят в комнату под Ивой. Мы знали, что пока мы в человеческом облике, он для нас опасен. Но для животных…

— И вы стали анимагами?

— Да. Питер — самый верткий, отключал Иву, чтобы мы могли пройти. Я по виду ближе всего к волкам, мог вразумить Ремуса–волка. Ну а если уговоры не помогали, подключался твой отец. Джеймс.

— И в кого превращался Джеймс? — Саша даже забыл, что должен говорить «отец».

— В оленя. Большой, красивый, и — что немаловажно — сильный зверь мог остановить даже волка. Ох, какими побитыми мы иногда приходили с этих прогулок. Мадам Помфри никак не могла сообразить, где мы постоянно ранимся.

Саша допил свою бутылку и посмотрел на гладь озера.

— То есть, Лунатик — это профессор Люпин. Хвост — Петтигрю. Ты, дожно быть, Бродяга. А отец, — тут Саша не допустил оплошности, — Сохатый.

— Карта. Да, мы ее создали, — кивнул Сириус. — За все те ночи, что мы бродили по окрестностям, мы неплохо их изучили. До того как стать анимагами, мы много раз гуляли по школе под мантией твоего отца. Так что кому, как не нам, создать эту карту.

— Действительно, — Саша кивнул. — Почему бы и нет.

— А давайте о каникулах поговорим, — взмолился Рон, и Гермиона пустилась в пространные рассуждения о том, какие книги она хочет прочитать за лето. Саша смотрел, как солнце тонет в Черном озере и ему казалось, что все вокруг какое–то неправильное. Но он предпочел не задумываться об этом. Все стало неправильно давно, с того самого момента, как он попал в тельце Гарри Поттера. Он не знал правил, поэтому делал все неправильно. Делал так, как считает нужным он.

Часть III. Глава 25. Год окончен

Он был в коконе, в своем укрытии, достаточно твердом, чтобы защититься от внешнего мира, но, в то же время, достаточно хрупком, чтоб пробить его, когда придет время. Оно уже близилось, с каждым днем, с каждым часом надвигалось огромной черной тучей на весь этот нелепый мирок, клубясь в его душе ликованием. Он смог. Он нашел способ, такой простой и изящный, такой очевидный. Для перерождения ему нужно было хотя бы родиться. И змея — Он называл ее Нагайной — ему в этом помогала. Они свили гнездо в корнях старого дерева на кладбище — Он знал, что это за кладбище, знал, кто тут лежит. И оттого чувство собственного превосходства было еще сильнее. Они все: предатели, отступники, жалкие и трусливые людишки — будут гнить в этой земле под массивными камнями с высеченными на них пафосными лживыми словами, а Он — Он возродится назло им всем. И никто не посмеет назвать его имени. Никогда.

Он снова чувствовал то самое переполняющее душу желание расплаты, которое становилось больше него, стремилось вырваться, излиться на всех карающим огнем. Оно было таким сильным, таким всепоглощающим, что его кокон, его маленькая крепость дала трещину. Тихий хруст прозвучал на безлюдном кладбище подобно грому, и Он шевельнулся. Невероятное чувство. За долгие годы он и забыл, каково это, когда мышцы покорно отзываются на малейшее намерение, когда не приходится отдавать приказы, и затем ждать их исполнения, а делать все самому вот так запросто. Трещина росла, ширилась, и наконец две половинки его убежища с тихим стуком упали. Он лежал между ними, совершенно один. Но длилось это недолго.

— Наконец–то, — раздалось рядом тихое шипение, а затем раздался подобострастный шепот Хвоста.

— Мой Лорд, я так ждал. Мы все этого ждали, — теплые руки подхватили его, и он ощутил дрожь, пробиравшую сгорбленного человечка, который кланялся тому, кого держал в своих же руках.

— Ты боишься? — спросил Он, и звук собственного голоса был для него самой дивной песней. — Все будут бояться. Все.

Саша резко вдохнул и сел на кровати. Он наконец–то научился выходить из кошмара без криков и матов, за что был безмерно горд. Кошмары кошмарами, а лицо перед окружающими надо было сохранять. Саша взглянул на часы. Маленькая стрелка замерла на отметке «Три».

— Как всегда, — выдохнул он и улегся обратно на подушку.

Несмотря на то, что проспал он достаточно долго, в голове все еще немного гудело. Хотя как можно было не отпраздновать освобождение Клювокрыла?

В принципе, Саша был доволен предыдущим днем: они немного посидели на берегу озера, расслабились, отдохнули, посмеялись. Затем сходили еще разочек к Хагриду, который на радостях где–то добыл огненного виски. Сириус решил остаться, но перед этим решил побыть строгим крестным и безапелляционно заявил, что Саша, Рон и Гермиона должны отправляться в замок. Впрочем, с ним никто и не спорил: разморенные от теплого весеннего солнца и сливочного пива, они неторопливо побрели к замку. Однако в гостиной их ждал сюрприз: близнецы Уизли, кажется, не теряли зря времени и прогулялись по одному из потайных коридоров до Хогсмида, где набрали сливочного пива на весь факультет. Так что в башне Сашу и его товарищей ожидало самое безобразное и шумное веселье, которое только можно было представить. Перси тщетно пытался разогнать по комнатам хотя бы первокурсников, которые яростно сопротивлялись и путали его тем, что они со второго курса — в принципе, это было наполовину правдой. Выпускные экзамены они сдали. Второкурсники тоже, по большому счету, на Перси внимания не обращали, апеллируя к тому, что они уже почти третий курс, а значит, скоро пойдут в Хогсмид и попробуют сливочное пиво.

— В самом деле, братишка, — рассмеялся Фред, — два месяца раньше, два месяца позже. Неужели это настолько принципиально?

Перси ничего не ответил и ушел спать, напоследок сообщив всем, что разбираться с МакГонагалл они будут сами. Правда, никто особо и не испугался. Даже самые робкие первокурсники никуда не ушли.

Вспоминая это веселье, Саша невольно подумал, что слегка переборщил. Голова гудела, и он не мог с точностью сказать, был ли этот гул последствием сна, или все же бурный вечер давал о себе знать. Просидев на кровати еще минут пять и так и не найдя ответа на свои вопросы, он сходил умыться и попить воды, после чего вернулся в спальню, упал на кровать и уснул.

Когда он проснулся, часы показывали, что завтрак уже безвозвратно пропущен, а если не поторопиться, то таковым окажется еще и обед. Саша быстро собрался и пулей вылетел из спальни.

Рон, Гермиона и Джинни обнаружились в Большом Зале.

— Ну ты и соня, — рассмеялась Джинни. Саша улыбнулся ей в ответ, кивнул и беглым взглядом осмотрел зал. Чего–то не

хватало.

— А где Люпин? — он недоуменно уставился на Рона.

— А, Люпин, — тот поморщился. — Не хотел бы расстраивать, но за завтраком Снейп устроил тут форменное представление.

— Только не говори мне, что он знал, — Саша воздел взгляд к потолку.

— Мало того, что он знал! Мало того, что он готовил ему противоядие весь год! Теперь он еще и проболтался, — Гермиона так яростно тыкала вилкой в свой бифштекс, что, казалось, хотела убить его второй раз.

— И теперь профессор Люпин собирает вещи, — грустно вздохнула Джинни.

— Я бы хотел с ним поговорить напоследок, — задумчиво протянул Саша, — но для начала я бы все–таки пообедал.

— Да, — кивнула Гермиона. — Мы и сами хотели сходить к нему. Как преподаватель он очень хороший.

— Вот именно, — кивнул Саша и принялся за еду.

Профессор Люпин выглядел усталым. Он уже собрал вещи и теперь просто сидел за столом, словно чего–то ждал. Чего–то или кого–то.

— Я знал, что вы придете, — он чуть улыбнулся, от чего его изможденное лицо даже посветлело.

— Профессор, не уезжайте, — Джинни смотрела на него с грустью.

— Да, какая разница, что вы оборотень, — сказал Рон, и Саша тут же с силой пнул его по ноге.

— Нет, Рон, как раз в этом и разница, — Люпин вздохнул. — А что, если бы я забыл вчера выпить противоядие? Если бы кто–то из студентов решил прогуляться — и не оправдывайтесь, я знаю, что такие есть. Простили бы мне это? Простил бы это я сам себе?

— Вы могли бы подождать еще недельку и уехать вместе со всеми, — предложил Саша. — Не показывать Снейпу, что его слова как–то вас задели.

— О, его слова меня не задели, не переживай. Он просто констатировал факты, не более. А вот то, что его слова задели студентов — это отрицать глупо. Сегодня они напишут — если еще не написали — родителям. Завтра на столе директора уже будет гора писем с требованием убрать меня как можно дальше от детей. Я не буду этого ждать. Я просто уеду сам.

— Все равно вы замечательный, — Гермиона ободряюще улыбнулась.

— Спасибо, Гермиона, — профессор Люпин улыбнулся ей в ответ. — Если для тебя это важно, я поставил «Превосходно» за

экзамен, несмотря на инцидент с боггартом. И я бы тебе посоветовал быть чуть более уверенной.

— Гермионе? Еще более уверенной? — рассмеялся Рон.

— Да, именно. Несмотря на все ее успехи, Гермиона очень критично к себе относится, — Люпин стал серьезнее. — Поэтому я и даю ей такой совет.

— Спасибо, профессор, — Гермиона покраснела. — Я постараюсь.

— Я проверю, — Люпин подмигнул. — Думаю, мы с вами еще увидимся когда–нибудь. Поэтому я не прощаюсь. Я говорю: «До свидания».

Он поднялся из–за стола и пошел к двери. Все четверо просто махнули рукой, будучи не в силах что–то еще сказать. Девчонки начали шмыгать носами. Саша пошел за Люпином, оставив Рона утешать Джинни и Гермиону.

— Я знал, что ты пойдешь, Гарри, — Люпин словно спиной почуял его приближение. Наверняка, его звериные инстинкты еще не уснули.

— Почему же? — Саша прищурился и наклонил голову.

— Потому что ты догадался, что я и тебе хочу кое–что сказать. Ты не Гарри.

— Как вы догадались?

— То есть, ты не будешь этого отрицать, — удовлетворенно кивнул Люпин. — В тебе нет ничего от характеров Джеймса или Лили. Ты не отсюда. Ты лишь гость. Я не понял пока, друг ты или враг.

— Друг, — быстро сказал Саша.

— Я очень хочу в это верить. И когда мы встретимся, я хотел бы, чтоб ты был готов открыть правду. В этом мире слишком мало правды, слишком мало. И какой бы губительной она ни была, лучше раскрыть ее, чем потерять доверие тех, кто остается на твоей стороне.

— Это слишком долгая история, чтобы рассказывать её на бегу, — Саша покачал головой.

— Вот поэтому я ее и откладываю. Всего доброго, друг, — Люпин пожал ему руку и зашагал к выходу из замка.

Остаток семестра Саша провел не в самом радужном расположении духа. Он прокручивал в голове весь предыдущий год, прикидывая, где же мог проколоться и как избежать этого в будущем. Не найдя ни одного объяснения, он совсем загрустил. Последние два дня он бесцельно бродил по замку, пока не наткнулся на Грейнджер.

— Ты чего? — спросили они друг у друга в один голос.

— Отдавала МакГонагалл ту вещь, — ответила она первой.

— Загрузился из–за последнего разговора с Люпином, — Саша кивнул. — Слушай, Грейнджер, вот ты меня поймешь. Мне надо выговориться. Там, где нас никто не подслушает.

Гермиона кивнула и побрела за ним на пятый этаж, туда, где их уже ждал холст с котом. Стоило проему закрыться за ними, как Сашу прорвало. Он говорил, не останавливаясь, о том, что ничего не изменилось, о том, что Люпин его то ли подозревает, то ли что еще. О том, как дико хочется домой. О том, как надоело ото всех прятаться. А Грейнджер кивала и молчала. Когда у него, наконец, закончились слова, и в кабинете повисла неловкая тишина, Гермиона легко вздохнула.

— Не бери в голову, — она мягко улыбнулась. — Думаю, Люпину надо рассказать. Он же преподавал Защиту от Темных искусств, вдруг он знает, что это за чары.

— Понимаешь, Грейнджер, что это за чары, знаю и я. Я даже знаю, как их снять. Вот только я не знаю, приблизил я или отсрочил исход всего этого дела. А может и вовсе, время осталось на месте. Я ничего не знаю, Грейнджер, и это раздражает.

— Верю, — тихо проговорила Гермиона и кивнула.

Огромный красный поезд выпускал клубы пара на перроне. Саша нехотя тащился к нему в толпе студентов и думал о том, сколько ему еще предстоит. Он силился вспомнить хоть что–то, но прошедшие тринадцать лет хорошо поработали над его памятью. Он не помнил практически ничего о том, что должно произойти. Оставалось только надеяться, что память услужливо подбросит ему какой–нибудь огрызок информации в нужный момент. Оставалось только надеяться.